

ВОКРУГ СВЕТА

2
1971
ФЕВРАЛЬ

стр. 12 ▲
стр. 2 ▶
▼ стр. 20

◀ стр. 48
стр. 30 ▼

1971
ВОКРУГ СВЕТА
№ 2
ФЕВРАЛЬ
Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ КПСС

«Экипаж I» и «Экипаж II» уходят в горы. Продолжаем серию очерков о работе экспериментаторов из «лаборатории выживания», решающих проблемы сохранения жизни человека, оказавшегося один на один с суровой природой.

Чай красной земли. Наш специальный корреспондент рассказывает об одном из главных богатств советской Грузии.

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Встреча с «противником» в океане — фоторепортаж с боевых учений.

Их называли «люди с неба»... Рассказ о помощи молодых советских добровольцев народу Перу, пострадавшему от землетрясения.

Досье преступлений империализма. «Возвращение маркиза де Биннеля» — очерк о тайных акциях подпольной фашистской организации.

Об искусстве острова, который легенда считает родиной Афродиты, — очерк из новой серии «Острова культуры».

Вертолет завис над местом «аварии». Испытатель пристегнул карабин к вертолетному тросу... Это входит в программу эксперимента.

А. МНАЦИКАНЬЯН,
В. УСКОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ В ГОРАХ

Из дневника испытателя «Экипажа II». «В полдень мы у реки. Реки — наиболее частая преграда, которая будет поджидать экипаж при выходе его в район спасения. Поэтому штурм бурных потоков без специального альпинистского снаряжения входит в программу эксперимента. Правда, мы облачены в оранжевые гидрокостюмы «Форель» с надувными воротниками. «Форель» уже не раз опробованы на плаву в южных и северных водах, но там были довольно спокойные поверхности морей и океана. Нам надо проверить их здесь, где бешеный поток несет пену и камни.

Скользя по крупной гальке, все глубже вхожу в воду. Становится трудно сохранять равновесие — положительная плавучесть костюма пока мой враг: «Форель» отрывает ноги от грунта, подбрасывает в воде, точно мяч. Последний раз скользнув ногами по дну, опрокидываюсь навзничь. Воротник тут же поднимает мою голову над потоком. Шум воды еле различим сквозь губчатую резину шлема, плотно облегающего голову. Слепящее солнце затрудняет ориентировку, но опасности особой нет — страхующий капроновый фал связывает меня с оставшимися на берегу. Далеко слева вода с грохотом разбивается о скальные клыки.

Чем ближе к середине потока, тем труднее сохранить равновесие. Вода вертит и крутит, точно куклу. Теперь уже все силы уходят на то, чтобы удержать голову над водой, а страховочный фал вместо помощи чрезвычайно затрудняет все действия, не дает сдвинуться со стремительного стрежня. Меня тащит мимо отмели, той самой отмели, куда я должен был выбраться.

Отчаянные попытки страхующих выправить положение ни к чему хорошему не приводят. Отнюдь. Поток подхватывает провисший на мгновение фал и с головой окунает меня в воду. Кажется, на берегу поняли ненужность этой треклятой веревки и отпускают конец. Впрочем, нет. Краем глаза вижу, что Геннадий, вытравив почти всю длину и оставив себе последний метр, скачками несется за мной по берегу. Ну и скорость у речки!

Опять поток принимается крутить пенные воронки. В глазах попеременно то пустынный берег, то далекие товарищи. И тут я замечаю, что со страшной ско-

ростью лечу прямо на первый утес, у которого вода буквально кипит. Ирония судьбы — сегодня мой день рождения...

Мгновенно в памяти встают воспоминания — что-то похожее у нас уже было... Ну да, тогда, на море!

...Мы отрабатывали средства подъема потерпевшего непосредственно с воды в воздух. «Потерпевшим» в тот раз был испытатель нашей группы. Он плавал в спецкостюме, ждал вертолета, а когда вертолет зависал над ним, цеплялся за трос и взмывал в воздух.

Вместе с остальными на патрульном судне наблюдал за операцией и наш начальник. Трещала кинокамера оператора.

Вот испытатель пристегнул карабин к вертолетному тросу... Сейчас начнут поднимать. Щиток у шлема испытателя поднят, в лицо бьют брызги, но без щитка дышать легче, чем закупоренному, по себе знаем. И вдруг вертолет просел — чуть опустился — и сейчас же пошел над морем, волоча испытателя на тросе. В тот же миг балансировка испытателя нарушилась, и он повис вниз головой. А вертолет все вперед и вперед: то макнет его в воду, то выдернет. А больше тащит по воде. Мы поняли, что еще полминуты — и конец, захлебнется!

Но в последний момент он все же закачался в воздухе, оторванный от воды. И когда напряжение немного спáло, мы увидели, что наш начальник провел рукой по лбу, потоптался на месте и опустил свою руку на плечо рядом стоящего...

...Утес я счастливо все-таки миную, но дальше — дальше река с обманчивой гладкостью и тишиной исчезает в гроте под следующим камнем.

В последний момент замечаю у каменной пасти второе русло, которое огибает пропиленную потоком дыру. Неимоверным усилием выбрасываю из воды ноги и отталкиваюсь от арки над потоком. И вдруг, словно выброшенный из какой-то трясущейся и мчащейся машины, оказываюсь на тихом мелководье.

Нет, все-таки день рождения — это день рождения!

Дни эксперимента все убыстряют и убыстряют свой бег, а с какой томительной медлительностью начинались они...»

Фото В. УСКОВА

...Чрево самолета до предела набито экспедиционным скарбом. Редкие свободные кресла завалены рюкзаками, коробками, брезентовыми тюками. За иллюминаторами, на бетонном поле растерянно переминаются три наших психолога, не рискнувшие оставить без надзора огромный ящик со своими приборами. Ящик показался экипажу чрезвычайно громоздким и тяжелым.

— Самолет не резиновый, — коротко подытожили летчики затянувшуюся дискуссию. — Догонят вас приятели, не волнуйтесь.

Волноваться, конечно, особенно нечего. Просто обидно: психологи впервые собрались с нами в «поле», и вот на тебе!

АН-24 взмывает вверх и берет курс на юго-восток, к далеким горам Средней Азии.

Итак, впереди нас ждут горы. Завершен очередной цикл лабораторных исследований, прервано на время изучение специальной литературы, ежедневные спортивные тренировки по утрам этот месяц будут проходить без нас. Мы улетаем в экспедицию, в поле — проводить (выражаясь нашим привычным языком) натурный эксперимент.

Как и у всех изыскателей — топографов, геологов, гляциологов и прочего путешествующего люда, термин «поле» в нашей практике тоже достаточно широк: это и трудно проходимая тайга, и выжженные пустыни, каменистые берега полярных морей, заснеженные степи, ширь теплого океана — все те места, где нам, врачам-исследователям и инженерам, пришлось побывать за последние годы, занимаясь изучением проблемы выживания человека в экстремальных условиях [1].

Проблема эта существовала всегда. Но чрезвычайно обострилась с появлением авиации и особенно современной, скоростной. Теперь самолет в условиях одного непродолжительного полета может пересечь разом все климатические зоны Земли. И случись авария, экипаж и пассажиры — в мгновение — могут оказаться изолированными от всех благ цивилизации, бесконечно далеко от спасателей. В такой ситуации придется рассчитывать лишь на автономное аварийное снаряжение, на собственный опыт и волю.

[1] См. «Вокруг света» № 1, 11 за 1969 год

Решением проблемы выживания занялись во многих странах. Но за общностью термина «решение проблемы выживания» сразу обнаружились многочисленные вариации в конечных целях этих работ, методике их проведения и обоснования. В США эта тема была сразу включена в программу обширных приготовлений к «горячим» войнам на чужих территориях, натаскивания печально известных банд «зеленых беретов» и летчиков стратегической авиации, совершающих пиратские налеты.

Вот уж поистине то, что может и должно служить гуманным целям, в грязных руках становится средством исполнения преступных замыслов подавления и захвата.

...Лет двадцать назад ВВС США создали 390-ю учебную эскадрилью в лагере Карсон. Здесь собрались опытные инструкторы — скалолазы, лыжники, охотники. Подполковники Чарльз и Иннес-Тейлор — участники заполярных странствий. Ганс Сьюерс — профессиональный охотник. Норвежец капитан Кнутсен — знаток Арктики.

Карсон был последней ступенькою длинной лестницы обучения летчиков стратегической авиации: пуэрто-риканская база Рамэй (испытания пилотов в джунглях), база Тэрнер (выживание в болотах), база Локкберн (существование в лесных дебрях) и, наконец, Карсон, где зимой и летом летчики проходили инструктаж и практическую подготовку в условиях северных гор.

Но Карсон, по-видимому, оказался неподходящим местом, и спустя несколько лет школа перекочевала на базу ВВС Стэд, в нескольких милях от горной цепи Сьерра-Невада.

Стэд — скопище палаток на мрачном каменистом пятачке в предгорьях. Уже с первой минуты пребывания в лагере курсанты понимали, что блага цивилизации для них переставали существовать. Даже самые невинные занятия — лекции и те не сулили спокойной жизни. Они были напичканы сведениями о всевозможных авиационных катастрофах, авариях, людских трагедиях. Курсантам предлагали мысленно ставить себя на место потерпевших. Когда инструктор спрашивал новичка, что сделает тот в аварийной ситуации в первую очередь, то нередко слышал ответ: «Застрелюсь».

Однако скоро курсант узнавал, что и в безлюдных просторах Арктики, пустынь или джунглей жизнь не так кошмарна и безнадежна, как это часто изображают беллетристы («Ни одно из болот не засосет так, как басни вашей бабушки» — любимый каламбур инструкторов). Всегда вокруг есть пища и вода. Надо только знать, как их найти, и не быть особенно привередливым. Если в аравийских пустынях сушеная саранча — лакомство, то почему бы голодному летчику тоже не отведать его? Человек не слишком ленивый всегда может обеспечить себе калорийное

меню из летучих мышей, ящериц, лягушек и змей.

Курсанты совершают изнурительные лыжные переходы в горах, плетут силки и ставят капканы, по винтику собирают аварийные передатчики из нарочно раскромсанных радиостанций. Днем и ночью они прыгают с парашютом, ознакомившись предварительно со статистикой травматизма: «В сложных метеоусловиях один из трех парашютистов погибает или получает травму». Но тут же следует совет — держись за свой парашют. На земле из него можно сделать при необходимости палатку, одеяло, постель, силки, рогатку, невод, шарф, шапку, обмотки, парус, мешки, снегоступы, стрелы, наконечники для копья и даже очки.

Вечером курсанты возвращаются в заледеневшие палатки, не представляя, что все пережитое лишь вступление к основному курсу Стэда.

В один из дней, в сумерках, взвалив на себя парашютный ранец и аварийный запас (42 фунта — 42 предмета. От спального мешка и накомарника до удочки и запасных носков), летчики влезают на машины. Грузовики уходят в горы. В долине Гризли, имитируя высотный ночной прыжок с парашютом, курсанты на всем ходу переваливаются через борт и исчезают в темноте.

Десять дней и ночей группами по шесть человек они пробираются к сборным пунктам на восточном склоне хребта. Есть карты и передатчики, но это мало помогает делу. Семиметровые сугробы, холод, вечно мокрые ноги, бессонные ночи, голод — дни, полные лишений, подрывают дух у самых стойких. Часты симуляции. Сказавшись больными, симулянты требуют немедленной эвакуации. Но инструкторы остаются глухи. Они не вмешиваются и не помогают. Они только наблюдают, выясняя способность того или иного курсанта к выживанию.

Голод изнуряет. Не спасают аварийные пайки — плитки пеммикана и картофель. Голод заставляет учиться рыбачить и охотиться. Редких зайцев, пойманных в силки из парашютных

◀ **Сигнальный дым: «экипаж II» вышел на связь с поисковым вертолетом.**

Впереди опасная переправа: испытание гидрокостюма «Форель» и... человеческой выдержки.

строп, счастливцы свежуют и коптят над костром. А назавтра опять голод и бессонная ночь в наскоро вырытой снежной норе. К концу перехода о маскировке почти все забывают, хотя в задании сказано, что группы двигаются по территории, захваченной «противником». Не выставляют уже и часовых, мечтая выбраться поскорее живыми...

Курс Стэда не проходит даром. Бывший командующий стратегической авиации США с удовольствием включил в один из своих докладов откровения выпускника Стэда, сбитого в военных действиях над чужой территорией и оставшегося в живых: «Я вспомнил, чему меня учили в Стэде, и сохранил хладнокровие, присутствие духа и, главное, сохранил свои носки сухими».

...Наш «Антон» летит всю ночь, присаживаясь на попутных аэродромах передохнуть. К утру в светлеющей дали горизонт начинает горбатиться темно-серыми громадами — горы. Мы у цели.

«Третий! Третий! Как слышите меня? Прием». Снаружи доносятся писк морзянки и шипение аварийного приемопередатчика, а затем чуть заспанный голос Владислава, старшего нашей группы, начинает успокоительно бубнить в микрофон: «Первый, первый, я третий. Слышу вас отлично. Вас понял. Приступаем к замерам».

Так начинается новый день в нашем экипаже. Нас вызывает «первый» — это Олег, руководитель экспедиции. Мы отчитываемся о проделанной вчера работе и нашем состоянии и приступаем к физиологическим исследованиям.

В убежище, собранном из жердей и купола парашюта, светло. Ребята уже пробудились, но делают вид, что спят. Замеры не самая приятная процедура. За ночь экипаж незаметно сполз к одной из стен, под уклон площадки, и сейчас скопище тел напоминает одеревеневшую схватку регбистов. Из нее осторожно выпрастывается чья-то рука и, нащупав в кармане ранца сигарету, снова исчезает в куче мале.

— Эй, братцы! — голос Владислава грозен. — Не курить! Сейчас дышать будем.

Под полог один за другим летят газовые мешки. Экипаж нехотя оживает. Каждый отыскивает свой мешок и надевает маску на лицо. Мешки пока пусты, но постепенно заполняются воздухом из легких, растут, точно воздушные шары, закрывают лица. Пробы поступают к врачу. Включаются оптический газоанализатор, портативный кардиограф, термостанция... Пульс в покое, пульс стоя. А, черт! Опять отклеились температурные датчики! Несколько резких движений — и сердце начинает частить, кружится голова, в ногах слабость. Как это мы умудрились позавчера затащить на такую высоту груду наших приборов и снаряжения?

Замеры лишь один из подпунктов обширной программы экспедиции. Нам предстоит в течение месяца выяснять условия выживания и спасения в горах, изучить комплексное воздействие на организм кислородного голодания, обезвоживания, интенсивной физической нагрузки, ограниченного питания и солнечной радиации, оценить аварийное снаряжение и проверить методы его использования в горной местности и, наконец, надо определить оптимальный режим деятельности и особенность поведения человека в горах.

С воздействием интенсивных физических нагрузок мы столкнулись в первый же день, еще и не приступив к эксперименту. Весь груз, который с таким трудом размещался в объемистом АН-24, включая и злополучный ящик догнавших нас психологов, мы затащили в горы на своих плечах. Здесь отряд разделился на условные экипажи — «экипаж I» и «экипаж II». Первому предстояло проводить эксперимент на одной из выбранных площадок, на месте, а «экипажу II», помимо прочего, требовалось еще «проиграть» вариант выхода из района аварии к месту, где их может подобрать спасательная группа или вертолет, по пути испытывая все снаряжение носимых аварийных запасов и спецкостюмов. Конечным результатом работы тех и других должны стать рекомендации и инструкции для людей, попавших в горах в критическую ситуацию. Причем людей не всяких, а малознакомых с горами, не располагающих достаточными запасами пищи, воды, спецснаряжения, людей, на которых действуют острые психологические факторы послеаварийной обстановки. Поэтому мы не можем воспользоваться богатым опытом альпинистов и их спасательных отрядов, не можем взять безоговорочно на вооружение результаты многочисленных физиологических исследований, проведенных в горах врачами.

Мы отдаем себе отчет в некоторой условности наших занятий и последующих рекомендаций и не можем не согласиться со строками из введения в книгу «Самолет в опасности»:

«Реальная обстановка, в которой происходит каждая авария, всегда имеет свои особенности и отличия. Поэтому не может быть создано таких правил, которыми можно было бы заменить здравый рассудок, требующийся в каждом конкретном случае. Правила приводятся не в качестве замены здравого рассудка, а в помощь ему, с тем чтобы, опираясь на них, можно было при необходимости быстро принять правильное решение».

Планируя свои эксперименты, мы стремимся по мере сил приблизить их обстановку к условиям реального послеаварийного выживания. А так как никому из нас не приходилось попадать в серьезные летные происшествия, приходится штудировать литературу с документальными свидетельствами. Метод этот, конечно, имеет много изъянов, но другого выхода пока нет.

Так начиналась подготовка ко всем натурным экспериментам: в океане, пустыне, тайге. Мы не испытывали недостатка в подробнейших и многочисленных описаниях попавших в аварию и спасшихся летчиков. Горы же почти не оставляли таких свидетельств. Каждая вынужденная посадка в горах или приземление с парашютом среди ледяных пиков, скальных стен и пропастей связаны с большим риском. Один из летчиков, потерпевших аварию в горах, писал:

«...Выполняя полет в сложных условиях в зимнее время, наш самолет совершил вынужденную посадку на склоне горы на высоте около трех километров. При посадке мы получили травмы и были вынуждены оставаться внутри самолета. Лежали в грузовой кабине, стараясь не шевелиться, так как каждое движение причиняло нестерпимую боль. Хотелось пить, но фляги с водой остались в кабине пилотов и добраться до них мы не могли. Ни один из нас не имел подходящей одежды, и скоро мы стали замерзать.

В 17.30 над нами появились два поисковых вертолета. Сильный ветер, снегопад, неровный

рельеф и подступившие сумерки не позволяли вертолетам зависнуть над нами и подобрать нас. Тогда пилоты вертолетов предложили нам по радио спуститься ниже по склону метров пятьсот, где была небольшая ровная площадка. Мы выбрались на крыло. Командир, превозмогая боль, сполз с крыла и тут же провалился по грудь в снег. Сделав несколько шагов, он опрокинулся без сил на спину. Штурман сообщил по радио спасателям, что снег очень глубок. Мы могли бы попробовать спуститься вниз на металлических панелях капота, но в случае неудачи путь назад к самолету был бы отрезан.

Штурман стоял на плоскости и старался вытащить командира на крыло при помощи строп. Пальцы на руках потеряли чувствительность, хотя вся процедура заняла не больше получаса. Наконец мы снова заползли в грузовой отсек и закутались в парашюты — холод сковал нас. Вероятно, если бы нам удалось вырыть снежную пещеру, там было бы теплее, но мы боялись замерзнуть, если покинем самолет.

Вертолеты улетели, и мы не представляли, сколько сможем держаться здесь без пищи и помощи...»

Итак, мы на запланированной высоте. Вырубаем ножами-мачете в грунте склона горизонтальную площадку для убежища. Мучает одышка. После нескольких резких движений опускаемся на землю в изнеможении. Но все-таки к середине дня у нас готово вполне сносное убежище, закрытое капроном парашюта. Под крышу затаскиваем необходимое снаряжение: носимые аварийные запасы, надувные лодки, которые будут служить матрацами, оружие, оставшиеся парашюты, ракеты, сигнальные дымовые шашки, фляги с водой. Вода — самая большая ценность. Мы знали, что ежедневно на этой высоте организм даже в состоянии покоя теряет полтора-два литра жидкости. Но по условиям эксперимента нам отводится лишь 700 граммов воды в сутки. Запас пищи тоже ограничен — в основном это галеты и сухие концентраты. При желании можно приготовить на костре горячую болтушку, но воду для нее придется брать все из той же одной-единственной фляги...

В седловине между вершинами ослепительно сияет ледник. Пока над Тянь-Шанем солнце, мы изнываем от жары. Запасы воды исчезают с катастрофической быстротой.

ИЗ ДНЕВНИКА ИСПЫТАТЕЛЯ «ЭКИПАЖА I»: «Нас пятеро. Мы лежим, тесно прижавшись друг к другу. Убежище получилось тесноватым. Но дело не только в этом — ночью очень холодно. Холод особенно невыносим из-за дневной жары: перепад температур, наверное, около тридцати градусов.

Над головой у меня чья-то нога в толстом шерстяном носке упирается в кровлю. Убрать ее некуда, так что приходится смириться. Кто-то подносит огонек зажигалки к циферблату — сколько еще до рассвета? Огонек выхватывает из тьмы осунувшиеся, обросшие лица в летных шлемах.

Усталость берет свое, и я засыпаю. Пробуждение кошмарно — что-то жесткое и тяжелое наваливается на голову, душит. Испуганно вскакиваю. «Ну-ну-ну... — шепотом успокаивает меня Георгий и продолжает на четвереньках выбираться по телам ребят к выходу. — Спи...»

Он откидывает полог, и в проеме возникает клочок неба, усыпанный звездами, зубчатые края хребта. Пронзительный холод забирается под куртку. Длинная, длинная ночь.

Правда, не длинней той, памятной, в феврале.

...Шли последние сутки нашего выживания, экспериментального выживания в снежной норе на склоне пустого оврага. Голое поле вокруг — ни кустика, ни перелеска. Скудные аварийные запасы подошли к концу: на двоих — сто граммов мясных консервов, щепоть растворимого кофе, три спички, пять таблеток сухого спирта и пол-литра воды во фляге, которую приходилось постоянно хранить на груди под комбинезоном, рядом с блоком питания радиостанции. Спали мы только днем и то урывками. А ночи напролет бродили как лунатики возле своей берлоги, протаптывали бесчисленные тропинки. Ночи проходили в борьбе со сном. Заснуть в ночные стужи было равносильно самоубийству. Движение немного согревало. Чтобы чем-то заняться, считали шаги вокруг пещеры — тысяча, две, три... Сбивались, начинали снова, и так — несколько часов ночного марша на месте...

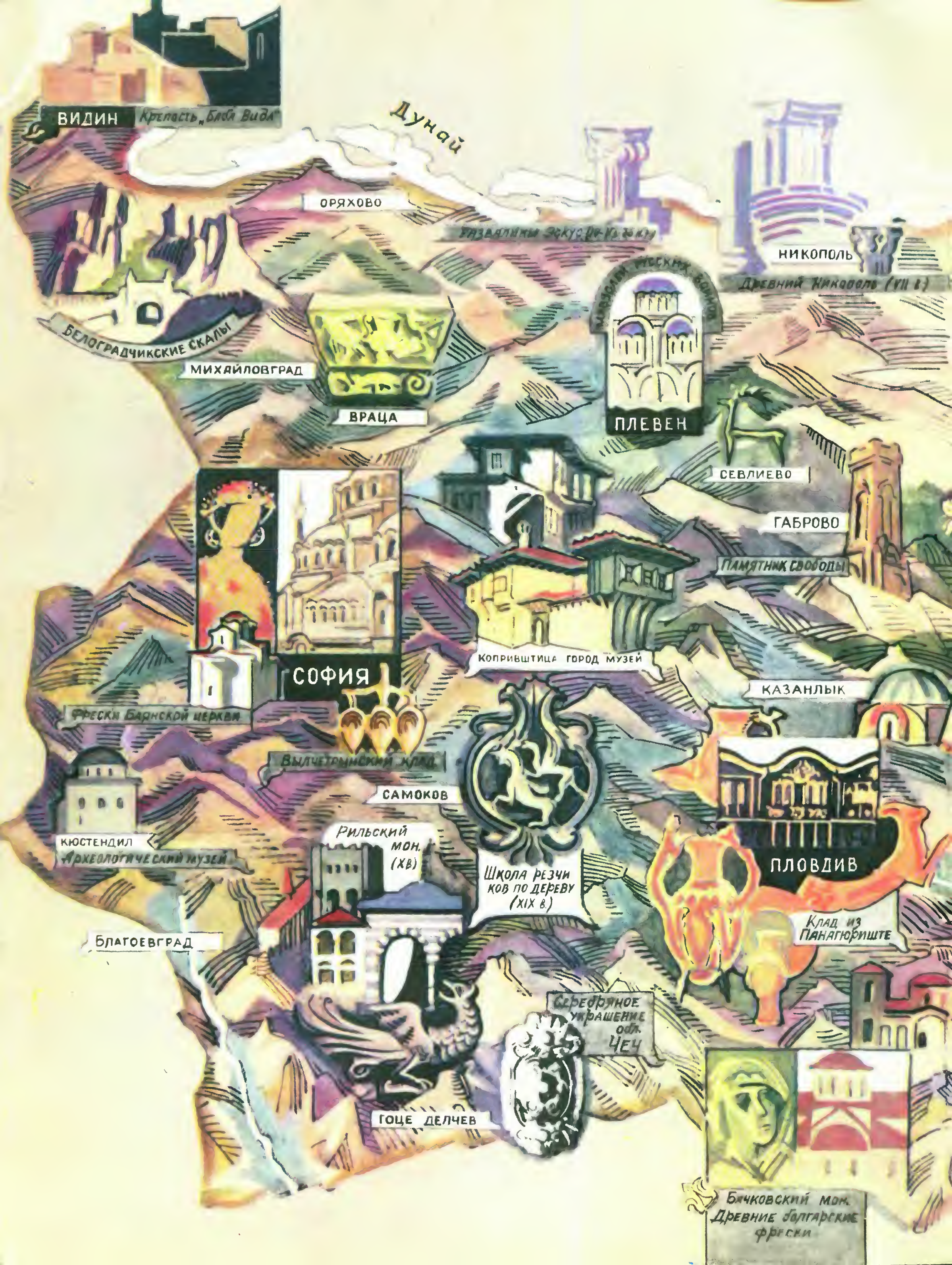
К последней ночи мы были измотаны до предела. Постоянное нервное напряжение, длительная бессонница, изнуряющий озноб, казалось, убили все эмоции. Мы были равнодушны ко всему, кроме вожделенного тепла. Но сколько его могли дать крошечные таблетки спирта?

Последняя ночь была бесконечной. Не было сил и желания даже говорить, и мы угрюмо молчали, понимая, что это и без того усугубляет критическое положение. И тогда мы стали кипятить кофе, транжиря последнее горючее. Горячий напиток вернул на время счастливую уверенность в себе, и мы даже смогли забыться в дреме, рискуя в последние часы отморозить лицо или руки. Мое короткое блаженство было прервано внезапно и страшно. Пещера успела растерять все тепло, и в ледяной темноте негромко, с механической настойчивостью совершенно спокойно звучал голос моего товарища: «У меня растворяется голова. У меня растворяется голова. Видишь? Осталась только челюсть».

Меня прошиб горячий озноб. Я протянул в темноте руку и в тот момент готов был поверить во что угодно. Но голова приятеля была на месте, холодная, точно ледышка...»

Утром под лучами солнца утомительная и холодная ночь сразу забылась. Испытатели, прошедшие все замеры, следили, как далеко вверху медленно движется цепочка «экипажа II». Маленькие фигурки испытателей то исчезают за скалистыми выступами, то вновь появляются на тропе, идущей вдоль гребня. За спинами — парашютные ранцы, коробки НАЗов. Через каждые два часа они будут выходить на связь с нами. А наш «экипаж I» пробует счастья на охоте, пытаясь пополнить собственными силами и скудными средствами наш небольшой пищевой паек. С самодельными силками тщетно караулим в соседних с лагерем норах невидимок-сурков и, теряя силы и ориентировку, выслеживаем в горах беспечных уларов. Мы экономим каждый глоток воды во фляге...

С каждым днем мы узнаем что-то новое, что в недалеком будущем поможет написать рекомендации для тех, кто уже не по собственной охоте окажется высоко в горах.

ВИДИН
Крепость „Баба Вида"
Дунай
ОРЯХОВО
НИКОПОЛЬ
Древний Никополь (VII в.)
БЕЛОГРАДЧИКСКИЕ СКАЛЫ
МИХАЙЛОВГРАД
ВРАЦА
Мавзолей русских воинов
ПЛЕВЕН
СЕВЛИЕВО
ГАБРОВО
Памятник свободы
СОФИЯ
КОПРИВШТИЦА ГОРОД МУЗЕЙ
КАЗАНЛЫК
Фрески Боянской церкви
Вылчетрынский клад
САМОКОВ
КЮСТЕНДИЛ
Археологический музей
Рильский мон. (XВ)
Школа резчиков по дереву (XIX в.)
ПЛОВДИВ
Клад из Панагюриште
БЛАГОЕВГРАД
Серебряное украшение обл. ЧЕЧ
ГОЦЕ ДЕЛЧЕВ
Бачковский мон. Древние болгарские фрески

ТЫСЯЧА И ОДИН ГОРИЗОНТ БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛИ

Эпитет «перекресток цивилизаций» для Болгарии имеет сугубо реальный смысл. Цивилизациям здесь тесно, различные эпохи чуть ли не толкают друг друга локтями, и каждый новый срез болгарской земли открывает новые горизонты ее богатого событиями прошлого.

Минувшие века «начинили» болгарскую землю древними произведениями искусства. Две с половиной тысячи лет гробницам, похожим на курганы нашего Причерноморья.

СТЕФАН ХРИСТОВ,
болгарский журналист

Чеч и НЭК

Написанные рядом, эти два слова выглядят странно и звучат непонятно.

Название «Чеч» я встретил как-то в одной старой хронике, описывающей историю Родопских гор. Все, что было связано в этой хронике с Чечем, звучало таинственно и интригующе. Это горы Мехмеда Синапа[1], легендарного и загадочного героя родопской истории. Это древняя земля фракийских племен сатров и бессов. Постепенно из истории этой части Болгарии, из отрывочных сведений и преданий передо мной стали вырисовываться неясные контуры чего-то древнего, полузабытого и необычайно притягательного.

«Здесь живут самые дикие люди на свете!» — так воскликнул один «летописец» (в начале XX века!), когда пытался вкратце рассказать о жителях Чеча. Надо отдать ему должное — он высказывал это несколько неожиданное для европейской страны того времени определение не без основания. Нравы здесь и вправду были суровые. Лет восемьдесят тому назад — в конце XIX века жители одного чечского села решили построить мост и пригласили лучших мастеров. Мост — красивый, двухсводчатый — был построен по испытанному веками римскому образцу. И вдруг однажды ночью он рухнул. Построили снова — с тем же результатом. Тогда самый старый сельчанин дал совет: мост требует жертвы, иначе ему не простоять над рекой. Несколько дней спустя в устои Боголинского моста замуровали самую красивую в селе девушку. До сих пор напоминает людям о невинной жертве мраморная женская грудь, изваянная неизвестным мастером. А кто-то сложил об этом длинную и грустную песню, которую поют и до наших дней.

В историю «ввел» этот край грек Геродот из Галикарнаса, названный «отцом истории». Он, вероятно, своими глазами видел древних обитателей Родоп — фракийцев из племен бессов и сатров.

«Сатры, насколько нам известно, не были еще покорены никем: из фракийцев только одни они сохранили свободу до нынешнего дня, так как воинственны и живут на высоких горах, покрытых снегом и лесами разных пород. Они владеют местом прорицателя Диониса, находящимся на самой высокой горе, оракулами же являются бессы, одно из сатрских племен; там имеется жрица, дающая ответы, как та, из Дельф».

Так пишет отец истории, и две с половиной тысячи лет его наследники — историки и летописцы — неизменно подтверждают: «Здесь живут самые непокорные и свободолюбивые люди на свете!» Так в историю вплетаются имена жреца Вологеса — родопского Спартака, деспота Слава — родопского самодержца и зятя французских королей, Момчила — последнего болгарского властителя, чье имя до конца XIV века приводило турецких султанов в ужас, и в конце концов загадочного бунтаря Мехмеда Синапа, сына Чеча.

И так вырисовывался для нас в истории образ гордого и независимого народа, чьи разрушенные крепости напоминают: люди здесь добровольно не сдавались никому. Здесь много остатков старины: языческие храмы, фракийские погребения, церкви, прилепившиеся к скалистым вершинам крепости, и замки, мощеные дороги, которыми пользуются и сейчас, византийские и греческие монеты, которые можно видеть в ожерельях и браслетах женщин. Бурное прошлое витает в лесах, песнях, легендах этой удивительной земли в Родопах.

По летописям и хроникам, болгарский Чеч расположен где-то возле греческой границы, в западной части родопского массива. Нужно было — на основании опроса местных жителей — установить границы района и наметить хотя бы главные объекты для будущих экспедиций. За это и взялся впервые НЭК.

Теперь что такое НЭК.

НЭК — это Научный экспедиционный клуб студентов болгарской столицы. Итак, прошлым летом члены НЭК отправились на поиски земли, называемой в старых документах Чеч, Чаглиян и еще Мундулус.

Желтые горные вершины встали перед нашими глазами в тот жаркий летний день. Мы спустились по реке Места, протекающей среди скалистых отрогов

[1] Мехмед Синап — предводитель родопских повстанцев против турецкого ига. *(Прим. ред.)*

Столько же античным скульптурам: греческим — на юге Болгарии, римским — на севере. Немногим моложе базилики в Чобандере, Белово, Хисар-Бане. Монументальные, роскошно отделанные памятники Первого болгарского царства — свидетели его мощи удивительно похожи на древнерусские церкви Несебра.

«О, страшно чудо! О, преславна гледка!.. Ох, ох, как пребиваваш безгласен и обезобразен, без взор, без дух!» — такая эпитафия стоит на могиле «славного кесаря», владыки Стефана Хрельо Драговора, «в монашески образ Харитон».

В кратком переложении это значит: «О как прекрасна ты, болгарская земля!» И карта, которую вы видите на стр. 9, показывает то, что «пребывало безгласно и обезображено», разбитое временем, но сохраненное болгарской землей...

Время не только стирает, но и наслаивает. Руины фракийского некрополя превращались в римский храм, а на византийские фрески ложился мусульманский орнамент.

Фракийцы и иллирийцы, греки и римляне, мечети и великолепные памятники болгарских царств соседствуют здесь, словно бы и не разделяли их эпохи.

На карте они кажутся совсем рядом — первая столица болгар Плиска и вторая столица Преслав, пышный город, удивлявший своим великолепием в IX—X веках. А между ними загадочный «мадарский всадник» — великолепный барельеф, высеченный на скале. Всадник держит в левой руке поводья, а правой бросил копье, пронзившее льва. Кто и когда создал этот барельеф, пока не установлено — может быть, это болгарский хан, а может, фракийский воин.

В 1944 году обнаружили в центре страны Казанлыкскую гробницу, некрополь фракийского вождя, но лишь недавно началось ее систематическое изучение. Стены ее и потолок покрыты уникальными фресками — шедевром античной живописи эпохи эллинизма.

На востоке страны — Рильский монастырь, неприступная крепость, отражавшая нападения османских орд. На протяжении тысячелетия монастырь был очагом культуры болгарской нации.

Пирина и мягких вершин Родоп. Затем с сердитым ревом нас повез «газик», и после долгого кружения над пропастями мы двинулись в глубь Западных Родоп.

Не было села, где бы люди не знали, что такое Чеч, но на вопросы, не чечлии[1] ли они сами, отвечали отрицательно. Мало-помалу у нас стало складываться впечатление, что Чеч — это какой-то миф. В него все здесь верят, но никто не может сказать точно, где же он и кто такие чечлии.

Мы были уже близки к отчаянию, когда наконец встретили трех степенных горцев. После продолжительного раздумья над вопросом: «Где здесь Чеч?», горцы кратко и с достоинством ответили:

— Ние сме чечлии (мы из Чеча).

Итак, наконец-то мы были в Чече, в краю, который упорно ускользал от нас. Через несколько дней, побывав в дюжине деревень и поговорив с крестьянами, мы смогли уже провести границы того, что в строго научных докладах называется «этническим районом, расположенным в наиболее слабо изученной части Родоп». На западе граница района, или, точнее, земли Чеч, — река Места. На юге — государственная граница отделяет Неврокопский (или болгарский) Чеч от Драмского (или греческого). На севере и востоке Чеч укрывают поросшие лесом вершины Дыбраша. Чеч пересекает единственное сквозное шоссе, по которому до недавнего времени осмеливались двигаться только машины с высокой проходимостью. И среди этих лесов и желтых холмов, изрезанных буйными реками, затаились два десятка сел, чьи названия звучат как колокольный звон: Плетена, Крибул, Боголин, Брштен, Осина, Слаштен, Долен, Црнча, Жижево, Годяшево, Кочан... и в каждом из этих сел крестьяне подтверждали:

— Ние сме чечлии.

...В южном болгарском городе Гоце-Делчев, в античные времена носившем название Неврокоп, раз в неделю бывает базарный день. Звонкие кадушки, изделия из железа, плоды, овощи — вот чем полнится в этот день базар. Из чечских сел на базар спускаются люди, чтобы купить все, что им нужно. Жители города говорят: «Чечлии пришли». Горцы вышагивают спокойно, с достоинством. Стройные смуглые женщины в ярких передниках. Знающий человек, лишь взглянув на передник, сразу скажет: «Эта женщина из Слаштена, из того-то и того квартала». Людей из Чеча можно узнать и по их мягкой и медлительной речи, словно сохранившейся со времен пришествия на полуостров первых славян. Особенно интересен язык пограничного села Годяшево, «диалектологической terra incognita», по выражению одного нашего филолога. Еще он добавил: «Здесь люди говорят на языке, на котором Кирилл и Мефодий создавали славянскую азбуку».

В некоторых селах время пощадило прекрасные ансамбли архитектурных памятников. Потому-то для исследователей архитектуры болгарского Ренессанса Чеч — истинный клад. А жемчужина Чеча — село Долен.

Узкие улицы, мощенные плитняком, колодцы — чешмы, укрытые крышами на резных деревянных столбах. Здесь дома двухэтажные, и нижний этаж сложен из камня, а верхний рубленый, деревянный, далеко выдается над нижним. А на столбиках и перильцах крыльца тот же растительный орнамент, что и на передниках чечлийских женщин.

Стены средневековой церкви покрыты фресками. Фрески необычайно хорошо сохранились, словно все эти столетия ждали исследователя. Но главное сокровище хранил для нас церковный архив — строительные документы XVIII века: чертежи, планы, счета, описания. И даже самое первое знакомство убедило нас в том, что это совершенно пока не известная архитектурная школа.

Наша задача была скромной — нанести на карту чечские достопримечательности и отметить самые главные из них для того, чтобы следующие экспедиции смогли начать детальное изучение.

Мы неплохо поработали в Чече. Только архитектурных памятников нанесли на карту 180. Да записали больше трехсот доселе не известных народных песен.

В этом году откроется в Софии выставка собранных нами материалов. Как всегда, изучение одной проблемы вызывает массу дополнительных проблем, множество вопросов, которые ждут ответа. Летом отправится в Чеч экспедиция, в которой будут биологи, зоологи, социологи, экономисты, геологи, археологи. Они-то и начнут детальное изучение Чеча, где работы еще непочатый край.

Но первый шаг сделан.

Перевел с болгарского
А. САТАРОВ

[1] Чечлия *(болг.)* — житель, уроженец Чеча. *(Прим. ред.)*

На севере Болгарии, в гигантской пещере Магура, стены покрыты рисунками, сделанными три тысячи лет назад: птицы, похожие на страусов, животные, напоминающие оленей, танцующие люди.

Любой уголок Болгарии богат живой памятью прошлого, и, взяв наугад любую точку на карте, вы можете убедиться в том, что это именно так.

Есть предположение, что открыта пока лишь малая толика археологических богатств, которые хранит болгарская земля. И потому, наверное, археология в Болгарии — занятие массовое. Экспедиции государственные и общественные, профессиональные и любительские — все они делают бесценное дело, превращая ушедшее в землю прошлое в живую реальность. История не только оживает, она живет в песнях, в старинных узорах, в восстановленных в прежнем блеске городах. Храм святого Георгия, руины римской улицы и часть крепостной стены древней Сердики, нынешней Софии; стены Царевеца на высоком холме Великого Тырнова, целый город пловдивского Треххолмия, будто сошедший с театрального задника; множество других памятников отшумевших эпох, не говоря уж о монументах славы героическим партизанам и русским воинам-освободителям — все это теперь настолько же напоминание о временах прошедших, насколько и проявление жизни нынешней.

Мы хотим рассказать об одной из молодежных экспедиций.

НЭК — научный экспедиционный клуб софийских студентов. Его можно назвать организацией любительской, ибо нэковцы отправляются в экспедиции в каникулы и не получают за свою работу денег. Его можно — с не меньшим основанием — назвать организацией профессиональной, ведь участники его — будущие археологи, этнографы, филологи, архитекторы, инженеры, геологи.

На счету у нэковцев немало дел: и реставрация древних памятников, и разработки по использованию несудоходных рек, и комплексное изучение районов страны.

Стефан Христов, журналист и член НЭК, рассказывает об экспедиции в Чеч, одно из последних «белых пятен» на карте Болгарии.

НА ВОСЬМОМ ГРАДУСЕ ЮЖНОЙ ШИРОТЫ

ВЛАДИМИР ШИНКАРЕНКО

В мае 1970 года в далекой горной стране Перу произошло сильное землетрясение. Целые города и поселки были сметены с лица страны, погибли десятки тысяч людей, около миллиона — раненых, больных — остались без крова.

В числе первых, кто протянул руку помощи перуанцам, были советские люди. В Перу были направлены медикаменты и продовольствие, в считанные дни сформирован медицинский отряд из молодых добровольцев...

Мы предлагаем читателю записки студента-медика, участника отряда, работавшего в Перу.

НАЧАЛО

Старенький «Дуглас» стало трясти сильнее — со стороны океана он повернул к земле и сейчас уходил в горы. Ему предстояло пробиться через цепь Чѐрных Кордильер в узкую долину Кальехон де Уайлас, замкнутую с противоположной стороны высокой горной грядой — Белыми Кордильерами.

Через узкий коридор ущелья самолет соскальзывает в долину. Снижаться почти не приходится: аэродром Анта расположен на высоте около трех тысяч метров. Мелькают дома поселка. Точнее, не дома, а только остатки стен среди желтых клочков полей. Это все, что успеваем рассмотреть.

Огромный автобус, расписанный названиями поселков, пылит по дороге, ведущей к Уарасу, центру департамента Анкаш. Жарко. Вокруг почти никакой растительности. Только заросли кактусов немного оживляют рыжевато-серые склоны гор, разбегающиеся вверх по обе стороны дороги. Путь преграждают огромные завалы — следы землетрясения. Бульдозеры вспарывают их толщу, прокладывая путь машинам. Автобус минует несколько селений. Свисающие к земле тростниковые крыши, подпираемые уцелевшей стеной дома, груды земляных кирпичей и торчащие из них несколько балок... Нигде не видно людей.

Остановились на окраине Уараса, в небольшой роще из высоких, серебристо-пепельного цвета эвкалиптов. Здесь, на поляне, разделенной зарослями кактусов и рядами эвкалиптов, будет развернут советский госпиталь. Именно на этом месте в будущем возведут центр нового Уараса — старый лежит сейчас в руинах.

По одну сторону поляны пролегла дорога, ведущая от Уараса к северным провинциям. Другой стороной поляна опускается к Санте, бурной речке, шумно мчащейся меж камней. Вокруг, насколько видит глаз, — горы.

Здесь, близ Уараса, уже сильно чувствуется разреженность воздуха, недостаток кислорода. Полет из столицы страны Лимы, раскинувшейся на побережье, занял несколько часов. Резкое изменение высоты заметно отражается на нашем состоянии. Нужно несколько дней, чтобы приспособиться к новым условиям. Но времени на это нет. Ни часа. Люди ждут помощи. Их сотни, тысячи...

Начали подходить грузовики, доставлявшие из Лимы оборудование госпиталя: большие палатки, кухню, рентгеновский кабинет... Все это в тяжелых, по 50—100 килограммов ящиках.

Дышать трудно. Кружится голова, сохнут и трескаются губы. Солнце палит нещадно: восьмой градус южной широты, «рукой подать» до экватора. По временам, поднимая ящик, кажется, что вот-вот выключится сознание, и руки уже готовы выпустить врезавшуюся в пальцы железную ручку. Трудно всем.

К концу дня поставлены первые палатки, задымила кухня, городок советских медиков начал свою жизнь.

ПОД УАСКАРАНОМ

Госпиталь примет в свои палаты больных через несколько дней. Но эти несколько дней трудно жить спокойно, зная, что вокруг столько людей нуждаются в помощи сегодня. Было решено немедленно отправить в горы первую группу молодежного отряда. Ей предстояло добраться в горное селение Тумпа — под самую высокую вершину в Перу, Уаскаран.

Смеркалось, когда была закончена переброска в Тумпу снаряжения, медикаментов и запасов продовольствия. Остановились в чудом уцелевшем от подземных толчков, недавно построенном домике медицинского поста. Врачей здесь никогда не было, домик пустовал. Все остальные дома в деревне превратились в развалины. При тусклом свете свечей разобрали имущество, приготовили ужин. Вася, наш радист, колдовал над радиостанцией, налаживал антенну. Он опасался, что горы, окружающие Тумпу, не позволят связаться с нашими. До сеанса связи оставался час. Игорь Бокарев, врач-терапевт, руководитель группы, собрал всех, чтобы распределить обязанности. Нас пятеро: кроме Игоря, медиков двое — Сережа Микерин и я. Два переводчика. Саша Валуев переводит с испанского на русский. Второй переводчик, Салазар, парень из Уараса, знает язык индейцев кечуа. Здесь, в горах, многие жители не говорят по-испански, поэтому без помощи Салазара не обойтись.

С утра начали прием больных. Волнуемся: незнакомая страна, неведомые обычаи.

Первой робко вошла босая, невысокого роста молодая женщина. Ступни, будто в серые башмаки, одеты пылью. Блестящие черные волосы, затянутые на макушке, сплетены в косы. Из-за плеча выглядывает головка ребенка — он висит за ее спиной в большом платке, завязанном спереди крупным узлом. В руках у женщины корзинка и широкополая войлочная шляпа, и то и другое она кладет на пол у входа. Поклонилась и прошла к стулу, куда указал доктор.

«Как вас зовут?» — спрашивает Игорь.

Саша переводит на испанский. Женщина непонимающе смотрит то на одного, то на другого, молчит.

— Хутэки? — спрашивает Салазар на кечуа.

Она отвечает. Первая запись ложится в толстый журнал, которому предстоит вместить в себя впоследствии многие сотни имен, названий деревень, краткие записи о страданиях каждого больного.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Дальше других на север ушла группа, работавшая в Уайласе. Добирались туда по головокружительной дороге, пересеченной обвалами и осыпями. Позже ребята рассказывали, что машина всякую минуту могла сползти вниз по рыхлому склону. От сильных порывов ветра с гор начинали сыпаться камни, грозившие разбить автомобиль и увлечь его за собой в пропасть.

В Уайласе тоже почти все дома разрушены. Расположились в четырех более или менее уцелевших стенах какого-то дома. «Окна» — провалы в полстены открывают дорогу всем ветрам. Земляной пол. Сверху свисают остатки крыши. Небольшое помещение рядом приспособили под медицинский пункт.

Как и везде, больных очень много. С утра до темноты у дверей большая очередь ожидающих приема. Вечером, добравшись до спальных мешков, засыпали как убитые, чтобы с рассветом снова начать прием.

Трудно приходилось переводчикам во всех группах. Здесь, в Уайласе, он один — Юра Васюков. В его рабочем дне ни

минуты отдыха: жалобы каждого больного проходят через него, в решении хозяйственных и организационных вопросов с местными властями без его участия не обойтись. Иногда даже ночью он вскакивал и, не просыпаясь, обращался к кому-то по-испански: «Как вас зовут? Где болит?»

Жители знали, что советские медики никому не отказывают в помощи, когда бы она ни потребовалась, днем или среди ночи. Но один случай поразил даже тех, кто уже привык к самоотверженности русских. Об этом пишет в своем дневнике Ренат Ачкурин, студент-медик.

«8—9 августа, г. Уайлас.

...Ребята собирались спать, когда нам сообщили, что в нескольких километрах от города с обрыва свалился грузовик, на котором ехали семеро рабочих. Трех из них привели к нам. Их лица были покрыты синяками и ссадинами.

Эти трое оказались счастливее своих товарищей: когда машина врезалась в скрывавшийся за поворотом завал, их тут же выбросило из кузова. Остальных же грузовик, сорвавшийся с обрыва, увлек с собой. Что стало с ними, никто не знал. Раздумывать было некогда: где-то в черноте ночи, в пустынном ущелье, — люди, которых еще, может быть, можно спасти.

Группа под руководством Роберта Тощакова, главного врача отряда, немедленно начала готовиться к приему пострадавших. Мы с Геной Андреевым и Ринадом Адитяровым через пятнадцать минут были на месте аварии. Луч фонарика вырвал из темноты, метрах в сорока от края дороги, контуры перевернутого на бок «форда». Осторожно спустились. Грузовик зацепился за большие камни, торчащие из склона, и чудом удерживался в этом полувисячем положении. Осторожно открыли дверь кабины. Оттуда внезапно раздался безумный хохот. На нас уставился бессмысленный взгляд человека... Жуткое зрелище! С трудом, стараясь не качнуть машину, которая в любой момент могла рухнуть вниз, извлекли его из грузовика. Из-под кузова машины торчали босые ноги. Голова человека была раздавлена огромным колесом. Помочь ему уже было невозможно. Двоих нашли лежащими поодаль.

К полуночи пострадавших доставили в Уайлас. Шесть носилок встали вдоль стены. Открытые переломы, скальпированные раны головы, кисти, с которых, будто перчатки, содрана кожа. Необходимо было вывести из шока и срочно оперировать того, у которого была размозжена ступня и сломана голень. Оперировать! Но где, на чем? До госпиталя — сотня километров опасной горной дороги. Ночь.

Операционный стол соорудили из раскладушки, поставленной на табуреты. К балке, под потолком торчащей поперек комнаты, Коля Шинаев приладил систему для переливания крови. Зажгли все свечи. Карманные фонари заменили операционную лампу. Стопу пришлось ампутировать. Во время операции несколько раз катастрофически падало артериальное давление, но Миша Романов, наркотизатор, сумел вывести больного из опасного состояния. Около трех часов ночи больного переложили на носилки, жизнь его была уже вне опасности.

После этой были сделаны еще четыре операции...

Неимоверно устали за ночь. Едва не валились с ног. Но нужно было еще эвакуировать пострадавших в госпиталь. Утром должен прилететь вертолет. Сесть поблизости от Уайласа невозможно, нет ни одной достаточных размеров площадки: городок расположен на склоне горы. Нужно было идти за шесть километров в село Чумпа.

И вот, собрав последние силы, с носилками на плечах перебираемся через руины домов и завалы. Прислушиваемся: не слышно ли гула могора? Пробьется ли вертолет? Облака могут закрыть путь через ущелье, и что тогда?

Но вот сначала едва слышно, а потом все нарастая, послышался долгожданный рокот двигателей. Наш серебристо-голубой МИ-8 заходит на посадку...»

ЛЮДИ С НЕБА

Уже вторую неделю мы живем и работаем в кечуанской общине Тумпа. Понемногу осваиваемся. Жители тоже начинают привыкать к нам — помогают в хозяйстве. Они разжигают нашу небольшую походную кухню, собирая для этого куски балок из развалин домов. Заботливо поддерживают огонь, который, лениво слизывая щепки и сухие стебли тростника, вот-вот погаснет: и ему недостает кислорода. Некоторые, стоя на грудах земляного кирпича, сосредоточенно следят через окно медпункта за тем, что мы делаем. Хмурятся, когда какой-нибудь малыш заплачет, испугавшись фонендоскопа, который приложили к его тельцу, чтобы прослушать сердце и легкие. Улыбаются, когда он, в ответ на долгие уговоры Игоря, умолкает и, ухватившись за блестящую головку инструмента, тянет его ко рту.

Вокруг много нового, непонятного, подчас странного. Странно видеть первобытную деревянную соху, которую, задрав головы, тяжело тянут два быка. Проходишь по деревне, будто перелистываешь учебник истории. По снопам пшеницы, рассыпанным на земле, гоняют несколько лошадей или ослов: обмолачивают зерно. В другом дворе несколько женщин, сидя на земле, молотят палками. Зерно обращают в муку на маленькой, одной на всю округу, водяной мельничке, к которой стекаются несколько шумных ручьев, берущих свое начало от родников Уаскарана. Но за мельницу надо платить, а у индейцев, живущих нелегким трудом земледельцев, едва хватает денег на спички, соль, сахар. Поэтому зерно индейцы размалывают, как и их далекие предки, вручную, раскачивая тяжелый, округлой формы камень в углублении другого камня.

Пищу готовят в больших глиняных горшках на очаге, сложенном из камней в углу двора. Хозяйка, присев на корточки, раздувает огонь через бамбуковую трубку.

Большинство хижин сложено из кирпичей «адобе» — смеси земли с соломой. Их готовят тут же, на месте стройки, земля — под ногами, солома — с маленького поля, что есть возле каждого дома. Крыши из крупной черепицы, «техас», как ее здесь называют. Есть и хижины из тростника, переплетенного стеблями кукурузы. Невысокий забор, бегущий от дома к дому вдоль улицы, собран из камней, которые покрывают склоны гор.

В деревне есть небольшая начальная школа. Пятеро учителей приезжают каждый понедельник из долины — городка Манкоса и в пятницу возвращаются домой. По вечерам они наши гости. Директор школы Антонио Хименес, невысокий, как и остальные, подвижной человек, его жена Марта — они живут в палатке на площади, прямо против медпункта. Еще двое учителей: один — худой и необычно высокий для этих мест, с морщинистым лицом и низким голосом, другой — молодой, веселый парень. Любит петь, и мы с удовольствием слушаем, как он, прихлопывая рукой по колену, напевает темпераментные перуанские мелодии. Неподвижно глядя большими черными глазами на лампу, коптящую на столе, тихо подпевает Либертад, самая молодая среди учителей. Видно только ее лицо, черное платье сливается с окружающей темнотой. В Анкаше сейчас это самый распространенный цвет одежды: почти в каждой семье траур. Отец и брат девушки в тот майский день остались под развалинами дома...

Директор засыпает нас вопросами:

— А сколько?.. А как?.. А... Неужели все это правда?

Никак не могут поверить.

Реагировали на нашу помощь по-разному: одни, когда мы отказывались брать деньги, спрашивали: «Мало?», другие обижались, третьи... трудно доходили до них простые для нас истины.

Мы долгое время оставались для местного населения не прос-

то «белыми» людьми, но «людьми с неба». Мы прилетали и улетали на вертолетах, мы были из неизвестной им страны. Некоторые даже не знали, что есть Советский Союз, где совсем иная, непонятная им жизнь. Между собой они так и называли нас: «Люди с неба». А потом, привыкнув, вкладывали в эти слова уже иной смысл. И выше всякой благодарности было для нас старательно произносимое по-русски: «Доброе утро, сеньор!»

ЭПИДЕМИЯ

После месяца работы в Тумпе мы — по нескольку человек — спускались в лагерь, чтобы вымыться в бане госпиталя, день-два отдохнуть. На другой день после приезда в лагерь мы с Сашей Валуевым отправились в Уарас. На одной из немногих расчищенных улиц города нас догнал пыльно-зеленый «газик» из госпиталя. Через стекло кабины видим взволнованное лицо Генриха Бычкова:

— Из провинции Уари пришла телеграмма: в горных селениях эпидемия. Умерло много детей. В горах есть случаи черной оспы. Необходимо срочно провести вакцинацию. Направляем туда группу добровольцев...

Отъезд был назначен на следующее утро. До города Уари, центра провинции, расположенной по другую сторону Белых Кордильер, нужно было ехать 8—10 часов на машине, вначале на юг вдоль реки Санты, а затем в том месте, где из горной цепи как бы выпадает несколько звеньев — белоснежных пиков, перевалить через хребет на восток.

С восходом солнца, собрав за ночь медикаменты, вакцину, уложив двухнедельный запас продуктов, двумя машинами выехали из лагеря. Вшестером втиснулись между рюкзаками, термосами, канистрами с керосином и спиртом в ярко-красный фургон «джипа». Позади пылил серенький «лендровер», тяжело нагруженный ящиками с нашим оборудованием. Несколько больших коробок были привязаны к крыше кабины.

Изредка встречались селения. Среди пестрых палаток и лачуг из тростника и кукурузных стеблей кое-где уже поднимались стены новых домов. По пути Майя Онухова, эпидемиолог, рассказывала о тех неожиданностях, которые могут встретиться нам.

Из долины повернули на восток, машины стали забираться в горы. Через узкое ущелье дорога подошла к берегу большой лагуны. Сурово-спокойная гладь озера простиралась далеко вперед и уходила вправо за крутой выступ горы. «Кирокоча — называют эту лагуну индейцы, — пояснил шофер, полный, уже немолодой перуанец, до этого не вступавший в нашу беседу. — Здесь много форели, не хотите половить?»

Мы только улыбнулись: «До форели ли сейчас?»

Дорога поползла вверх по склону, часто переламываясь очередным поворотом. Забираться еще долго — к самым снегам, белыми полянами окружившим перевал. Там, на высоте пяти тысяч метров, пробит туннель, выходящий в тыл Белых Кордильер. Дорога — уступ между провалом с одной стороны и уходящей вверх стеной камня с другой — очень узкая. Через стекло дверцы не удается увидеть край обрыва, вдоль которого катятся колеса, видно только дно ущелья, темнеющее далеко внизу. Со встречной машиной не разминуться. Едва вмещают-

ся колеса одной. Для разъездов служат специальные площадки. Повороты иногда настолько круты, что проехать их удается, только подавая машину вперед-назад, заворачивая колеса по самой кромке обрыва. Понятно, почему в начале дороги шофер, глядя на изображение девы Марии, прилепленное к приборному щитку, оторвал руку от руля и несколько раз быстро перекрестился... Через темную горловину туннеля выкатываем на другую сторону горы. Останавливаемся ненадолго, подъем позади, теперь предстоит такой же головокружительный спуск. Под ногами струятся ручейки: днем снег, покрывающий склоны, подтаивает.

Туристы здесь, видимо, бывают нечасто. Но те немногие, что забираются сюда, выражают свои чувства в надписях, покрывших скалы у выезда из туннеля. Имена, страны, даты. А вот и чье-то жизненное кредо: здесь, на высоте, можно открыться. «Да здравствую Я, только Я!» — крупно выведено на камне.

В Уари добираемся поздно вечером. Остановка на ночь. Завтра дальше в путь.

В деревне Палка автомобильная дорога обрывается, дальше можно двигаться лишь на лошадях или мулах по горным тропинкам. Нужно попасть в селение индейцев Уакачи, из района которого и получены тревожные вести.

В Палке неожиданно встретились с группой Геннадия Гузнова, которая работала прежде в Уари. Узнав раньше нас о начавшейся эпидемии, ребята поспешили в окрестные деревни. Сейчас они возвращались в лагерь с больным товарищем. Находясь среди больных, трудно было уберечься: Саша Бондарь, переводчик, лежал с высокой температурой.

Ребята рассказали нам о трудностях пути, характере заболеваний, о том, как стоически держалась Люда Плетнева, по нескольку раз за ночь делавшая инъекции тяжело больным детям. Скоро мы расстались; на машине, привезшей нас, они вернулись в Уари.

Лошади, ишаки пришли только к вечеру. За день перепаковали все грузы, чтобы удобнее навьючить ишаков. Утром, пропустив вперед караван со снаряжением, тронулись в путь. Почти все мы впервые сидим на лошади. Саша Валуев говорит, что с детства обходил стороной всех животных выше кошки... А тут лошадь и едва заметная полоса тропы, пробитой по краю пропасти. Где-то внизу, будто с самолета, видны прямоугольники полей, домишки, нанизанные на серую нитку дороги. Смотреть вниз не хочется... До Уакачи восемь часов такой «дороги». Постепенно осваиваемся в седле. Но все же, когда лошадь, припадая на задние ноги, звонко скользит подковами по круто уходящей вниз поверхности скалы, становится не по себе. Чтобы не перелететь через голову лошади, упираясь в стремена, откидываешься далеко назад. Часа через три то одна, то другая лошадь, устав, останавливается. Многих усилий стоит заставить их двигаться дальше. Да и не поднимается рука, чтобы хлестнуть по часто вздымающемуся, влажному от пота, округлому кобыльему боку. С мелко подрагивающей губы ее свисает пена... Спешиваемся. Перекинув через плечо поводья, двигаемся пешком. Идти трудно: большая высота, не хватает кислорода. Остановиться бы, упасть, собраться с силами. Но каждый час задержки может стоить жизни людям...

Уже в сумерках въезжаем в Уакачи, довольно большое село, зацепившееся крутыми улочками за склон горы. У крайних домов нас ожидают алькальд и учителя местной школы. Для медицинского пункта отвели кабинет директора школы, просторное помещение с земляным полом и большими проемами в толстых стенах — окнами. Посредине — стол, сколоченный из грубо отесанных досок, два сплетенных из стеблей тростника стула, на стенах — пыльные портреты старых генералов. Комната учителей, несколько бо́льшая по размерам, чем кабинет, и более темная, стала нашим жилищем. К самым тяжелым больным отправились эпидемиолог Аркадий Ходырев и Ренат Акчурин. Остальные принялись разбирать ящики с оборудованием и медикаментами, готовясь к приему больных. Несколько индейцев возились с огромной керосиновой лампой.

Распределили обязанности. Один вел прием взрослых больных, двое осматривали и вакцинировали детей. Ребятишки в грязных рубашонках опасливо, но с любопытством глядели на белый халат доктора, доверчиво протягивая ручонки, когда делалась прививка.

Вставали с рассветом, последнего пациента принимали уже, когда горы погружались в темноту. Каждый день нас навещали учителя, предлагали свою помощь. При таком большом потоке больных это было кстати. Провели с ними несколько занятий, научив простейшим медицинским манипуляциям и приемам оказания первой помощи. Из имевшихся у нас медикаментов и перевязочного материала скомплектовали аптечки для всех десяти школ района.

Очередь у дверей медпункта день ото дня становилась все меньше: мы работали здесь уже неделю. Группе предстояло перебазироваться в Уко, второе крупное поселение индейцев кечуа в этом районе.

Из Уакачи нас провожали все жители деревни от мала до велика. Площадь перед школой запружена народом. Подходят к каждому из нас, пожимают руки, обнимают, просят приехать еще, а если возможно, то и навсегда. Небольшой митинг. Директор школы, сухощавый темнолицый человек, благодарит за оказанную помощь: «Мы привыкли бояться и ненавидеть белых людей. Со времен испанских завоевателей они несли нам только смерть и нищету. Вы первые медики в этих местах. Со словом «врач» индейцы узнали слово «советский».

Вокруг улыбающиеся лица. В глазах слезы. Из-под широких полей черной шляпы глядит старуха: она погибала от кровотечения, когда ее доставили в медпункт, — бык разодрал ей грудь... Альберто, мальчишка лет десяти, принес на прощанье показать своих боевых петухов. Когда мать привела к нам Альберто, лицо ребенка было обезображено гнойником. Крестьянин, в гипсовой повязке рука — Меса Ибраим. При очередном толчке рухнул остаток стены, сам он чудом избежал смерти.

Пора уезжать. У выезда на дорогу несколько индейцев, широко раскинув руки, стали поперек тропы, символически преграждая путь. Они расступаются, пропуская наш караван, и долго стоят над обрывом, глядя нам вслед.

И. ГРИЧЕР, фото автора

НАД ВОДОЙ, НА ВОДЕ, ПОД ВОДОЙ

...Всего три часа прошло с той минуты, когда мы ушли в небо с бетонной полосы аэродрома. Мы летим в дальние моря, где должна состояться встреча с подводными кораблями «противника». В тысячах метров под нами на землю легла ночь. Впереди прямо по курсу чуть заметен огонек. В телефонах своего шлемофона слышу голос командира ракетоносца:

— Подходим к танкеру, экипажу приготовиться к дозаправке.

Политый лунным светом силуэт воздушного танкера занимает все стекла кабины пилотов. Сейчас самолет-заправщик подойдет почти вплотную, и экипажи двух большущих реактивных машин исполнят головокружительный трюк в бездонной пропасти стратосферы. Не замедляя стремительной скорости, танкер в несколько мгновений по-

полнит запасы нашего горючего в баках.

Вот из штанги на правом крыле танкера выскочил пятачок парашюта. За ним к ракетоносцу протянулась ниточка шланга. Командир слегка накреняет самолет. Левое крыло ложится на шланг.

— Внимание, контакт!

Оба самолета теперь летят, связанные резиновой пуповиной.

На приборной доске вспыхивает зеленый глазок — экипаж к приему топлива готов. И тотчас с борта танкера отзывается незнакомый голос:

— Даю топливо.

Ракетоносец продолжает полет. Томительно ожидание цели. Усыпляюще монотонен рев двигателей. Молчит самолетное переговорное устройство.

До цели еще сотни километров, но это не расстояние для современного боевого самолета и ракет. Минуты теперь бегут секундами. Вскоре в тускло мерцающий экран локатора с угла вползают два ярких прямоугольничка, окруженных светлячками. Это цель — ударные корабли «противника» под охраной конвоя. Зеленые прямоугольники замирают в центре экрана.

— Цель на захвате.

— Товарищ командир, к пуску готов, — рапортует штурман.

Ракетные крейсеры отходили от пирса глубокой ночью. Подъем, признаюсь, я проспал. Разбудил меня топот крепких матросских ботинок. Боевая тревога. Наскоро одеваюсь, выскакиваю из каюты. В конце коридора вижу совсем неуставную возню. Матросы в холщовых робах пытаются унять медвежонка. Увести его подальше от глаз начальства. Медвежонок весело сопротивляется, потешно отмахивается лапами. Видно, по душе ему пришелся теплый уголок под трапом. На шум сверху спускается молодой капитан-лейтенант, вахтенный офицер. Он сердито выговаривает морякам, а потом посылает матроса на камбуз за банкой сгущенки. Медвежонок счастлив. Задрав вверх голову, сощурив глаза и выпростав во всю длину розовый язык, упоенно лижет сладкое молоко.

Тут уж и я узнаю нехитрую историю мохнатой гостьи. Машка «приписана» к экипажу соседнего крейсера. Естественно, она любимица своей команды и предмет зависти экипажа нашего корабля. В ночь перед походом, когда корабли стояли борт о борт у пирса. Машка пошла в гости. Пропажу хозяева обнаружили сразу после отхода и трижды запросили наш крейсер по радио. Наконец им был дан ответ: «У нас, у нас ваша Машка. Гостит. После учений вернем».

Море неистовствует, катит волны с двухэтажный дом. Узкое веретено лодки поминутно исчезает в пенном буруне. На мостике рубки качка еще злее. Мы вымокли до нитки. Даже кожаная на овчине канадка не спасает от холода. Цепляясь за обледенелые латунные поручни, думаю с тоской, когда снова уйдем вниз. И вдруг — срочное погружение! Не спрашиваю зачем. Знаю, ответ будет короткий — приказ. Сквозь вертикальную трубку с мостика рубки пулей скатываемся вниз. Задраены люки.

— Глубина девять... пятнадцать... двадцать... — выкрикивает боцман. — Двадцать пять... тридцать...

В лодке снова тихо. Мы легли на боевой курс. Впереди в сутках пути та самая точка, где нам будет приказано нанести ракетный удар.

Жизнь на лодке идет своим чередом. Как будто и нет учений, нет шторма. По флотской традиции день начинается и кончается чаепитием, утренним и вечерним. В свободное от вахты время матросы моются в душе, меняют книги в корабельной библиотечке; забравшись на койки в кубрике, вспоминают приключения героини фильма «Кавказская пленница». А потом наступает время вахты, и они снова становятся к штурвалам механизмов, к приборам, регистрируют малейший шум, доносящийся с поверхности...

Не верьте, если вам расскажут, что к сигналу боевой тревоги можно привыкнуть... Пронзительный голос ревуна враз заполнил всю лодку.

Я прижимаюсь к холодному металлу лодки.

— Товсь!

— Пуск!

Тишина. Где-то вверху ракета уже выпрыгнула из воды, включился маршевый двигатель. Опираясь на столб огня, она помчалась к цели.

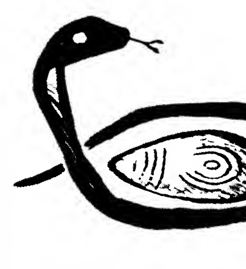
— Полный вперед!

Мы уходим. Пусть теперь нас ищут самолеты и корабли противолодочной обороны, ведь и у них сегодня учения.

Авторы очерка — австралийская балерина и искусствовед Бэт Дин и ее муж — режиссер и журналист Виктор Кэрелл. Многие годы они занимаются изучением искусства танца первобытных народов. Дин и Кэрелла волнуют не только танцы, но и повседневная жизнь, обычаи, предания — все то, отражением чего является танец, то, без чего невозможно его понять.

Этот общий интерес к жизни аборигенов не мог не вывести авторов на наиболее острые вопросы, на те противоречия, что вносит действительность в быт аборигенов Австралии.

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

БЭТ ДИН,
ВИКТОР КЭРЕЛЛ

ПЕРНАТЫЕ ТУФЛИ СМЕРТИ

После долгого, трудного дня на охоте Варнагери изрядно устал, потому что был очень стар. Он присел к огню и задумался. Скоро, очень скоро он сможет не ходить больше на охоту и тогда целый день будет сидеть у огня, уносясь в мечтах в незапамятные времена. И самые первые предки его племени, «Люди Времени Снов» будут вставать перед его взором, уже подернувшимся туманной дымкой. Одна из жен подошла к нему и протянула большой ломоть обгорелого мяса кенгуру. Вид мяса вызвал у Варнагери прилив голода. Поднеся ломоть ко рту, он жадно, с нестарческой силой стал рвать его сточенными до десен зубами. Оторвав огромный кусок, Варнагери уже было приготовился вонзить зубы в сочную мякоть, как вдруг застыл неподвижно. Лающие, отрывистые звуки доносились резким стаккато до его слуха. Голоса у костров мгновенно стихли и тут же возобновились. Варнагери тоже продолжил прерванную еду.

Кирили-одноногий приблизился к его костру мелкими прыжками, шапка слипшихся от грязи курчавых его волос тряслась в ритм движению. «Нибули идет», — объявил он. Варнагери кивнул. Так оно и есть, подумал он, потому что Нибули, далеко оторвавшийся от остальных охотников, был единственным мужчиной племени, которого не было у костров.

Пережевывая мясо неутомимыми челюстями, Варнагери стал думать о тех сложностях, которые принес с собой Нибули. Нибули был влюблен и хотел взять в жены Джалму, дочь Кирили, девушку с мягкой коричневой кожей и высокой, полной грудью. Но Джалма была «запретной добычей» для Нибули, и старейшины племени запретили их брак [1]. Взбешенный Нибули высмеял их поверья.

Святотатственное поведение Нибули наполняло печалью Варнагери. Что можно ждать от человека, который несколько лет провел на скотоводческих ранчо, общаясь все время с белыми! Варнагери мало что знал о белых, он старался держать племя подальше от их разлагающего воздействия. Традиция требовала, чтобы племя выходило к тому или иному колодцу в определенное время — оно определялось по созреванию плодов «кунарка», дикого персика. Но если Варнагери заставал у источника белых и их скот, он уводил племя прочь. Ибо больше жажды и голода он страшился незаметных, коварных трещин в вековых традициях. Когда власть над племенем навсегда уйдет из рук старейшин, неминуемо наступят черные времена, тогда племя навсегда останется под пятой белых и будет выпрашивать у них пищу и воду из их колодцев.

...Нибули неслышной тенью метнулся среди костров. Однако Варнагери поймал его взглядом.

Нибули показал рукой на восток.

— Белый человек сидит вон там, — сказал он.

При этой новости Варнагери приоткрыл глаза чуть пошире, но только хмыкнул и продолжал рвать ломоть мяса. Старый Кирили взволнованно расспрашивал Нибули о белом. Его лагерь был в дне ходьбы от стойбища, рассказывал Нибули. Там всего один белый, с ним два черно-

[1] У австралийских аборигенов сложнейшие правила вступления в брак, основанные на системе родства. Каждое племя делится на группы, внутри которых брак категорически запрещен. *(Прим. ред.)*

кожих носильщика из какого-то северного племени и еще пять больших зверей, которые зовутся верблюдами.

Покончив с едой, старики начали собираться один за другим у костра Варнагери, чтобы обсудить новость. Сам Варнагери был не на шутку встревожен. Зачем он пришел? Уже много лет ни один белый не забирался так далеко в земли их племени.

Некоторые из стариков были за то, чтобы немедленно уйти, раствориться в бескрайности пустыни, исчезнуть, не оставив белому ни следа. Другие же, жадные и корыстные, посасывали нижнюю губу и думали о муке и сахаре, которые наверняка есть у белого человека, но вслух кричали с воодушевлением, что нужно остаться, потому что какой же вред может произойти от одного человека, даже если он белый?

Варнагери склонялся к тому, чтобы уйти. Но куда? Здесь пища была в изобилии — женщины без труда собирали ее каждый день, а мужчины редко возвращались без добычи. На любой другой стоянке еды будет мало или вовсе не будет — там, на холмах севера, сейчас не сезон. Да и дикий картофель — их основная пища — поспеет там лишь через несколько недель. Неохотно, вопреки предчувствию, Варнагери принял решение остаться.

И они остались. На следующий день ничего не произошло, ночь тоже прошла мирно, и племя стало надеяться, что белый и его верблюды ушли. Но еще через день, когда Варнагери после целого дня охоты возвратился в лагерь, усталый, голодный и с пустыми руками, он увидел среди деревьев, бок о бок с их собственной стоянкой палатку белого! Палатка была изнутри освещена.

Подойдя к своему костру, он увидел, что его старая лубра[1] вынимает из огня обуглившуюся мучную лепешку — пищу белого человека. Раздосадованный, он заворчал на жену. Но когда чуть позже она подала ему эту лепешку на ужин, он съел ее с удовольствием, наслаждаясь непривычным вкусом и запахом, но все же недоверчивый. К чему этот подарок?

И снова старейшины племени собрались у его костра потолковать. Они сидели обеспокоенные, но сытые и разговаривали о белом человеке и о том, зачем он появился в их местах.

Внезапно собаки свирепо залаяли, потом сорвались с места и бешено ринулись в темноту. Он закричал, пытаясь сдержать их, но голос его пропал в неистовом лае. Потом он услышал громкую ругань на незнакомом языке, звук кнута, секущего собачьи тела, и обиженный собачий визг.

Ни один из старейшин не двинулся с места, когда белый вошел решительным шагом на открытую поляну посреди лагеря. Безмолвные, они лишь наблюдали за ним из-под полуопущенных век. Даже собаки перестали лаять и только рычали, выражая тем свое недоверие к белому, который остановился в центре поляны и стал оглядывать лагерь.

— Кто тут у вас главный? — громко спросил он.

Никто не отозвался, кроме Нибули, который подбежал к нему, возбужденно крича:

[1] Лубра *(австрал. диал.)* — женщина-аборигенка. *(Прим. ред.)*

— Сюда, сюда, босс... Вот этот старик здесь, — он указал на Варнагери. — Вот этот старик, он здесь главный... зовут Варнагери.

Джим Брэдли посмотрел сверху вниз на щуплого старика, сидящего у его ног.

— Слушай, старик. Ты мне дашь хорошие копья, вумеры, питчи, вилги[1], продашь мне... Я плачу... Табак, мука?.. — спросил он.

Варнагери не понимал, что значат эти непонятные слова, и ждал, пока Нибули переведет их. Поняв смысл, он закивал головой. Да, у него есть пара копий, слишком плохих для серьезной охоты, их можно продать, да и у других мужчин, верно, есть вещи, нужные белому. Он послал Нибули порасспросить у других костров.

Старики разошлись по своим стоянкам, чтобы принести прямые копья и вумеры, изготовленные из лозы, тщательно выпрямленной над пламенем.

Белый подвинул себе полено и присел к костру.

Джим Брэдли смотрел на огонь. Он был доволен. Основное его поручение — провести геологическую съемку одной из внутренних областей страны — почти закончено. Было у него и еще одно поручение, выполнить которое оказалось куда сложнее, чем он ожидал. Именно ради него он шел уже несколько недель по пятам за этим племенем. Директор музея в большом городе захотел приобрести большую коллекцию подлинного туземного оружия и обрядовых принадлежностей. Достать несколько бумерангов и копий оказалось делом нетрудным, но вот редкую в музеях священную чурингу[2] можно было заполучить только у одного из глубинных племен — такого, как это. Она была ему нужна для завершения коллекции — чуринга, которая согласно туземным поверьям досталась племени от древних «Людей Времени Снов», создавших мир. Окончив тяжкий труд мироздания, предки вложили свое могущество в каменные чуринги — источник благоденствия и самого существования племени...

Люди шли к белому группами и поодиночке, надеясь выторговать немного муки и табака. Некоторое время торговля шла гладко и бойко. Когда Брэдли решил, что пришло время, он подозвал Нибули.

— Скажи им, что я дам много-много еды... много-много табака... пусть принесут мне хорошую чурингу... хорошую штуку чурингу из цельного камня... понял?

Его слова потрясли Нибули. Даже он, позволявший себе насмешничать над стариками, боялся священных камней. Он знал, что смерть настигает каждого, кто покажет чуринги женщинам или непосвященным. Заметив нерешительность Нибули и ужас на его лице, белый вытянул из-за пояса блестящий нож и бережно положил его на землю. Потом вынул из кармана бутылку, отвернул пробку и как бы ненароком поднес ее к ноздрям юноши. Резкий аромат достиг даже тех, кто стоял в ожидании поодаль. Варнагери заметил, как вспыхнули глаза Нибули при виде вещей белого человека. Медленно-медленно Брэдли сунул нож обратно в ножны, за-

[1] Вумеры — копьеметалки, вилги — бумеранги, питчи — деревянные блюда для растирания кореньев. *(Прим. ред.)*

[2] Чуринга — священный предмет, в котором «живет душа предка». Чурингой может служить раскрашенный кусок дерева или камень. *(Прим. ред.)*

винтил пробку на бутылке и положил ее в карман.

Он тоже заметил вожделение во взгляде юноши. Похлопав себя по карману, Брэдли сказал:

— Вот что, парень, принеси хорошую старую чурингу ко мне, и я дам тебе эти штуки, понял?

Когда белый зашагал прочь, Варнагери спросил Нибули, о чем был разговор. И когда юноша рассказал, что белый предложил купить чурингу, Варнагери на мгновение потерял дар речи. Старейшины, стоявшие полукругом, глухо заворчали, а одноногий Кирили в сердцах метнул бумеранг вилги в том направлении, куда ушел белый. Варнагери попытался успокоить старейшин, сказав, что белый, наверное, уйдет на следующий день. Наконец мужчины разошлись по своим стоянкам, а сам Варнагери прилег у костра с ощущением какой-то странной тревоги. Эта тревога не проходила всю ночь.

Постепенно тишина опустилась над лагерем. Все крепко спали у костров. И лишь одна фигура виднелась темным силуэтом над тускнеющим огнем. То был Нибули. Долгое время он сидел неподвижно у маленького, сияющего в ночи пятна и смотрел в направлении палатки белого. Его тело напряглось и закостенело от внутренней борьбы, которая бушевала в сердце: желание заполучить сокровища белого человека боролось в нем с всепоглощающим страхом перед магической силой чуринги. Никакое влияние белых, никакое общение с ними не могло истребить этот леденящий ужас, вскормленный и стократ усиленный бессчетными поколениями предков, слепо веривших в то, что в чуринге заключена душа племени. Нетерпеливым движением Нибули швырнул на угли пучок сухой травы. Трава вспыхнула — быстротечно и жарко.

Глядя на костер, Нибули видел красивое лицо Джалмы в обрамлении пляшущих разноцветных огней. При мысли о ней его решимость крепла.

Нибули поднялся на ноги и внимательно вслушался в тишину над лагерем. Ни звука. Даже собаки крепко спали. Звезды указывали ему путь к священному хранилищу...

Утренняя звезда робко замигала над горизонтом, когда Нибули появился у палатки белого человека. Он стоял, дрожа от испуга и утреннего холода. С горящей головней в руке Нибули мог неутомимо прошагать хоть целую ночь, но без защиты огня темнота обретала отчетливые формы, в ней таились полчища деббил-деббилов [1].

Бесшумно приоткрыв полог палатки, Нибули позвал:

— Босс, я принес ту чурингу, что ты просишь.

— Уф-ф... Что такое? Кто здесь?

— Это я, босс... Нибули... Ты больше не говори громко. Могут это черные люди услышать... Я поймал чурингу, что ты просил.

Джим Брэдли высунул голову из палатки и увидел дрожащую черную тень. Он протер глаза, прогоняя сон.

— А ну, давай посмотрим.

— Не здесь, не снаружи, босс, — запротестовал Нибули. — Лучше я войду, босс. Может кто видеть здесь, снаружи.

Нибули огляделся.

Брэдли отвязал полог палатки. Нибули быстро проскользнул внутрь и, пока Брэдли возился с фонарем, принялся распаковывать покров из коры, скрывающий чурингу.

При виде плоского овального камня в глазах Джима Брэдли загорелся огонь удовлетворения. Да, это настоящая, старая чуринга, никаких сомнений на этот счет. Лоснящийся глянец ее поверхности — результат сотен и сотен протираний красной охрой, когда ласковые руки бесчисленных поколений старейшин ласкали камень, — блеснул в луче света. Глазом знатока Брэдли отметил и рисунок на камне — концентрические круги, нанесенные неглубокими, но точными и безошибочными штрихами. Брэдли прощупал рисунок пальцами.

— Ты знаешь и историю этой чуринги? — спросил он.

— Прости, босс. Я не знаю историю этой чуринги.

— А может, ты меня обманул... может, я и не дам тебе тот нож, — сказал Джим, окидывая цепким взглядом все еще дрожащего Нибули. При этих словах Нибули почувствовал, как панический страх тисками охватывает его тело, словно все его мускулы враз свело судорогой.

— Нет, этот настоящий, босс, совсем настоящий. Я не знаю эту историю. Этот камень от тотема змеи... а я жил долго там, на ранчо. Старики больше не рассказывали мне истории, — молил он.

— Да черт с ним... Бери, — сказал Джим. Он подтолкнул нож и масло для волос к Нибули. Тот схватил их и быстро исчез в проеме полога. Белый человек был настолько доволен своей удачей, что даже не заметил, как он ушел. Джим стоял в смутном, колеблющемся свете фонаря и потирал рукой черный налет на гладкой поверхности камня...

В шуме и суете нового дня, когда стойбище готовилось к охоте и сбору пищи, приготовления белого человека к отъезду прошли почти незамеченными. Только старый песенник Джимбала, который сидел на солнышке, вполголоса напевая ребятишкам истории племени, заметил, как опал белый шатер, и почувствовал облегчение. Присутствие чужестранца простиралось подобно темному облаку над мирным покоем и простой гармоничной жизнью племени.

Беспрерывно щебеча, женщины выходили на поиски еды. Мужчины окликали собак и сходились вместе для дневной охоты на кенгуру среди холмов на западе. Поначалу они двигались по тропе все вместе, но скоро развернулись веером по степи и пошли в разных направлениях. Нибули быстро шагал впереди и, когда почувствовал, что значительно обошел остальных, резко изменил направление и повернул в сторону. Обойдя подножье холма, он подошел к небольшому возвышению, с которого видно было долину и женщин, копающих землю в поисках пищи. Нибули притаился за кустом, поджидая, пока Джалма отойдет подальше от остальных. Затем, приложив ладонь ребром ко рту, он издал долгий и мягкий свист — крик лесного голубя. И тотчас Джалма подняла голову и стала потихоньку двигаться в его направлении. Когда она подошла к кустам, Нибули едва слышно, почти шепотом произнес ее имя. Джалма, не замеченная никем, мягко скользнула за куст...

[1] Деббил-деббилы *(австрал. диал.)* — злые духи ночи. *(Прим. ред.)*

Когда она собралась уходить, Нибули задержал ее. Он вытащил из-за чахлого куста бутылку с маслом для волос, открутил пробку и дал Джалме понюхать.

— Это тебе.

Джалма вдохнула сладкий запах — о, никогда, никогда она не нюхала ничего столь неотвратимо манящего! Даже голова закружилась от радости.

Нибули неловко налил немного жидкости себе на ладонь и провел ею по волосам Джалмы. Ах, как приятно было ощупать ее затылок и ее волосы, легкие и ласковые, как дуновение бриза! И Джалма, в точности повторяя его движения, втерла немного масла в волосы любимого. Потом закрыла бутылку и положила ее на дно своего блюда — питчи, под груду корней, собранных ею в долине. С улыбкой она взглянула в последний раз на Нибули и стала спускаться с холма к остальным женщинам.

Нибули смотрел ей вслед. Радость переполнила его сердце. Старики говорили, что Джалма не может быть его женой. «Если ты осмелишься нарушить закон, с племенем случится что-нибудь страшное». Но выходит, что они не правы... Ведь ничего с нами не случилось. Когда он повернулся, чтобы поднять копье, то увидел след Джалмы в песке. И, повинуясь внезапному порыву, он поставил свою ногу поперек ее следа, начертав на песке знак двух любящих сердец, а потом быстро повернулся и зашагал через степь в направлении общей охоты...

Варнагери провел ночь, полную страшных снов и плохих предзнаменований. Он и спать-то лег, терзаемый страхами, и сон ему приснился плохой: священная змея погибала, раздавленная каблуком белого человека, который смотрел с усмешкой, как извивается в агонии ее бессильное тело. Варнагери проснулся с ощущением удушья и с жуткой болью, тисками сдавившей голову. Он встал и пошел по лагерю, а в ушах его звучали знакомые голоса сплетничающих женщин.

Он искал Нибули, но того не было среди охотников. Обуреваемый подозрениями, он стал внимательно осматривать землю вокруг лагеря. Так и есть, на земле ясно отпечатывались уходящие в степь следы. Следуя за ними, он заметил, что внезапно следы повернули в сторону почти под прямым углом. Варнагери остановился, пытаясь сообразить, что бы это могло значить. Потом крикнул остальным охотникам.

— Я посмотрю здесь... Будет больше удачи, если попробовать в одиночку.

Он услышал, как они что-то прокричали в ответ. потом подождал несколько минут, пока они исчезли из виду, и пошел по следам медленно, но неуклонно. Он дошел до того места, где Нибули и Джалма встретились, и остановился с безошибочной уверенностью и стал искать на земле знак двух влюбленных сердец.

До его слуха долетел бешеный лай собак. Потом он различил жалобный стон и снова лай и понял, что Нибули поразил копьем животное и сейчас отбивал тушу от осатаневших собак.

Теперь Варнагери спешил, он перешел на ровный, плавный бег. Скоро из-за поворота тропы показался Нибули, который шел навстречу, таща на плечах кенгуру. Собаки бежали за ним по пятам, подпрыгивая и возбужденно тявкая. Когда Нибули подошел ближе, Варнагери уловил вдруг слабый запах масла для волос. Сердце его забилось быстрее, ибо он узнал запах, таившийся в той бутылке, что белый предлагал вчера Нибули. Леденящий ужас закрался в душу. Каким образом Нибули заполучил масло? Он ведь сам сказал вчера, что белый отдаст его лишь в обмен за каменную чурингу?

Мысли смешались в голове Варнагери. Нет, он ни за что бы не поверил, что мужчина его собственного племени... посвященный... пусть даже такой насмешник, как Нибули, мог стать предателем, способным украсть душу и сердце всего племени. Следовало все выяснить немедленно, пока еще можно вернуть чурингу, прежде чем белый увезет ее навсегда. Он содрогнулся при мысли о том, что произойдет с племенем, если то, чего он страшился всей душой, окажется правдой.

Варнагери улыбнулся Нибули и взял из его рук кенгуру. «Мои ноги стары и непослушны. Я понесу мясо в лагерь, а ты продолжай охоту и постарайся добыть еще одного зверя». И Варнагери поспешил назад, в лагерь, сгибаясь под тяжестью кенгуру.

У костра он сбросил тушу наземь. Лагерь был наполнен шумом и щебетом женщин, которые готовили пищу, собранную этим утром.

— Где хворост, чтобы поджарить мясо? — зарычал на них Варнагери. — Перестаньте молоть чепуху. Идите и наберите побольше хвороста. Мужчины скоро будут в лагере.

Как только они ушли, Варнагери поспешил к стоянке Нибули — связанным полукругом невысоким кустам, выгнутым против ветра. Варнагери пошарил в ветвях и нащупал два свертка, обернутых в кору. В первом были личные ритуальные принадлежности — украшения из перламутра, несколько браслетов из шерсти крошечных обезьян-ревунов... Во втором он обнаружил большой пучок перьев эму, перевязанный волосяной веревкой... Развязав его, Варнагери распустил перья, и они раскрылись наподобие павлиньего хвоста. В этот момент из связки выпал, сверкнув лезвием на солнце, стальной нож. Варнагери поднял его и с минуту разглядывал; потом засунул его за свой волосяной пояс. Остальные вещи он аккуратно завернул и положил на место.

Теперь надо было срочно отыскать масло для волос.

На стоянке Нибули его не было. Спеша и волнуясь, Варнагери побежал к собственному костру и из потайного укрытия вынул пару туфель. Они были сплетены из перьев эму, скрепленных древесной смолой. Это были наводящие ужас, обладающие магической силой туфли Курдайча. Много-много лун прошло с тех пор, как он вынимал их в последний раз из потайного хранилища.

Тщательно завернув туфли в кору, Варнагери двинулся в сторону от основного лагеря, к месту ночлега незамужних девушек. Он обыскал все вокруг, обшарил каждый куст. Безуспешно. Вдруг он наткнулся на питчи с кореньями, оставленное впопыхах на земле, когда он погнал женщин за хворостом. Там-то, под кучей корней, он и увидел бутылку с маслом. Варнагери вдохнул опьяняюще сладкий аромат, который вызвал у него тошноту. Питчи, отметил он, принадлежало Джалме. Итак, страшное подозрение обернулось явью. С нарастающим ужасом в душе он поспешил к заветной площадке, где хранились чуринги.

Он постоял перед большой нависающей скалой, сложил руки лодочкой, поднес их ко рту и издал пронзительный, дрожащий крик. Затем сделал несколько шагов вперед, тихо напевая мелодию. Потом взошел на скалу и сдвинул тяжелый валун, который закрывал вход в хранилище. Тихо и благоговейно Варнагери извлек чуринги. Бережно разложил их на травяной подстилке и стал считать их, называя каждую ее собственным именем. Имя за именем скатывалось у него с языка; но, когда чуринг уже не осталось, одно имя так и не было произнесено... Унабарили... Значит, этой чуринги нет!

Грусть и печаль, невыразимая печаль, охватили Варнагери. Только теперь он почувствовал, как он стар, изможден, немощен. И он закричал, давая выход своей боли. Его крики забились среди камней и затем спустились на землю одним бесконечным, надрывающим сердце рыданием.

Затихнув и чуть успокоившись, он взял оставшиеся камни и разложил их на коленях. Раскачиваясь из стороны в сторону, он любовно гладил, ласкал каждый из них. Для него они были незримой цепью, протянувшейся от людей его племени к «Людям Снов», ручейком бьющейся, живой мысли, которая была, есть и будет всем его миром, самой его жизнью. Одинокая слеза упала на камни. Прошло много времени, прежде чем у Варнагери хватило сил подняться. Он встал и положил чуринги в хранилище.

Двигаясь через степь наперерез, чтобы отрезать белому возможный путь отхода, он заметил угасающий дымок тлеющей травы. Пройдя по ее опаленному краю, он нашел наконец то, что искал, — следы огромных верблюдов, еще недавно лежавших здесь. И он неутомимо помчался вперед. Гнев удесятерял его силы, стоило ему подумать о белых. Когда он был мальчишкой, никто в его племени и слыхом не слыхал о них. А теперь на протяжении всего лишь одного поколения белые отняли у них охотничьи угодья и заразили его народ всеразъедающим ядом гниения, который подтачивал вневременные устои их жизни.

Впереди себя он расслышал голоса. Тогда он стал продвигаться медленнее, тщательно выбирая дорогу. Через просветы в листве он внимательно следил за белым и двумя его темнокожими помощниками, которые разбивали лагерь на ночь. Варнагери залег в кустах, дожидаясь своего часа. И когда черная ночь окутала все вокруг своим непроницаемым покровом, Варнагери, удостоверившись в том, что все в лагере заснули, вынул туфли Курдайча из коры, в которую они были обернуты, и надел их на ноги.

Безмолвной тенью он обошел спящих чернокожих носильщиков и приблизился к белой палатке. Вслушался, едва дыша. Из палатки доносился размеренный храп. Беззвучно Варнагери двинулся из непроглядной темноты ночи в еще более непроглядную темноту внутри палатки. Там он подождал чуть-чуть, чтобы дать привыкнуть глазам. Его взгляд быстро заскользил по наваленным на полу вещам, пока он не наткнулся вдруг на какой-то предмет, который выделялся среди остальных даже в ночи — так он был темен. Это была чуринга, лежавшая у самого ложа белого, на ящике.

Сердце Варнагери едва не разорвалось от волнения, когда он, исполненный счастья, схватил священный камень. Одной рукой прижимая к груди камень, он положил другой бутылку с маслом для волос точно на то место, где до этого лежала чуринга. Но когда он опустил туда же и нож, тот выскочил из дрожащих от волнения старческих рук и с шумом ударился о ящик. Варнагери быстро согнулся вдвое, чтобы поднять его.

Но белый уже проснулся и вскочил на ноги. Две огромные руки сомкнулись на хрупкой шее Варнагери. Старик боролся отчаянно, но сил у белого было больше чем достаточно...

И тогда Варнагери в отчаянии ударил в неимоверную массу, нависшую над ним, ударил белого его же ножом, глубоко, в самое сердце. И почувствовал, как тот охнул, как медленно-медленно стальное объятие расслабилось и огромное тело рухнуло наземь.

Ему пришлось опереться о ящик, чтобы не упасть на распростертое на полу тело. Окаменевшие пальцы левой руки сжимали священную чурингу.

Крепко прижимая ее к телу, Варнагери выскочил из палатки. Туфли Курдайча он снял, чтобы свободно двигаться в темноте.

Уже занимался рассвет, когда Варнагери вернулся в лагерь. Старик шатался от усталости. Однако оставалось еще одно неотложное дело, его долг, не исполнив который он не мог дать отдыха своему обессиленному телу. Виновный должен быть наказан — таков закон.

Вновь надев на разбитые ноги туфли Курдайча, он подошел к дереву, в дупле которого хранилась охра для раскрашивания. Со всей тщательностью он нанес на тело черные магические символы и обвел их красным, символы, которые должны будут помочь ему умертвить медленной, мучительной смертью человека. Потом он тихо запел тайные заклинания: жуткий, клокочущий гортанный звук, злобный, безжалостный. В нем не осталось и следа от обычно мягкого Варнагери. Он стал непреклонным, налился несгибаемой волей, исходящей из сознания его священной цели. Разрушительная сила, высвобождаясь внутри его, заставляла все тело дрожать от напряжения.

Он встал на колени и, положив в рот маленькую деревянную чурингу, взял свое копье и щит. Пригибаясь низко к земле, он принялся красться... ближе... ближе к костру Нибули, изредка взмахивая щитом, чтобы удержать равновесие. Упрямым, гибким шагом он дважды обошел спящего, каждый раз твердо ставя ногу на землю, чтобы отпечатать следы туфель. Губы его непрерывно шевелились, беззвучно повторяя заклинания...

Выполнив свой долг, старик стер рисунки с тела и вернулся к костру. Там он снова бережно завернул туфли и спрятал их назад в укрытие. Священную чурингу он положил под куст, у самой своей головы. Ее он вернет духам завтра.

Наутро взволнованные крики донеслись с той стороны, где жили молодые охотники. Те, кто побежал посмотреть, рассказывали, что следы Курдайча ясно виднелись на песке повсюду вокруг Нибули. Сам он лежал, корчась от боли; его лицо, изуродованное гримасой агонии, было покрыто большими каплями пота, который рождался на лбу и скатывался вниз.

Стеная, он твердил что-то о ноже внутри него, который вспарывает ему живот и поднимается все ближе к сердцу. Те, кто осмелился приблизиться, могли расслышать его бред: «Нож... исчез... он... режет... режет». Он метался весь день, то и дело вскрикивая от боли. Вид его извивающегося тела и вылезших из орбит глаз наполнял ужасом всех в лагере. В ту же ночь Нибули умер.

Через три месяца в одной из газет в большом городе было напечатано следующее: «Абориген по имени Варнагери предстал сегодня перед судом по обвинению в убийстве Джима Брэдли и был приговорен к пожизненному заключению. Брэдли с двумя помощниками-туземцами совершал поездку по стране, изучая геологические формации и собирая образцы туземной утвари для Музея естественной истории. Два аборигена, сопровождавших Брэдли, показали, что убийство было совершено сверхъестественными силами. Они заявили, что не видели ни одной живой души и не слышали всю ночь ни звука, но что наутро многочисленные следы «пернатых туфель» виднелись вокруг палатки.

Примерно в это же время умер молодой охотник из того же племени, что и подсудимый. Смерть произошла при крайне загадочных обстоятельствах. На теле умершего не было обнаружено ран, а вскрытие не показало никакого заболевания. И снова все свидетели-туземцы утверждают, как один, что это дело «магии Курдайча».

Как сообщили нашему корреспонденту в Музее естественной истории, Курдайча — это форма первобытной черной магии. Жертва верит всей душой, что ее ждет неминуемая смерть за нарушение законов племени».

Перевел с английского Ан. РОЗЕНЦВЕЙГ

В науке магия такого рода называется «магией внушения». Эффект ее основан на том, что жертве точно и во всех подробностях известны последствия того или иного поступка (обычно нарушения ритуального запрета). Достаточно человеку узнать, что он заколдован, как в действие вступает самовнушение. Человек знает, что он должен умереть, и потому умирает. (Подробнее об этом мы писали в очерке «У колдунов нет дипломов» в № 5 «Вокруг света» за 1968 год.)

«Магия внушения» распространена среди первобытных народов Океании, Австралии, Африки и Южной Америки. *(Прим. ред.)*

П. БОРИСОВ,
наш спец. корр.

КАК Я БЫЛ ТИТЕСТЕРОМ

«ЛУНЫ НЕТ — ЧАЙ ЕСТЬ»

Поздно вечером за прыгающими по дороге пятнами света фар ехали мы на чайную плантацию. Тьма-тьмущая. Когда бы хоть звезды были, так нет — с вечера тучи, и небо черное. Странное время для поездки. Старик, совхозный агроном, понимая мое удивление, растолковал сразу: «Луны нет — чай есть».

Потом уже по дороге объяснял он подробнее, что, как только сбор начался, главное — момент не прозевать. Время потеряешь, погрубеет лист — сорт потеряешь. Обидно. Чай снимать нужно, пока молодой, нежный. Экстра-класс

будет! Поэтому и днем и ночью собирают, если уж надо. Ночью, понятно, только машины пускают.

О том, что чайные посадки близко, сначала услышали: вперебив стрекотали моторы. Потом увидали огни.

— Тамази, бичо, прыгай, поешь! — крикнул в темноту мой провожатый.

Мотор заглушили.

К нам подошел худощавый парнишка и тут же бросился обнимать агронома.

— Погоди, дорогой, — ласково сказал старик и протянул ему бутылки кефира-мацони, лаваш и еду в сумке.

— Расскажешь, как сбор идет, бичо. На обратном заеду.

Красные огоньки подфарников сами по себе светлячками полетели от нас в черноту.

Мы уселись на порожних, перевернутых корзинках. Тамазу удавалось прихлебывать мацони, что-то напевать, мыча, барабаня пальцами и пританцовывая. Кроме того, по-своему последовательно он посвящал меня в чаеводческие дела.

— Запомни, главное — сбор. Конечно, в нем больше половины работы. Как везде, и подкормка есть и подрезка. Ничего не скажу — это важно. Потом сорную траву тоже надо удалять или нет? Что только не повылазит: дзурца, мцериспехи, листы папоротника, разная трава... Всю ее «колючка» зовем. Короче, прополка... И все-таки сбор — самое трудное.

Чай снять нужно. Самый кончик побега с двумя, тремя листьями, и, знаешь, очень хорошо, когда с нераспустившейся почкой — «флешем». Надо только такой молодой побег снять, а остальное — «пенек» — зачем трогать?

Что ты! Куст не срезают — обламывают мягко. Нужно чувствовать пальцами ветку. Попробуй сначала двумя пальцами, как ягоды собирать, через час устанешь, а что соберешь — показать смешно. А вот опытные сборщицы... Что ты, я не могу так сделать. Я школу механизаторов окончил, а это как в цирке нужно. Обе руки кусты щиплют, сразу восемь или десять пальцев работают — сами послушные. Я думаю, знаешь, не легче, чем на пианино играть или там на пишущей машинке бумаги печатать.

Вот считать начнем... Один побег полграмма весит. Норма собрать за смену — восемь килограммов. Простая арифметика. Шестнадцать тысяч штук побросать в корзинку, а движений, считай, тысяч тридцать проделать. Добавь сюда, как солнце все больше жарит, как согнуться над кустом нужно, как глазами уметь искать ветки. Хорошие ветки.

Тамаз прищелкнул пальцами и, прищурившись, выжидательно глядел на меня, проверяя, дал ли он оценить ситуацию как надо.

Ночной воздух сладковатый и чуть липкий. С моря тянул ветер.

— Завтра уйдут тучи, — предсказал Тамаз. Он захватил фонарик и предложил просветить меня в устройстве «Сакартвело».

— И здесь тоже вся изюминка — «пальцы». Опускаются на весь куст сверху. В «руке» много «пальцев» — штырей, они захватывают ветки, а сами качаются: туда-сюда... Так придумали, что «пальцы» наклонены к ветке и когда ходят по ее длине, то сами слабое место для слома находят.

...Почему тогда руками собирают? Нет, машин много, почти тысяча в Грузии. Но для них нужны особые посадки, кусты длинные должны быть, как трубы через все поле; нужно еще оставить точно расстояние — проход между ними. Тогда машина сначала подрежет посадки, подгонит куст под себя, а потом и урожай снимет. К тому же трудно машине на крутых холмах. А здесь холмы...

ТИТЕСТЕРИЯ

Чайная фабрика — место удивительных превращений. Здесь зеленые листья, миндалевидные, с прожилками и легким глянцем, превращаются в ароматную черную россыпь. Самый известный — так называемый черный байховый чай. «Бай-хоа» — белые реснички на внешней стороне зеленого листа. Еще есть чай зеленый, кирпичный и плиточный. Говорят, на Востоке, в местах, где трудно с пресной водой, плитки чая обламывают и кусками крошат в котелок, в котором варится пища.

Одного байхового чая на фабриках делают несколько видов. И все это — и черный и зеленый, — из сбора с одних и тех же плантаций. Разве не удивительно?

На фабрике сразу видят, когда собирали лист — утром или днем, на молодых или старых посадках. От всего этого будет зависеть сорт будущего чая.

Фабрика сначала завялит зеленые листья, скрутит в чаинки, отсортирует, заготовит мешками — каждый с чаем определенного сбора и обработки. Потом наступает самый ответственный момент. В святая святых фабрики — титестерии.

Она имеет отношение не столько к технологии, сколько к профессиональной интуиции и чуточку — к колдовству. Титестер-дегустатор осмотрит мешки и, намешивая одно с другим и третьим — вот он, непостижимый творческий процесс, — приготовит десяток проб. Начинается дегустация...

Чай пьют все. Не говоря уже о завзятых любителях, не представляющих себе жизни без чая, когда чаепитие и ритуал, и времяпрепровождение, и вкусный чай, и неторопливая беседа. О пользе чая и говорить не приходится. Со временем находят в нем все больше достоинств. Так что дегустация касается всех кровно и непосредственно, и предложение побыть титестером я принял не задумываясь. Настоящим титестером. Лейла пообещала мне, что все будет по правилам.

К ее немного старомодной толстой черной косе очень шел белый халат, а лицо с большими строгими глазами просто поражало своей белизной. В этом-то краю загарного солнца, от которого приезжие в два дня приобретают темный «южный» вид.

Лейла расставила передо мной десять чашечек, ссыпала в них точно по три грамма чая каждой пробы, среди них были спрятаны уже известные сорта. Чай залили кипятком.

Время потекло тонкой струйкой в песочных часах. Пять минут заварки.

Итак, действие первое.

— Как вам нравится цвет настоя?

«Очень нравится», — сразу хотелось ответить мне. Еще бы, ведь только заварили! Бывает, впопыхах такой спитой чай пьешь, и цвета не заметишь.

— Хороший цвет, — сказал я. — В этих трех — коньяк пять звездочек. В остальных — закат над морем...

Посмотрела Лейла. Сначала на просвет, потом стала покачивать две чашечки.

— Пусть закат, -- говорит. — Ого, еще и над морем! Тогда в этих двух пробах погода портится... Легкая облачность. Чуть-чуть мутноватый настой.

Теперь вкус настоя. Слегка ополоснуть рот чаем каждой заварки.

— Если вчера шашлык ели, было много тостов, вина и дыма, везде вкус одинаковый покажется, — предупреждаю сразу.

На всякий случай я поинтересовался, какой вкус был бы хорош.

— Как у хурмы, — сказала Лейла. — Терпкий, вяжущий... Ладно уж, пошли дальше. Будет самая тонкая проба — аромат разваренного листа. Отвлекитесь от всего, полное спокойствие, сосредоточенность. Эфирные масла чая могут давать такие ароматы: розанистый, эвкалиптовый, медовый, цитрусовый...

Я приступил.

— Везде как розовая клумба.

— Вай, какой добрый титестер, — засмеялась Лейла.

Чай очень чувствителен. Где ни побывал, всюду запахи перенимает. Хорошо еще, если это будет запах свежевыпеченного хлеба или моря, а ведь может и кислить, и рыбой или бензином отдавать. Все к себе притягивает. В чем везли, где хранили, все титестеру расскажет.

— Знаете, как титестер говорит? — улыбнулась Лейла.— «Судьба чайной фабрики у меня на носу».

Важный инструмент — нос титестера, никаким прибором не заменишь. Вполне верю, что за границей один дегустатор свой нос на миллион застраховал...

А теперь — цвет разваренного листа.

— Цвет бывает от черного, темно-коричневого до зеленого. Самое лучшее — медно-красные чаинки. Если больше коричневого — лишняя ферментация, зеленого — недостаточная. Нужно обработку менять.

Проба пятая и последняя — вид и форма сухих чаинок.

Лейла рассыпала щепотки проб по белым листам бумаги.

— Ваше мнение, титестер? — спросила меня.

— Похоже, как по-грузински написано, — сказал я. — Спиральки, дужки, крючки, змейки... Только я по-грузински не читаю.

— Хорошо, можно и не читать, — Лейла быстро схватывала правила игры. — Главное, чтобы письмо без помарок. Нескрученные полоски, красные палочки, посторонний сор — все в минус. Общая отметка ставится в баллах. От нее будет зависеть присуждаемый сорт. Больше чем на четверть балла грамотный титестер не ошибается. К тому же шкала оценок так построена, что малые ошибки на результат не влияют... В конце концов, опытные дегустаторы настолько знают свои ходовые сорта, что, дай ему на пробы не местный, скажем цейлонский, сорт, он напишет в отчете: «сорт нехарактерный», и даже оценивать не станет.

СКОЛЬКО ЛЕТ ГРУЗИНСКОМУ ЧАЮ?

Есть в Сухуми Грузинский институт субтропического хозяйства. Стоит высоко на горе. В широких окнах — море. Студенты особенно, по-грузински, щеголеваты, а радушные преподаватели надолго задерживаются у дверей: каждый просит войти первым другого и, как водится, приглашает на воскресенье в гости:

— Отари будет, Гурами будет. Жена рада будет. Приходи, дорогой!

...На кафедре чаеводства профессор Джанашия рассказывал об истории культуры чая.

— Конечно, сегодня привычка легко подвести может. Каждый знает: и чаем и виноградом богата Грузия. Не зря «республика чая» называют. Само собой разумеется. Только виноградная лоза на нашей земле испокон веков, многие тысячи лет, а вот чай...

Живет, скажем, у Ингури Сагебар Маргия. Слышали о ней... Тонну чая в год собирает. Сто двадцать пять лет человеку. Такая вот бабушка-чаевод. И она постарше грузинского чая.

Однако у нашего чая есть история. Сначала всплывает дата — 1637 год, когда монгольский хан даровал пуд чая царю российскому. В середине и конце прошлого века энтузиасты пытались привить культуру чая в Грузии. В те времена и была заложена плантация в имении Эристави. Под Сухуми Бутлеров, всем известный химик, тоже экспериментировал с разведением кустов. Конечно, все это опыты были. Чай продолжали закупать за границей. За немалое золото закупать, чай — товар дорогой. В Грузии даже в начале этого столетия под чаем была всего одна тысяча гектаров. Сейчас? Шестьдесят четыре тысячи...

Все началось с объединения «Чай — Грузия» в 24-м году. А сейчас выведены десятки грузинских сортов, стойких, урожайных. Теперь сами экспортируем чай англичанам, бельгийцам, полякам. И в Марокко и в Югославию... Годовой урожай Грузии — 224 тысячи тонн. Это не пуд от монгольского хана.

Но есть особые сорта... Такой сорт, как «Букет Грузии», ценят любители во всем мире. На «Букет» сгодятся только самые молодые двулистные побеги с почкой. И снимать их надо только с плантаций старше семи лет, и только с июля по сентябрь, не позже. А плантации эти еще должны быть обязательно в холмистой полосе, и собирать побеги надо лишь на солнечных склонах и только в сухую, теплую погоду. К тому же только в специальные маленькие корзинки. Других фабрика не возьмет.

Возможно, профессор упомянул не все «только». Например, я знал, что под чай пригодна лишь красная земля — как здесь, от вод Кодори до Аджарис-Цхали, — и нужно долгое солнце. А чай прихотлив, и здесь есть еще и море, — может, ему нужно и море.

В. АРСЕНЬЕВ
Фото автора

Мы сидим спиной к костру, и его свет не мешает нам смотреть, как всходит луна.

Она поднимается из-за черных еловых лесов за рекой. Матовые, чуть видные облака наполняются прозрачным синим сиянием. Темная стремнина Сози вдруг начинает играть светлой ртутью, с берега на воду падает тень черемухи.

— Кончился мох... — грустно говорит Юрка и, зябко поведя плечом, натягивает кожанку. — Завтра уже дома будем...

В черемухе, пробуя голос, осторожно щелкает соловей, робко пускает первую трель.

Да, наверное, Оршинский мох и правда кончился. Вот и соловей щелкает. Две недели, путешествуя по болотистому краю, мы не слышали этих птиц, хотя была самая их пора, самое соловьиное время. Почему-то они облетали стороной низкие торфяные

ОРШИНСКИЙ МОХ

земли с мелкими озерами и сырыми лесами — обширные пространства неподалеку от Калинина, носящие имя Оршинский мох.

И сама Созь сегодня дала нам понять, что мы оставили позади топкие низины. От Спаса — небольшой деревеньки со старинной деревянной церквушкой — она неожиданно превратилась прямо-таки в бурную горную речку. Шумела на каменистых перекатах, швыряла байдарку в заломы подмытых деревьев.

Бешеная гонка захватывала. Мы летели мимо высоченных зарослей прошлогодней тресты, желтой и твердой, как бамбук. Мимо развалин водяных мельниц и мрачных пустошей, оставленных в лесах недавним пожаром. Проскакивали под узкими мостками в одно-два бревна, с которых заскорузлыми бородами свешивались сухие водоросли — следы высоких вешних разливов.

В редких омутах Созь успока-

ивалась, крутила медленные водовороты. Над бочажками сидели деревенские мальчишки. С длинных прутов безжизненно свисали лесы. «На Великом небось-то рыбачили? — важно выспрашивали

мальцы, пытаясь укрыть в голосе зависть. — На озере, конечно, рыбалка, да...» От отцов они слышали, что на Великом и пудовый сом не редкость. Но далеко озеро-то...

А река вновь брала разбег, подхватывала нашу неуклюжую «Ладогу», несла ее навстречу подступающим сумеркам.

Местами Созь ныряла в лесные туннели. Не было неба — сплошное переплетение ветвей. Здесь стояла зеленая влажная ночь. Узловатые корни сползали с берегов, ломались в черной воде. Сладкий запах цветущих черемух был свеж, крепок и холоден. Весла задевали ветви, и сразу густая метель взвивалась в неподвижном воздухе, медленно оседала на воде, на брезенте байдарки липкими белыми лепестками...

— ...Слышал? — шепотом спрашивает Юрий. — Ходит кто-то. — Он глядит через костер, в темноту леса у нас за спиной. Пронзительная тишина висит над Созью, над лесами. Потрескивают лишь в огне поленья. Ворохи искр красными светляками улетают ввысь и, потанцевав, застывают в зените голубыми звездами. «О-го-го!» — кричит Юрка и прислушивается. Никого. Кому же бродить по полночным ельникам.

Я иду на берег — проверить удочки. На одной туго ходит язь. Он уже почти стащил удилище в воду. В садке он сразу успокаивается, замирает в лунном пятне.

С болотца наползает туман. Молочная пелена медленно обтекает высокий столб, косо врытый над Созью. На вершине столба кто-то грубо вытесал голову: птичье ли, человечье лицо — не поймешь... Голова сзади освещена рыжими отблесками костра, спереди — холодной луной. Бельмы глаз мертво смотрят исподлобья. «Тотем, — думаю я. — Настоящий болотный тотем — страж Оршинского мха».

...Вспомнилось, как нелегко было пробираться к оршинским озерам. Они залегли в центре низины, окружили себя непроходимыми топями.

Мы шли по заросшим мелким каналам, прорубались в кустарниковых дебрях. Вода в каналах была красной, настоянной на торфяниках. С берегов с треском вылетали утки. Припадая на крыло, они долго и суетливо носились под самым носом байдарки — уводили от гнезд. Безлюдье сделало утиных мамаш неосторожными: гнезда с аккуратными кладками яиц лежали на виду.

Постепенно каналы становились все мельче и мельче, пока наконец впереди не встали сплошные заросли хвоща. Тощий ручеек бежал по широкому травянистому ложу. В окрестных лесах на полянах мерцали озера талой воды. В мокрых березняках прелые листья выстилали землю толстым черным ковром.

Теперь до первого из озер — Светлого — предстояло идти пешком, с байдаркой на плечах...

Оно открылось внезапно, и сразу стало понятно, откуда такое название. Десятки километров пробирались к нему люди через мрачные хляби, через сырое криволесье и комариный звон. И вдруг широченный простор, промытая голубизна воды и небосвода... Конечно, Светлое! — как же лучше сказать.

На противоположном берегу, у пожелтевшей сухой березы виднелась протока.

Три дня мы жили на Светлом, три дня над озером стояла разогретая солнечная тишина. Но стоило нам только попрощаться с озером и нырнуть в протоку, которая, как мы знали, должна привести в Щучье, началась какая-то мистика. Для начала с чистого, лишь чуть дымноватого неба пошел ледяной дождь. Через четверть часа все небо было обложено свинцовыми тучами. Страшный ветер полоскал согнутые березы в воде протоки. Юрка весело скалился из-под капюшона плаща: «Светлое-то озеро кончилось...»

Щучье встретило градом. Ледяные орехи барабанили по плечам, по байдарке, пенили воду. Это было начало затяжной недельной непогоды.

Шторм гонял по озеру поля сорванных корневищ кувшинок. Кочерыжки, точно куски старого желтого сала, набивались в заливы в несметном количестве. Было что-то отвратительное в мерном колыхании этой мертвой массы.

По ночам волны захлестывали берег, били в стену палатки — пена залетала и на крышу. В такие ночи долго было не заснуть. Свеча боязливо мигала, потрескивала. Мы слушали — не оторвало ли еще наш мыс? Земля под палаткой покачивалась на плаву.

На Щучьем озере не было настоящих берегов. На воду со всех сторон наступала упругая трясина — сросшиеся, переплетенные травы, корневища, торфяники. По ним осторожно, пробуя, не провалиться бы, двигались чахлые сосенки.

Озеро отбивалось. Штормы ломали кромку, точили, обрушивали глыбы торфа. Плавучие острова медленно дрейфовали под ветром, тяжелели, набираясь влаги, тонули.

...Тотем невидящими глазами удивленно уставился в воду — из омута торчит усатая голова зверя. Я затаил дыхание, не шевелюсь. Нутрия? Вокруг звериной головы в мокрых сосульках шерсти светлый контур луны. Голова медленно пересекает Созь... Да это бобер! Вон нырнул — показался толстый смешной зад, хвост котлетой... Тишина...

Теперь и я слышу: кто-то ходит по темному лесу. Осторожное, неторопливое — хруп-хруп-хруп... Костер прогорел, и Юрки отсюда, с берега, не видно. Бобер вылез из воды, сидит на мягкой траве и будто бы даже улыбается.

...Эх, какая, наверное, по осени клюква на Щучьем! Мы и в мае-то собирали ее шапкой. Прямо с байдарки, не выходя на берег, с прибрежных моховых подушек — крупную, сладкую, перезимовавшую под снегом. До самого Великого озера ягодами были усыпаны мхи по краям короткой протоки.

На Великом стало не до ягод. Здесь, в сердце Оршинского мха, на огромном водном пространстве гулял нешуточный шторм. Седые валы брали разбег от затерявшихся в дальней дымке, утонувших за горизонтом берегов.

«Ладога» скрипела и крякала, удары волн распахивали крюки-запоры стрингеров, дюралевые шпангоуты прогибались. «Это ничего!» — озорно орал Юрка, перекрикивая шум ветра, и смахивал с очков воду. Под мокрой кожей его куртки буграми ходили мышцы, с весел в байдарку летели потоки...

А потом внезапно сразу все кончилось — и ветер и волны. Мы стояли под островом, а на нем приютились две деревни — первые и последние деревни, которые попались нам в Оршинском мхе.

Берег был крут. Наверху оказалось, что деревни не две, а три — самая уютная спряталась за холмом, виднелись только крыши. Она была ближе всех, пустынная, словно вымершая. По улице брел жеребенок. Старые амбары на сваях наполовину стояли над водой.

За одним из них в ворохе свежих стружек стоял коренастый мужчина — ладил к черной лодке какую-то деревяшку. Не торопясь оглядел нас: «Туристы, что ли? Что ж так вот, в одиночку... Небось от своих отстали?»

Сказал, что только вчера провел на моторе за собой через Великое пять байдарок — сами не решились в шторм-то, страсть что вчера здесь делалось...

Говорил он тоже не спеша, покуривая и улыбаясь своим мыслям.

...Деревня эта так и называется — Остров, а вторая, вон та, у кладбища, — Петровское. Самая дальняя — Заречье. Но она уже не на острове, а за проливом, туда на лодке попадать или в объезд, по мосту. А что это за колодцы в воде? Так это не колодцы, рыбу живую хранить. Поймал — и в сруб, хоть месяц живая будет...

Не знал он, кто и почему выбрал для поселения эти глухие, потерянные в болотах и озерах места. Даже поглядел с беспокойством некоторым, словно сам впервые о том подумал: отчего, мест, что ли, не было лучше? Но вспомнил о рыбе — полно ее, вспомнил о ягодниках в лесах, поглядел на лодку, на темно-синюю грозную ширь Великого — успокоился: — На месте живем!

Усмехнулся:

— Глушь, это так... Не всякий и доберется... В войну, к примеру, фашист не прошел — у меня в избе с полгода эвакуированные жили наши — из Калинина. Сейчас, конечно, мы в Калинин чаще ездим, чем они к нам...

В избах Острова тусклым медным светом в углах сияли оклады икон. Оконца в резных наличниках старчески присматривались к дальнему берегу, где свежим, в смоле тесом кичливо гляделись в воду залива новые избы Заречья. Незаметно перетекла туда жизнь. Лодки на привязях — все с новенькими моторами, когда идут, выскакивая из воды от собственной мощи, волна амбары качает и трясет, на улицу заплескивает. Стадо зареченское пройдет — пыль до неба. И хлеба печеные на столах — в обхват не возьмешь, не чета булочкам в печах Острова...

Одно утешение Острову — тишина да собственная красота, деревянная узорчатая вязь, оставленная искусными дедами.

— Так как, сегодня поедете? — Лодочник бросает затушенный окурок в стружки. — А то глядите, подвезу если что. Тогда зайдете — вон моя изба. До Спаса на Сози со мной час ходу.

...Костер тлеет мерцают вишневые угли. Юрка спит, натянув кожанку на уши. Лентяй! Даже палатку не поставил. У костра — голова в дыму — переминается приблудный конь. Так вот кто хрупал в лесу...

— Э-э, вот снова... — невнятно бормочет во сне Юрка. И сразу просыпается. — Ты слышал, — ворчит он, протирая глаза, — прямо по голове кто-то топает? — И тут он наконец видит ночного гостя.

Мы засыпаем, когда восток начинает нежно желтеть.

— Крэ-эг! — страшным жестяным голосом кричит какая-то болотная живность. — Крэ-э-эггг!

Может быть, это ожил тотем, страж Оршинского мха?

Если верить западной прессе, современный мир переполнен одиночками, одержимыми маниакальной страстью совершать политические убийства. Одиночка стрелял в Дж. Ф. Кеннеди в Далласе. Одиночки зверски расправились в Бомбее с индийским коммунистом Кришна Десаи, членом местного городского собрания. Наконец, выстрелы в советского солдата, стоявшего в карауле у памятника советским воинам в Тиргартене, как пытаются это представить, также якобы являются акцией одиночки.

В свое время о Гитлере и его сторонниках в период зарождения германского фашизма западные журналисты тоже снисходительно писали как об изолированной, не представляющей никакой серьезной опасности кучке озлобленных фанатиков.

Автор помещаемого ниже очерка вот уже несколько лет — как во время своих журналистских поездок, так и дома, работая над иностранной прессой, — постоянно брал на заметку все, что имело отношение к возрож-

С. БАРСУКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРКИЗА ДЕ БИННЕЛЯ

дению фашизма после войны. Собранный материал позволил увидеть в тактике неофашистов разных стран много общего, а главное — некую связующую их действия цепочку.

В очерке речь идет прежде всего об ОАС. Многие считают, что ОАС (Организация секретной армии), объединяющая французских неофашистов, прекратила свое существование после поражения организованного ею путча в конце 1961 года в Алжире. Однако некоторые события последнего времени говорят о другом.

Формально ОАС возникла в феврале 1961 года, хотя впервые те силы, которые объединились в ней, дали о себе знать еще попыткой ультраправого путча в Алжире 13 мая 1958 года. Основателем ОАС был генерал Салан, командовавший в Индокитае, а затем в Алжире французскими колониальными войсками, в состав которых входил и зловещий Иностранный легион. Последний был создан еще в прошлом веке как специальное формирование для ведения колониальных войн. В Иностранный легион набирались отъявленные головорезы и авантюристы со всех концов света. Так, после разгрома гитлеровской Германии именно в нем нашли прибежище многие бывшие эсэсовцы. Позднее офицеры Иностранного легиона вместе с парашютистами Салана составили костяк ОАС. Целью ОАС было продолжение колониальной войны в Алжире «до победного конца», а также передача власти во Франции реакционным кругам с последующей расправой над коммунистами и другими левыми партиями.

После амнистии в июле 1968 года бывшие члены ОАС вышли из подполья или вернулись из эмиграции и приступили к сколачиванию своей партии. При этом на поверхность всплыла новая «сильная личность» — Жан-Жак Сюзини, бывший главарь коммандос из оасовских отрядов «Дельта». Последние отличались особым «рвением» во время путчей в Алжире, попытки организовать покушение на де Голля, а также при проведении тактики террора против представителей левых кругов и коммунистов (больше 12 тысяч покушений, свыше полутора тысяч убитых и пяти тысяч раненых — таковы некоторые итоги фашистского разгула ОАС). Первыми шагами Сюзини было установление связей с различными ультраправыми и реакционными организациями и группами, такими, как «Новый порядок», «Юнион-Друа», «Молодая Европа», «Запад», «Молодая нация», «Французское действие». Его цель при этом состояла в создании единого неофашистского блока. Параллельно оасовцы устанавливают контакты с западногерманской НДП, американскими ультра и даже, что весьма любопытно, с гангстерской организацией «Коза ностра», а также с итальянскими неофашистами, португальским «Народным движением национального действия» и многими подобными.

На следы международной активности оасовцев автор натолкнулся даже на Востоке. В частности, объектом их интереса стал Бал Тхакре, главарь ультрареакционной индийской организации «Шив Сена», открыто именующий себя «главнокомандующим индийских эсэсовцев». Этот прожженный демагог и политический делец спекулирует на трудностях в политическом и экономическом развитии Индии, на националистических и религиозных пережитках.

Факты убедительно говорят, что усиленно распространяемая версия об одиночках, вооруженных винтовками с оптическими прицелами, всего лишь миф. Фашизм пытается поднять голову. Он собирает силы. Говорить эту правду необходимо, ибо угроза фашизма продолжает существовать и сегодня.

СОБРАНИЕ

Пожевывая зубочистку — в свое время в ОАС его так и прозвали Зубочисткой, и эту старую привычку он сохранил и здесь, в Париже, — Жюль занял позицию у самого входа в зал «Мютюалите». Как командир отряда, обеспечивавшего охрану собрания, Жюль мог отсюда наблюдать за обстановкой и перед зданием, где были сосредоточены ударные группы, и внутри, в фойе, где находился резерв. Кроме того, только он, Жюль, адъютант Жан-Жака Сюзини, всемогущего шефа ОАС, знал в лицо всех главных участников сегодняшнего события. Их следовало сразу провести за кулисы.

Вопреки опасениям народу собралось много. Своих, из ОАС, Жюль узнавал сразу. Странно было видеть их снова вместе после стольких лет подполья и сугубой конспирации. Молодые петушки из «Нового порядка» и «Юнион-Друа» подходили шумными кучками, многие подвыпивши, задирали прохожих. Зато те, кто прошел школу ОАС, держались сдержанно и солидно: они шли как дельцы на совещание акционеров, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. Иностранцы — греки, испанцы, португальцы и немцы — эти помалкивали и топали табуном, обычно зажав своего фюрера в середине. «Чтобы начать поход, нужно прежде всего собрать солдат-одиночек в армию», — вспомнил Жюль слова патрона.

Охранение затянуло песню. Жюль хотел было рявкнуть, чтобы прекратили, но передумал. Этим задиристым петушкам из «Нового порядка», едва разучившим пару-другую приемов каратэ и имевшим весьма туманное представление о дисциплине, конечно, было далеко до парашютистов генерала Салана, а тем более до коммандос из отрядов «Дельта».

Размышления Жюля о молодчиках адвоката Гальвера прервал подошедший связной.

— Слушай, Зубочистка, — прошепелявил он, — велели передать, что они начинают.

Жюль посмотрел вдоль улицы, где вдали стоял заслон полиции.

— Сообщи в президиум, — сказал Жюль, — что у меня все в порядке. Маркиза предупреди особо, что в зал затесалось несколько журналистов. Я их пропустил. Отделать мы их всегда успеем. Посмотрим, что и как они напишут о нас.

Там, в зале, началось пение. Потом басом забубнил Гальвер. Когда он объявил, что отныне 13 мая будет считаться «большим днем Франции» в честь исторического выступления армии и «истинных патриотов Франции» в Алжире в 1958 году, публика заревела. Глотки надрывали сразу несколько сотен. Жюль даже решил взглянуть на представление собственными глазами.

Честно говоря, вся эта затея вначале была ему не по нутру. Он предпочел бы тактику генерала Салана — опора только на узкий круг надежных ребят из армии и отряда «Дельта». Но воля шефа оказалась иной. И теперь Жюль видел, как успешно она претворяется в жизнь: хотя все прошлые годы судьба отнюдь не баловала оасовцев, Жан-Жаку Сюзини удалось собрать в этом зале нема-

ло единомышленников, куда больше, чем предполагал его верный адъютант.

Жюль не очень прислушивался, о чем говорили с трибуны. Он прекрасно знал, что главное произойдет не в зале, и с иронией наблюдал, как забравшийся после Гальвера на трибуну тощий тип с бакенбардами безбожно коверкал французский язык. Потом взял слово итальянец, назвавший типа с бакенбардами «наш греческий друг». Этот говорил внятно, выстреливая слова, как горошины из игрушечного ружья, о «героях-мучениках» Петене и Муссолини. Тут зал принялся орать: «Дуче! Дуче!», а многие вскочили и выбросили руки вперед в традиционном салюте. Некоторые вообще словно утратили рассудок. Они лупили мотоциклетными касками по подлокотникам, неистово топали ногами. Потом вдруг в зал из президиума поползла тишина, медленно, сначала в передние ряды, а потом все дальше и дальше. Когда Жюль посмотрел в сторону трибуны, на ней стоял маркиз.

— Друзья! — четко произнес Гальвер в председательский микрофон. — Перед вами человек, который будет говорить от имени Жан-Жака Сюзини.

Все снова стали орать и аплодировать. Маркиз поднял руку и дождался тишины.

— Я выступаю перед вами обезличенным, — сказал он, не повышая голоса, — потому что хочу, чтобы вы видели здесь не меня, а нашего вождя. Из своего заточения он говорит вам, что наступило время для решительных действий. К власти! К власти!

— Мы придем к власти! — рявкнул со своего места в микрофон Гальвер так, что задребезжали громкоговорители. — Мы придем к власти во что бы то ни стало!

В зале поднялся невообразимый рев. На трибуну полезло сразу несколько ораторов. Жюль взглянул на часы. Через десяток минут боссы должны были сойтись с глазу на глаз. Он заторопился проверить посты у запасного выхода, хотя в общем-то был спокоен за них — там стояли только свои ребята из «Дельты», все бывшие члены ОАС...

Жюль осторожно приоткрыл дверь. Вокруг овального стола сидели восемь человек. Говорил маркиз:

— Прежде всего ваши парни должны прекратить эти дурацкие манифестации с флагами, никому не нужные потасовки и прочую белиберду. Необходимо готовиться к настоящей атаке, молниеносной и стремительной, как бросок кобры... Все следует подчинить единой цели: дается сигнал, и через два часа несколько тысяч боевых групп, застав врасплох правительство и полицию, по заранее подготовленным спискам берут всех этих левых и либералов, и мы становимся хозяевами страны... Для такого удара нужно объединить наши политические усилия и материальные средства...

Жюль прикрыл дверь. Все шло по плану. Из зала доносился рев тех, кого привели с собой собравшиеся сейчас за овальным столом.

Фотографии человека, призывавшего летом 1970 года собравшихся в парижском зале «Мютюалите» к захвату власти, попали мне на глаза случайно в одной из французских газет. Знакомое лицо: короткий светлый бобрик над квадратным лбом, прищуренные от света юпитеров глубоко запавшие глаза, прямой нос и короткие усы над опущенным чуть влево ртом. Я разглядел даже перстень с черным сапфиром на мизинце руки, которая придерживала микрофон. Сомнения быть не могло. Я уже видел этого человека раньше за многие тысячи километров от Парижа, а если быть точнее, то в 1966 году в лаосской столице Вьентьяне.

СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

В ту осень во Вьентьяне переход к сухому сезону был особенно тяжелым. Все, что оставили после наводнения на улицах воды Меконга, высыхало и поднималось в воздух бурым облаком. Ил, ставший пылью, как ржавчина покрывал пожухлые деревья и стены домов. В барах и лавках появились обычно отсутствующие двери и занавески, но пыль проникала повсюду.

Кондиционер на вилле, где я снимал жилье, вышел из строя после того, как мутная жижа с рисовых полей, кишащая полудохлыми змеями, крысами и трупами собак, подступила к дому и замкнула электропроводку. Поскольку бедствие было всеобщим, приходилось дожидаться ремонта в очереди других пострадавших. А пока, спасаясь от полуденного зноя, я коротал свободное время в кондиционированной прохладе бара отеля «Ланг Санг». Здесь-то случай и свел меня с маркизом де Биннелем.

В полном одиночестве я клевал носом над «Лао пресс», единственной во Вьентьяне газетой на французском языке, когда вдруг услышал:

— Вы позволите, мсье?

Он был тщедушным, этот человек с военной выправкой и щеточкой аккуратно подстриженных усов. Ровный загар, уходивший за воротник армейской рубашки, свидетельствовал, что он не новичок в тропиках, а побуревшее от пыли правое плечо — что у него машина с баранкой на правой стороне. Такими пользовались на другом берегу Меконга, в Таиланде, где движение было левосторонним.

Тщедушный, не дожидаясь ответа, уселся за столик и тут же ткнул пальцем в мою газету.

— Это не французы, нет, это не французы, мсье! Вы, как я могу судить, немец, и, конечно, огорчены. Рвать с НАТО! Это безумие. Ведь опыт говорит нам, что только сотрудничество всех противников красных может принести необходимый эффект... Не правда ли?

Две недели наводнения, когда приходилось спать урывками, порядком вымотали меня, и, чтобы прогнать дремоту, мне требовалось некоторое время. А человек с того берега продолжал без всякой паузы:

— Сам я никогда не носил белого кепи Иностранного легиона, хотя и воевал в Алжире. Я, видите ли, дворянин и служил в танковых частях. Но я умею ценить настоящих солдат. Первый полк легиона, где было много ваших соотечественников с Рейна, в шестьдесят первом стал козырем генерала Салана... Сами события подталкивают Францию и Германию друг к другу... Я знаю, вы ведь приятель Эриха?

Все становилось на свои места. Эрих Глокенхайм, строивший сейчас во Вьентьяне протестантский собор, попав в плен в России, восстанавливал после войны вокзал в Орле. Однажды, уже во Вьентьяне, на террасе ресторана «У Росси», он поведал мне об этом с помощью тех обломков русского языка, которые ему удалось сохранить в памяти, а мой теперешний навязчивый собеседник, очевидно, был тому посторонним свидетелем.

— Должен вас огорчить, — начал я, но в это время в бар вошел китаец в серо-синем комбинезоне компании «Эйр Америка» и, не глядя на меня, сказал по-английски:

— Джо, самолет через двадцать семь минут.

Джо молча достал бумажник с монограммой и извлек из него визитную карточку и тысячекиповую кредитку. Карточку он положил передо мной, деньги — под недопитую бутылку пива «Клостер».

— До скорого, — сказал китаец за двоих, и они исчезли. На визитной карточке я прочел: Жозеф де Биннель, маркиз, менеджер отделения «Америкэн транспак лао», Нонгкай. И телефон. Бывший танкист, как видно, занимался теперь прибыльным, хотя и весьма сомнительным, с точки зрения закона, бизнесом — частными американскими перевозками между Лаосом и Таиландом через Меконг.

Второй раз судьба столкнула меня с маркизом в начале августа 1968 года в небольшом кафе на площади Нам Кын. Из переулка на большой скорости вылетел серый «лендровер» и, громко гудя, принялся кружить вокруг фонтана в центре площади. На борту машины красовался белый круг с двумя намалеванными в центре черными ступнями. Краска на этом знаке алжирских репатриантов — как правило, бывших оасовцев, называвших себя «черные ноги», что должно было означать их единоличное право на африканскую землю, — была настолько свежей, что буквально вывалившийся из автомобиля де Биннель испачкал в ней свои шорты.

— Амнистия, друзья, амнистия, — бормотал он. — Бармен, повторить всем за мой счет. Я прошу вас, друзья! — Видно было, что маркиз уже здорово навеселе.

В кафе сидели несколько лаосцев и вьетнамцев, отдыхавших после дневного мотания по базару на жаре, и двое французов, вероятно преподаватели местного лицея, которые тотчас расплатились и вышли. Оставив кофе недопитым, встал из-за столика и я, ибо отнюдь не горел желанием наблюдать, как гулял на радостях получивший известие об амнистии оасовец. Маркиз Жозеф де Биннель показался мне тогда жалким осколком разгромленной и рассеянной фашистской организации, которая уже никогда не возродится вновь. Впрочем, позднее, просматривая западные газеты и журналы, я убедился, что ошибался...

СТРОГО МЕЖДУ ДЖЕНТЛЬМЕНАМИ

Покончив с делами в «Америкэн транспак лао», де Биннель вылетел в Бангкок, впервые за много лет предъявив свой паспорт иммиграционным властям с чувством спокойного равнодушия. В бангкокском аэропорту он заплатил двадцать бат за проезд в город на автобусе, но не поехал на нем, а, держа розовый билет в руке, миновал вестибюль, где толпились американские офицеры и солдаты, и вышел на площадь.

— Хотите, я отвезу вас за этот билетик в своем такси, мистер? — спросил вынырнувший откуда-то таиландец в клеенчатой кепочке — у европейца в тропиках от такого головного убора давно выпали бы все волосы. Он подхватил чемодан де Биннеля и сунул его в старый «опель».

На шоссе в Бангкок была настоящая давка, и маркизу казалось, что хобот зенитной пушки, которую тянул впереди на прицепе военный грузовик, выдавит ветровое стекло при малейшей оплошности водителя.

— Я доставлю вас в отель «Пичбури» в квартале Сомпрасонг, — не поворачивая головы, сказал таксист. — Шесть долларов номер, включая душ и кондиционер. Есть плавательный бассейн. Не люкс, конечно, но там вы будете вдали от любопытных глаз. Мистер Уэкс просил также передать, что он сам найдет вас там.

— У меня мало времени. Послезавтра я должен лететь в Дели, — проворчал де Биннель, не очень-то довольный отелем. Американцы могли бы устроить его и в «Ориентале».

— Он ничего не сказал об этом, мистер, — отрезал водитель.

Через два часа коридорный без стука открыл дверь номера де Биннеля и впустил розового седовласого старца, настолько свежего и холеного, что можно было подумать, будто дело происходит не в тропиках, а на Лазурном побережье. Бриллиантовая булавка в его галстуке была велика ровно настолько, чтобы не казаться фальшивой. Де Биннель поднялся навстречу гостю.

— Кам, — повелительно бросил старец коридорному, — пошли-ка кого-нибудь за прохладительным, а потом покарауль у дверей, сынок. Ведь нам есть о чем поговорить, маркиз? — отнюдь не вопросительным тоном произнес он.

Де Биннель уже привык к отсутствию приветствий в языке деловых людей Америки.

— Прошу вас, мистер Уэкс, — более почтительно, чем хотелось бы, сказал он. Ему, выступавшему сейчас в качестве полномочного представителя шефа ОАС, не приличествовал прежний тон человека, находящегося у американцев на жалованье. И де Биннель уже официальным тоном добавил: — Мой патрон уполномочил меня установить с вашей организацией официальный контакт...

— Мы называем ее «делом», маркиз. «Коза ностра» — «Наше дело».

Уэкс уселся в кресло, небрежно разместив огромные ступни на спинке кровати.

Де Биннель оставил реплику без внимания.

— ...В настоящее время перед всеми, кто отдает себе отчет в необходимости обеспечить должный порядок в мире, в котором достаточно уже похозяйничали либералы и красные, стоит одна главная задача. Патрон имеет в виду объединение всех зарубежных единомышленников с нами...

— С вами? Не слишком ли вы для этого мелкие пайщики?

— Вы по-американски ограниченны, мистер Уэкс,— сорвался маркиз. Роль политического эмиссара была для него еще слишком непривычной. — Это происходит оттого, что для вас все начинается и кончается деньгами. А между тем власть в чистом виде — это и нужная и прибыльная вещь. Ваша «Коза ностра» при ежегодном доходе в 40 миллиардов долларов одна могла бы финансировать всю войну США в Индокитае. Хотя бы чтобы иметь полную свободу в этих краях. Я ведь занимался транспортировкой вашей «травки» из Лаоса и отлично знаю, что только марихуана дает вам миллионы и миллионы. Конечно, это ваше дело...

Вошел Кам.

— Напитки, сэр, — предупредил он.

Пока слуга расставлял стаканы и бутылки на столике, Уэкс ханжески бубнил:

— Как вы знаете, маркиз, после эры созвездия Рыб, которая была эрой Христа, сейчас, в конце второго тысячелетия, мир вступает в эру созвездия Водолея, и это порождает толпы страждущих, которые хотят утешиться иными ароматами, той же «травкой». Как мы можем не внять их жажде?

Кам отконвоировал боя с пустым подносом за дверь.

— Прекрасное и поэтическое объяснение, — су-

хо заметил де Биннель. Он снова взял себя в руки. — Однако поступки ваших людей не всегда столь же бескорыстны и прекрасны. Но это деталь. Главное в другом. Вы не хотите, чтобы Америка стала красной. Мы в Европе тоже этого не хотим. Значит, союз и взаимная помощь.

— Подумать только, как вы заговорили, де Биннель! — Уэкс встал и промерил циркулем длинных ног комнатушку. — А ведь все эти годы прикидывались тихоней. Впрочем, мы располагаем кое-какими сведениями о вашем движении. Иначе меня бы здесь не было. Надеюсь, ваш нынешний патрон Жан-Жак Сюзини писал вам из своей берлоги в Марселе об ограблении в Париже одной скромной квартиры на улице Круаде-Пти-шан или книжного магазина на улице Вожирар и издательства «Эвр франсэз»? По этим невинным адресам вы взяли пустячок. Всего лишь картотеки с несколькими тысячами адресов ваших будущих солдат...

Маркиз вздрогнул: речь шла о тайная тайных — о картотеках членов бывших и существующих правых организаций во Франции.

«ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ»

Операции, о которых упомянул Уэкс, проводила одна и та же группа «интеллектуалов» из бывших офицеров и студентов. Жан-Жак Сюзини специально приезжал из Марселя в Париж и инструктировал каждого из них поодиночке. В маленькой квартирке на улице Сены его адъютант Жюль — Зубочистка, когда-то сержант Иностранного легиона, прошедший, кроме Алжира, еще и Конго, Анголу и Биафру, вводил «интеллектуалов» по одному в ванную комнату — возможность подслушивания там сводилась до минимума.

— Картотеки, за которыми я вас посылаю, — говорил каждому патрон, — это имена и адреса людей, которые были рассеяны обстоятельствами в последние десять лет. Это наши единомышленники, как бы они ни звались раньше. Мы найдем их, значит они найдут нас. Вместо батальона у нас будет армия.

Один из «интеллектуалов», бывший лейтенант парашютистов, более привычный к языку приказов, чем политических речей, спросил напрямую:

— Не проще ли будет, мой патрон, просто договориться с их шефами?

Сюзини дернул желваками на скулах:

— Я пытался. Но эти плешивые павианы юлят и торгуются. Они просто постарели раньше времени. А картотеки откроют нам путь напрямую к их людям. Из них, если понадобится, мы вырастим новых шефов...

Штаб-квартиру организации «Французское действие» на Круаде-Пти-шан брали под утро, за полтора часа до рассвета, когда полицейские патрули возвращаются в свои части. Жюль подъехал на полицейской машине к дому, у которого с вечера дежурил Черный Пьер.

— Ничего подозрительного, — доложил тот.

Жюль взял с собой четверых и поднялся наверх. Пожевывая зубочистку, он приказал им оставаться у дверей и при первом же подозрительном шуме взломать их, ворваться внутрь и не оставлять там ничего живого. Через двадцать минут он вышел и снял засаду. Обратно они ехали, поджав ноги, так как между сиденьями лежали длинные металлические ящики.

На улице Вожирар в книжном магазине «Амитье» повторилось то же самое. Только на этот раз ездили, переодевшись в армейские мундиры. Когда из-за витрины передавались ящики, откуда-то со второго этажа появился не в меру запальчивый тип в халате, из-под которого торчал ствол штурмового автомата «сюзи». Стоявший на лестнице часовой сразу же двинул типу под солнечное сплетение, а потом спустил его по перилам вниз, как на ленте транспортера. Поясным шнуром от его же халата скандалисту связали запястья. Черный Пьер отлил из флакона на тряпку хлороформа и дал подышать ему, пока он не перестал сучить ногами.

Издательства «Клан» и «Эвр франсэз» были вообще обчищены без вооруженной подстраховки. Все добытые ящики тут же отвезли в Марсель к Сюзини под усиленной охраной.

Так оказалась собранной картотека участников почти всех правых организаций во Франции. Причем в Париже были приняты меры, чтобы заткнуть рот тем, у кого изъяли картотеки. Все осталось, так сказать, «в кругу семьи». Просто на смену старым командирам пришли новые. И вот, оказывается, американцы пронюхали и о картотеках, и о том, откуда их позаимствовали...

— Ладно, де Биннель, — прервал затянувшееся молчание Уэкс. — Нам нечего прощупывать друг друга. Будем считать, что мы провели взаимную информацию о своих проблемах. А теперь поехали в «Хуа хин», промочим глотки.

ВИЗИТ ДОБРОЙ ВОЛИ

Сидя в «Боинге» авиалинии Бангкок — Дели, де Биннель то и дело впадал в полузабытье, словно видел сны наяву. Перебрав на взморье с Уэксом и его компанией, он, кажется, глупо вел себя. Куда девалась былая выдержка! Да, после семи лет изгнания нервы уже не те. Память навязчиво прокручивала перед глазами отвратительный фильм о финале попойки. Де Биннель, не помня себя от обиды, орал Уэксу, что они еще утрут нос «Коза ностре». Опыт уже есть! Разве не концерн «Пермидэкс», дававший деньги террористам ОАС во Франции, вел дела и с Клеем Шоу, который приложил руку к убийству Джона Кеннеди?! Назад, в отель «Пичбури», его везли закатанным в ковер, и сегодня утром коридорный Кам, едва де Биннель открыл глаза, предупредил, что следующий приступ болтливости, подобный вчерашнему, может весьма печальным образом отразиться на его здоровье...

В делийском аэропорту Палам, расталкивая попрошаек с непривычно огромными после Индокитая глазами и с трудом превозмогая головную боль и тошноту, он разыскал такси — старый «меркурий» с подвязанным оранжевой изоляционной лентой крылом.

— Отель «Амбассадор», — по-английски бросил он водителю и всю дорогу до города с тоской подсчитывал часы, которые ему оставалось провести в Азии. Жозеф де Биннель с огромным удовольствием, не выходя из аэропорта, пересел бы на парижский самолет. Но инструкция патрона была категорической — лететь только через Индию и встретиться в Дели с главой бомбейских эсэсовцев Балом Тхакре.

«Амбассадор» с первого же взгляда безошибочно можно было назвать типично британским отелем. Пока такси огибало запущенную клумбу перед входом, де Биннель с отвращением думал о сырых овощах, которые ему будут подавать в огромных количествах в качестве закусок на английский манер, о чае вместо кофе и испанских винах в баре.

— С вас десять рупий, господин, — почтительно сказал сикх, распахивая дверцу такси. Раздражение настолько овладело де Биннелем, что он забыл про отзыв на пароль.

— С чего ты взял, кретин, если на твоем ржавом счетчике набило только пять?! — заорал де Биннель. Выскочившие из отеля двое слуг затоптались перед ним в нерешительности. Прямо над их головами, прибитая к стволу какого-то субтропического лопуха, красовалась надпись: «Чаевых просим не давать».

— Можете мне ничего не платить, — прошипел сикх приглушенным голосом. — Но вы что, не понимаете по-английски? С вас десять рупий, десять рупий, вы поняли?

Жозеф де Биннель до сих пор был словно закатан в ковер. И только тут в мозгу мелькнуло наконец, что ему называют вторую часть пароля, переданного Камом. «О господи, — подумал он. — О господи, какой я идиот».

— Извините меня, — пробормотал де Биннель. «Еще, чего доброго, — подумал он, — этот бородатый болван в чалме придушит меня какой-нибудь шелковой удавкой или напустит гадюк в постель». — Я не совсем хорошо себя чувствую... Конечно, конечно, десять рупий.

В глазах сикха он прочел презрение. Кажется, дипломатическая миссия, порученная Жан-Жаком, выполнялась не очень блестяще. Де Биннель опять вспомнил одно из выражений патрона: «Мы все немножко опустились в изгнании. Необходимо как можно быстрее снова войти в форму».

Когда Жозеф де Биннель открыл глаза после нескольких часов сна, вернувших ему способность соображать, в кресле, подмяв под себя его брюки и сорочку, сидел индиец с густой гладко прилизанной шевелюрой и печальными глазами за толстыми стеклами очков. Ошибиться было невозможно. Перед де Биннелем, очень похожий на свои фотографии в печати, сидел, несомненно, фюрер индийских эсэсовцев, напоминающий скорее университетского ученого-затворника, чем главаря фашистов.

— Мистер Тхакре? — спросил де Биннель.

— Он самый, — ответил индиец и показал в улыбке безупречные зубы. Он отложил в сторону кипу газет, которую просматривал. — Надеюсь, вы не обиделись, что я сидел здесь, пока вы спали. В той комнате мои люди, и, мне кажется, мы можем сразу перейти к делу...

— Но мои брюки и рубашка, — невольно вырвалось у де Биннеля.

— О, простите, я не заметил... Пожалуйста, не стесняйтесь и одевайтесь при мне.

Пришлось последовать совету.

— Я говорю с вами от имени нашего шефа и теоретика Жан-Жака Сюзини, вокруг которого сейчас объединяются люди, ранее других увидевшие грозящий и Европе, и другим континентам политический кризис, — сказал де Биннель, застегивая «молнию» на брюках. — Мы намерены собрать под общим знаменем политических единомышленников по всему миру... У вас, мистер Тхакре, насколько нам известно, около полутора миллионов приверженцев. Нас весьма интересует, насколько управляема вами эта сила? Я имею в виду средства и систему пропаганды...

Тхакре едва заметно улыбнулся:

— Вы знаете, я профессиональный журналист и поэтому начал с издания еженедельника «Марник». Помните геббельсовскую пропаганду? О ней прекрасно пишет американский профессор Доуб. Он открыл в ней девятнадцать главных принципов. Особенно меня поразил один, который можно сформулировать примерно так: «Необходимо выделять объекты для ненависти». Оставалось только найти этот объект. Для меня здесь, в Индии, это был коммунизм и всякого рода профсоюзы... Мы не стесняемся называть себя СС, хотя официально пока именуемся армией Шив Сена. Актив наш вы знаете. Многие крупные промышленники финансируют нас, во-первых, чтобы не ссориться с нами, а во-вторых, и это главное, потому, что они понимают: Шив Сена их действительно надежный оплот...

Бал Тхакре налил в стакан воды из графина, стоявшего на ночном столике, прополоскал горло и, подойдя к окну, выплюнул воду. Де Биннель с невольным отвращением вспомнил, как Тхакре сидел на его сорочке, и поежился.

— Сейчас мы собираемся постепенно отойти от чистого национализма, который обеспечил нам успех на юге, — раздалось от окна. — Индия — это ведь далеко не один только юг... Так что наиболее реальный путь — это не просто подчинение толпы, а постоянные пропагандистские и денежные инъекции тем, кто со временем вернет наши деньги...

Де Биннель смотрел на длинную худую спину индийского мини-Гитлера, позвонки которой проступали сквозь тонкую ткань пиджака. Отклеившийся хохол шевелюры колыхался в такт мягко звучавшим английским словам.

Они расстались, договорившись поддерживать прямую связь и обмениваться информацией.

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

На аэродроме в Орли Франция показалась де Биннелю слишком американизированной, хотя в общем-то американцев стало явно куда меньше, чем восемь лет назад. Зато так приятно было вновь услышать «мой капитан» от встретившего его Жюля Катало, которого он помнил еще сержантом в «Дельте».

Они ехали по отличному шоссе в новеньком лимузине «ситроен-спесиаль», и Жюль, пожевывая углом рта зубочистку, выкладывал новости одна другой хуже.

— Ребят накрыли на квартире у Скелета, у Жака Лафая, — рассказывал он де Биннелю. — Кроме самого шефа, из руководства взяли еще Жиля Бюссиа. Потом еще четырнадцати ребятам пришлось прокатиться на казенный счет на улицу Гувион-Сен-Сир[1]. Скелет-Лафай и там выкинул номер. Вечером, когда его привели на допрос на второй этаж, он головой вышиб оконное стекло и удачно спрыгнул вниз. Черт дернул очутиться в это время и на этом месте патруль, иначе только бы его и видели. А началось все, когда никто этого не ждал. После амнистии шеф приказал провести несколько налетов — нужны были деньги. Пришлось плюнуть на закон. Каким-то образом полиции удалось напасть на след...

...Когда они подходили к кафе в Энгиене, где был назначен сбор, Черный Пьер вдруг дернулся к Жюлю:

— Засада, Зубочистка! Вон с тем любителем пива я уже встречался однажды на Гувион-Сен-Сир.

[1] На улице Гувион-Сен-Сир в Париже находится французское министерство внутренних дел

— А, дьявол! — громко выругался Жюль, чтобы его услышали на террасе кафе. — Я ведь забыл сказать Анри, чтобы он подогнал машину сюда.

Он повернул и направился назад в сторону переулка, рассчитывая подойти к углу одновременно с какой-то старушкой, прогуливавшей кошку на бельевой веревке. За спиной дробно застучали каблуки. Жюль весь подобрался. Поравнявшись со старухой, он рывком закрылся ею, выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил в сторону кафе. Старуху он намертво схватил за тонкий, как запястье у ребенка, локоть.

Черного Пьера уложили сразу. Он так и ткнулся губастой физиономией в асфальт, нелепо задрав полу пиджака рукой, которой пытался достать пистолет. Жюль пятился, прикрываясь старухой, ведя огонь и одновременно наблюдая за свалкой внутри кафе. Когда двое ажанов из оцепления выскочили на него сбоку, Жюль швырнул им под ноги старую каргу, которая продолжала тащить за собой орущую кошку, и бросился вперед.

Он перепрыгнул через какой-то забор, ввалился в ящик с отбросами, выпутался из гнилого тряпья и пробежал под аркой. Перед ним лежало шоссе на Париж. Он мчался по обочине, пока не натолкнулся на такси.

В город Жюль приехал на метро. С улицы Сены он дал сигнал вызова в Марсель по условленному телефону. Через полчаса позвонил Сюзини. Он не поверил, что Черный Пьер убит.

— Успокойся, Жюль, — сказал патрон. — Это его проверенный трюк. Он уже однажды валялся подобным образом в горах Кабилии, выжидая момент, когда арабы перестанут обращать на него внимание. Под утро он явится...

Патрон помолчал несколько минут. Жюль терпеливо ждал.

— Засада на вас меня утешает, — наконец снова услышал он голос Сюзини. — Это значит, что они не знали, где вас искать по квартирам. Операция «Велюр», как они называют охоту за нами, видимо, выдыхается. Мне говорили, что капитан Лефевр, начальник той группы, которая гоняется за тобой, в последние дни вообще не спал. А толку пока чуть. Так что не хорони себя раньше времени...

Если патрон шутил, это означало его расположение.

— Благодарю вас, патрон, — сказал Жюль в трубку.

— Ладно, ладно, Жюль... Вся работа еще впереди. В Париже. Завтра повторяем связь в полдень.

Утром действительно заявился Черный Пьер. Ему удалось в суматохе отползти в какой-то подвал, где он и отлежался до темноты.

В полдень звонка от патрона не последовало. К вечеру пришла телеграмма от его жены. Шифрованный текст сообщал об аресте Жан-Жака Сюзини марсельской бригадой по борьбе с гангстерами...

— А как взяли патрона? — спросил де Биннель. Он просто отказывался понять, как полиция смогла докопаться до их столь тщательно законспирированной организации, не один год действующей по классическому принципу всех коммандос: подготовка, нападение, отход. И все в сугубом секрете. Газеты после каждого налета писали о суперпрофессионалах, об их детально отработанных приемах и системе, исключающих всякий риск. А между тем потерян склад полицейских мундиров, автоматов, револьверов, флаконов с хлороформом и фальшивых бород. И самое страшное — парализован «мозг» организации, арестован Жан-Жак Сюзини.

— Как выяснилось потом, один из парней, захваченных в Марселе, — продолжил свое невеселое повествование Жюль, — проболтался, что вся добыча из банков, сберкасс и почтовых отделений переводилась Сюзини. Кроме того, полиция знала, что именно Жан-Жак командовал всеми арестованными, когда те были под его началом в «Дельте». Словом, прямых улик нет. Официальное обвинение, предъявленное патрону, — соучастие в квалифицированных кражах. Он в тюрьме «Бомет» и держится хорошо. Красные хотели бы, конечно, придать всему делу политическую окраску, чтобы начать охоту за нами теперь, после амнистии. Они утверждают, что речь идет не просто о кражах, а о фашистском заговоре. Но патрон так и заявил следователю, что обвинения против него подстроены и что с несколькими миллионами все равно никакого движения не создать, даже если предположить, что он по-прежнему имел отношение к ребятам из бывшей «Дельты»...

— В общем-то это правда, Жюль, — вздохнул де Биннель. — Жан-Жак не раз говорил при мне, что нужно иметь сто миллионов для того, чтобы организовать политическое движение, и один миллиард, чтобы выпускать газету...

— Да, жаль патрона, мой капитан. — За окнами автомобиля замелькали предместья. — Я был последний, кто имел связь с патроном после ареста. Он сказал, мой капитан, чтобы я передал все его дела вам. Там есть и переписка патрона с некоторыми из парижских писак. Перед самым арестом он оплатил также выпуск объявлений и листовок о созыве в «Мютюалите» митинга наших шведских, греческих, испанских, португальских и немецких единомышленников.

Квартира для де Биннеля была приготовлена на улице Сены. То, что напротив находилась картинная галерея, после индокитайского заточения показалось ему почти чудом.

— Мы взяли оттуда полотен на целых сорок восемь миллионов старых франков, — сообщил Жюль, перехватив его взгляд.

В тот же вечер новый адъютант обеспечил де Биннелю связь с руководителями «Нового порядка», группы «Юнион-Друа» и бывшими участниками союзов «Молодая нация» и «Запад». У маркиза вовсе не создалось впечатление, что арест Сюзини деморализовал их. Босс «Нового порядка» Гальвер сообщил о разрешении на проведение в зале «Мютюалите» митинга «объединения единомышленников», которого он по распоряжению Сюзини добился в муниципалитете Парижа.

Маркиз на всякий случай сдержанно поблагодарил его.

— Я настаиваю также, — заявил он Гальверу, — на том, чтобы объявить в «Мютюалите» тринадцатое мая нашим праздником. Тогда наше движение сразу приобретет совершенно четкий характер преемника целей, поставленных еще ОАС.

— Мы уже договорились об этом с Сюзини. — В голосе Гальвера послышалось раздражение. — Более того, я выделил триста своих ребят под начало вашего Жюля для несения охраны. А вы пока что даете не очень-то большие деньги и командуете, командуете... Нам же нужны сотни миллионов и идеи, планы, которые бы вывели нас на настоящее поле битвы.

— Все в свое время, — поспешил замять недоразумение де Биннель. — Как раз это-то я и хочу изложить вам и нашим друзьям на совещании во время митинга. Правда, пока это придется сделать не в зале, а за кулисами.

Мы снова собрались на квартире Паустовского. В шкафу под стеклом знакомый свежевыкрашенный бриг с расправленными для полета парусами.

Знакомые фотографии мачтовых кораблей, но уже однотрубных.

Знакомый портрет Гарибальди.

В раме окна розовая полоска заката, обещающая на завтра солнечный, ветреный день.

И книги, книги...

Паустовский спросил как бы себя: «Ну, чему и как я вас буду учить?»

И на этот раз, подумали мы, он скажет, как уже не раз нам говорил: «Я вообще опасаюсь давать советы».

Закурив, он придвинул к себе чистый лист бумаги и машинально — это он всегда делал на семинаре — карандашом прочертил линию, разделив лист на две части. На одной половине листа, знали мы, он записывал то, что одобрял, на другой — то, в чем нам вместе нужно было еще разобраться.

Он курил, морщась, словно рылся в памяти, будто листал книгу, твердо помня, что именно в этой книге и есть нужная страница.

Вдруг погасил папиросу, лицо у него посветлело, разгладилось, видно, набрел на нужное место.

Сказал:

— К Огюсту Ренуару зашел мсье Дюран, торговец картинами. Мсье Дюран был другом художников, а не просто торговцем, извлекающим прибыль. Мсье Дюрана интересовало все, что было связано с живописью.

Он скаазл Ренуару: «Я только что с выставки картин Ван-Гога. И знаете, что меня поразило... Всегда поражает. Художники, можно сказать... всех эпох и самых крайних направлений, несмотря на различия, непохожесть... все они клянутся в верности Природе. Зовут учиться у Природы. Постигать законы Природы. А вы, мэтр?»

Ренуар ответил: «Да. И я не исключение. На днях, — сказал Ренуар, — собрату по ремеслу я изложил свое кредо. «Вот колонна, — заметил я. — Если вы ее напишете, выверив все по циркулю, она будет выглядеть безжизненной. Сделайте опыт: нагребите охапку листьев с одного дерева и разглядите. И ни один лист, обнаружите вы, не будет копией

Рисунок В. КОЛОТОЗОВА

ЛЕВ КРИВЕНКО

УРОКИ РЕНУАРА

другого. Заметьте, не будет копией, несмотря на схожесть. Чем мы дальше от объекта изображения, тем схожесть увеличивается; чем ближе, тем разительней различия. Как все это совместить в самом объекте, а?».

Я, мсье Дюран, пишу листья. Вы знаете, что он мне ответил, ответил с вызовом: «А я пишу не листья, а зелень». Тогда я рассердился и сказал ему: «Извините, дорогой, вот именно потому, что вы не пишете листья, то, прошу прощения, у вас получается не трава, а размазанная краска, — вы не пишете, вы не думаете руками, вы просто выдавливаете из тюбика краску». — «Значит, я маляр!» — закричал он. «Это говорите вы, а не я», — сказал я.

Дюран засмеялся.

Тут вошла экономка и сказала, что какой-то молодой человек требует, чтобы его пропустили к господину Ренуару по срочному делу.

«Требует! — вскипел Ренуар. — Я же сказал вам, Мадлен... Меня нет дома. Нету. Ни для кого».

«Но, мсье, он так просительно требовал, что...»

«Ох уж эти женщины! — проворчал Ренуар. — У него черные глаза, светлая бородка, статный такой, подвижный как ртуть».

«Вы его знаете, мсье?» — удивилась Мадлен.

«Ладно, пригласите».

И действительно, вошел человек с бородкой и черными живыми глазами. Он подбежал к Ренуару и начал извиняться за вторжение и что...

Ренуар перебил его: «Говорите о цели».

«Я хочу быть вашим учеником», — сказал он Ренуару.

Ренуар растерянно взглянул на Дюрана, как бы ожидая от него помощи и поддержки. Но «папаша Дюран» — так звали его художники — сам любил внезапные наскоки. Он изобразил на лице гримасу человека, ничем в жизни не заинтересованного. Это всегда заставляло клиентов набавлять цену.

Тогда Ренуар сослался на загруженность. За ним уже столько заказов, как долговых обязательств.

«А заказчики, — сказал Ренуар, — это знаете что за люди? Они лишают нас чувства времени, напоминая то и дело о сроках... Не связывайтесь никогда с заказчиками. Это...»

«Я хочу быть вашим учеником!»

Тогда Ренуар сослался на старость и что, если бы можно было хотя бы лет десять сбросить, тогда, конечно, но... Ренуар вздохнул и пожал плечами.

«Увы», — сказал он.

Старость — это был не довод для молодого художника и недостаточный повод для того, чтобы быть так просто отвергнутым. Молодой художник, слыша только самого себя, бессвязно твердил: «Я хочу быть вашим учеником. Я хочу быть вашим учеником. Я хочу...» — «Ну, хорошо, — сдался Ренуар. — Вот возьмите яблоко... Из вазы. Не это, а вот рядом, свежее, еще с черенком и завядшим листком. И напишите. Посмотрим, что у вас выйдет».

Дюран, когда за художником закрылась дверь, сказал со смехом Ренуару: «Дорогой мэтр, вы нашли легкий способ отделаться... Почему же вы не попытались внушить молодому художнику свои принципы, о которых столь красноречиво рассказывали мне? Я ждал первого урока».

Ренуар отмахнулся и пробормотал: «Знаете... Принципы, принципы... Я знал многих людей, испортивших жизнь себе и своим близким. Принципы, принципы... Я знал многих, кто, заглянув от нечего делать в Лувр, выходил из музея, решив стать художником. Видите, как само же искусство порождает людей, убивающих искусство? А вы о принципах толкуете».

Ренуар добавил: «А руки у него, видно, неглупые».

Паустовский смахнул пепел с папиросы и, прикурив, затянулся дымом. Наконец сказал:

— И что же... На второй день появился художник с картиной.

Мы засмеялись, отдавая дань уважения напору молодости, а вместе с ней и самим себе.

— Ренуар ощупал картину глазами. Сказал: «Понимаете, что-то не то. Чего-то не хватает. Может быть, воздуха? Света? Что это яблоко — это видно. Попробуйте еще. Вот здесь не то, тут не то... Попробуйте».

...Целый год прошел, прежде чем художник напомнил о себе новой картиной. Ренуар, разглядывая картину, оживился и сказал: «Лучше. Теперь это не вывеска для лавки зеленщика, а картина. Чего-то чуть-чуть не хватает. Яблоко есть, среда есть. Может быть, все дело в этом? — Ренуар дотронулся до пожухлого листка на черенке. — Еще бы чуть-чуть — и было бы уже не яблоко. Яблоко бы исчезло. Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как ослепляюще контрастирует жизнь в соседстве с увяданием?»

Художник молчал.

«Попробуйте еще».

— Неудачи художника не обескураживали, потому что благодаря им он открывал в самом себе и вокруг новые возможности, которые искали своего не только выражения, но и применения. Неудачи, казалось художнику, это просто сопротивление материала. Потом он увидел: вдохнуть в этот инертный материал жизнь можно было, только подчинив его себе, пересоздавая в это же самое время и самого себя.

Художник бился над этим «чуть-чуть» несколько лет.

Когда он внес новое полотно к Ренуару, то Ренуар, взглянув на картину, застыл, как от удара электрического разряда. Лицо у него вытянулось. Вдруг он весь расцвел и воскликнул:

«Вот это... Мой дорогой собрат... Это можно выставить в Салоне. — И удивился: — Как это вам удалось? Как это вам удалось?»

— Итак, — сказал Паустовский, подвигая к себе расчерченный на две половинки чистый лист бумаги. — Начнем работу. Кто у нас сегодня читает?

Староста семинара назвала Н...

— Расскажите что-нибудь о себе, — попросил Паустовский.

Пятница, 22 сентября 1967 года. Я сделал прощальный взмах рукой проводникам-индейцам. Теперь все, начинается мое приключение Отныне я могу рассчитывать только на самого себя, мне неоткуда ждать помощи, нет никакой связи с остальным миром. Ситуация такова: мне надлежит пройти сорок километров пешком, двести — проплыть по реке; у меня десятидневный запас продуктов и никакого охотничьего оружия. Поскольку время работает против меня, я должен действовать очень быстро, иначе...

Как я смог убедиться вчера, тропу отчетливо видно — это длинный коридор, который вьется сквозь чащу, длинная ковровая дорожка из притоптанных листьев и обозначенная на высоте примерно двадцати сантиметров от земли, иногда чуть выше, надломленными веточками. Лианы по сторонам принимают самые причудливые формы, свисая нитями с двадцатиметровой высоты. Сквозь давящий свод кроны едва проглядывают клочки голубого неба. В джунглях постоянно пахнет гнилью, одни стволы валяются на земле, другие висят на пружинящих лианах, иногда они неожиданно с громоподобным шумом обрушиваются. Значит, сырость и термиты сделали свое дело. Тонны древесины придавливают кусты, а серые пауки ткут между деревьями холсты огромных паутин, напоминающие гигантские картины абстракционистов.

Первые минуты пути я крайне осторожен, стараюсь найти наиболее удобный ритм ходьбы. Совсем скоро замечаю, что чувствую себя легко, несмотря на груз за плечами, и быстро, почти бегом продвигаюсь вперед. Я не отрываю глаз от земли, пытаясь уже метрах в пяти впереди заметить препятствия — крупные корни, ямы, и, конечно, ищу оставленные индейцами следы. Я чувствую себя все более возбужденным, все более в форме — я бегу. В конце концов почему не воспользоваться тем, что тропа в хорошем состоянии? Изредка дорогу преграждает упавшее дерево; я пружинисто перепрыгиваю через него. Никогда не думал, что смогу идти так быстро.

Вскоре впереди вижу небольшой прудик, без сомнения, это исток реки Уаки: через него, явно руками человека, переброшен трехметровый ствол, на вид очень хрупкий и, очевидно, совсем прогнивший. Все-

РИШАР ШАПЕЛЬ

Я ПЕРЕЖИЛ АД РАЙМОНА МОФРЭ

таки я предпочитаю рискнуть и пройти по нему — если переходить вброд, нужно снимать кеды, брюки, а затем вновь их надевать — короче, терять драгоценное время. Пробую ствол ногой, ступаю на него, он предательски потрескивает, но держится... Вперед!

Перейдя, я сверяю по компасу направление — все в порядке, я иду на юго-восток.

По положению солнца, едва проглядывающего сквозь листву, должно быть около восьми часов. Я бегу уже полтора часа; для меня, несомненно, рекорд. Но ноги уже начинает ломить, дыхание сби-

---

Окончание. В первой части (см. «Вокруг света» № 1 за 1971 г.) автор рассказывал о начале своего путешествия по малоисследованным районам Гвианы. Двадцать лет назад здесь, на границе с Бразильской Амазонией, погиб, заблудившись в джунглях, путешественник Раймон Мофрэ. Шапель решил повторить его путь в тех же условиях. До расчетной точки — тропы, известной под названием «Дорога эмерийонов», — он шел в сопровождении проводников Дальше ему предстояло двигаться в одиночку.

вается — пора передохнуть. Кстати, я выхожу на небольшую полянку, где высятся два почти развалившихся карбэ [1].

Сижу на листьях, обливаясь пóтом: рубашка и брюки промокли насквозь. В лесу как-то странно пусто, тишину едва нарушает птичий щебет. Огромные бабочки морфо купаются в солнечных лучах, широкие их крылья отливают серебристо-голубым цветом. Какое изящество, легкость среди этого сурового мира!

Сколько же я прошел? Наверное, не меньше шести километров.

Пятнадцать минут отдыха, не больше. Так хочется посидеть еще немножко, хотя бы минут пять. Неодолимая лень охватывает меня. Но я знаю: это одна из ловушек джунглей! Они так приветливы, так умело прячут свои угрозы, располагают к покою, отдыху... Я вскакиваю.

Поначалу мне трудно снова войти в ритм. Я тяжело дышу, в ногах ломота. Затем мало-помалу машина налаживается, и я иду все быстрее и быстрее. Я ничего не чувствую, по крайней мере пытаюсь убедить себя: мне легко. И действительно, вскоре я опять вхожу в раж и бегу со своим грузом в 25 килограммов.

Бегу, как будто хочу убежать от смерти. Пытаюсь даже насвистывать, однако очень скоро замечаю, что от этого мне труднее дышать.

Тропа теперь взбирается по склону холма; неровность вынуждает меня идти медленнее. Уф, наконец-то вершина! Спускаюсь. Новый холм. Идти тяжело, я чувствую, как с каждым шагом слабею. На вершине второго холма вынужден передохнуть. И опять в дорогу.

Внезапно я замираю как вкопанный, схватившись за рукоятку мачете; я готов бросить рюкзак и припустить назад: шелестя листьями, по дороге скользит двухметровая змея с черными ромбами на желтой коже. В Гвиане этих змей называют «квадратными». Укус их смертелен. Я с ужасом думаю, что у меня нет с собой сыворотки против змеиных укусов. Такая сыворотка в виде готовой ампулы со шприцем изготовляется в Бразилии, но на один укус идет четыре ампулы. Змея тем временем, не удостаивая меня вниманием, переползает дорогу и исчезает в кустах. Какое счастье, что я ее заметил. Чаще всего происходит так — вы не замечаете змеи и наступаете на нее.

Я снова надеваю рюкзак и продолжаю путь, но через несколько минут дорога делится на три трассы. Куда двигаться? Спокойно, сейчас увидим. Снимаю рюкзак и начинаю искать надломанную «веточку-указатель». Ничего! Без сомнения, придется обследовать все три. Начинаю с левой, той, что ведет на восток. Через несколько шагов убеждаюсь, что она размечена совсем не так, как та, по которой я шел утром. Зарубка сделана гораздо выше, в основном на толстых ветвях — по тропе, несомненно, прошли недавно. Точно такие же отметки на средней тропе, а вот правая обозначена маленькими, согнутыми почти у самой земли веточками (это следы индейцев). По-видимому, это моя дорога, но меня беспокоит другое: тропу все труднее различать, «указатели» попадаются все реже.

Мороз пробегает у меня по спине. Может, я ошибся? Медленно иду вперед, разыскивая все менее заметные «указатели». Пройдя небольшой грязной долиной, замечаю, что тропа пропадает.

Лес становится все более негостеприимным: дорогу преграждают огромные стволы. Но зарубки мачете на стволах показывают, что я на правильном пути.

Останавливаюсь на привал. Нужно развести костер, после тяжелого дня необходимо поесть горячего. Для костра, понятное дело, нужны сухие дрова, а их не так-то просто найти в сырых гвианских джунглях. Наконец я собрал несколько подходящих поленьев и соорудил с помощью тонких веточек очаг в форме звезды. Ночь медленно опускается на джунгли, пока языки пламени пляшут под моим котелком...

Я старательно выскребываю дно котелка. До чего вкусна тушенка. Может, согреть еще одну порцию? Нет, надо думать и о завтрашнем дне. В утешение я с наслаждением, мелкими глотками, пью чай и выкуриваю сигарету. Наступила ночь, и мне очень хорошо. Возможно, разморила еда, но мне кажется, будто я дома, я уже не замечаю, что вокруг джунгли. Лес, правда, тут же дает о себе знать роем насекомых, которые яростно набрасываются на меня.

Впервые остаюсь один ночью в джунглях. Я часто представлял, что это будут тревожные из-за одиночества в глубине леса часы, но ничего этого нет, я ни о чем не беспокоюсь, меня охватывает сон, и веки тяжело смыкаются: я слишком устал в этот вечер, чтобы бояться.

Суббота, 23 сентября. Мой вчерашний энтузиазм, нервозность и волнение сменились реалистическим спокойствием: я уже «испробовал» на себе многие ловушки джунглей. Теперь важно только внимательно следить за тропой.

Увы, едва я покинул место ночлега, как начались неприятности: дорога раздваивается. Куда теперь дальше? «Все время иди направо», — говорил в деревне креол. Я сворачиваю на правую тропу. Почва болотистая, ноги вязнут, на кедах налипли комья грязи.

Тропа пересекает какую-то лужу. Ковер из листьев покрывает эту черную, вязкую землю, утыканную тонкими острыми корнями. Далее тропа поворачивает к востоку, извиваясь по склону холма. Бегу по ней и вдруг резко останавливаюсь. Тропа исчезла. Я быстро осматриваю все вокруг: никаких следов. Отхожу назад — нет следов. Это только кажется, что в джунглях полно тропок, ведь большинство проложено зверьми. Лихорадочно ищу тропу во всех направлениях. Дыхание становится тяжелым. Я заблудился.

Мечусь взад и вперед, проклиная себя за то, что так невнимательно следил за «указателями». По лицу стекает пот. Бреду вперед, охваченный нервной дрожью. Спотыкаюсь о корень и тяжело падаю на землю, поднимаюсь, опять иду. Упорно иду вперед.

Никаких признаков тропы. Меняю направление, но тропы по-прежнему нет. Джунгли здесь совершенно непролазные, мне приходится беспрестанно прорубать дорогу, беспорядочно направо и налево рублю невидимого врага. Я совсем обессилел и больше не могу идти, со стоном, как зверь, бросаюсь на землю и выпиваю остатки воды из фляги.

Прислушиваюсь: ветерок шелестит в ветвях, о чем-то болтают птицы, падают листья. Я прерывисто дышу, болит голова, глаза закрываются. Я больше ни о чем не думаю и хочу только одного — спать...

Когда я просыпаюсь, меня бьет дрожь. Начинаю осознавать страшную реальность: я один, заблудился, и, если буду сидеть сложа руки, меня ждет верная смерть. Сначала безумие, голод, а потом...

---

[1] Карбэ — навес, опирающийся на четыре столба; индейская хижина без стен. *(Прим. перев.)*

Вскакиваю, чтобы куда-нибудь бежать, но тут же понимаю, что уже натворил массу глупостей, шарахаясь во все стороны и не отмечая свой путь. Я злюсь на себя за то, что растерялся, вместо того чтобы сразу же методически искать тропу. Теперь уже поздно, я слишком удалился от дороги.

Мало-помалу ко мне возвращается спокойствие. Единственный шанс выжить — это точно соблюдать правила поведения в джунглях, которые я изучил. Первое — не поддаваться панике. Решаю пробраться к реке Малая Тамури. Это решение мне кажется наилучшим.

Начинаю разрубать хитросплетения лиан: как заведенный, машу мачете — направо, налево! — а растительность становится все гуще. Мачете я держу в правой руке, а левой отодвигаю разрубленные ветви; делаю шаг вперед, а упругая растительность цепляется за рюкзак. Я с трудом вырываюсь из объятий джунглей, но лес снова охватывает меня, не желая отпускать. Лианы и ветки сжимают меня своими цепкими лапами. Упавшие в чащобе деревья — а их все больше и больше — ужасно затрудняют продвижение. Приходится забираться на двух-трехметровую высоту, подтягиваясь на лианах. Я вспоминаю, как Тарзан в фильме легко порхает с дерева на дерево. Какая чепуха! Лианы часто обрываются или вдруг растягиваются, как резиновые. Часто приходится делать громадный крюк, рискуя каждую секунду окончательно сбиться с дороги. На сто метров пути я делаю по крайней мере четыреста метров обхода.

Подумать только, первый день я шел со скоростью, с какой ходят индейцы, и вот теперь из-за глупой промашки упустил время, мой рейд превратился в мучение.

Я больше не могу, мне надо лечь. Над головой вьются мухи с палец величиной. Начинаю искать подходящие деревья, чтобы повесить гамак. Свое ложе прилаживаю прямо над узким ручейком. Несколько минут отдыха...

Проснувшись, снова ищу дорогу. Мне больше нельзя допустить ни одной ошибки. Неизвестно, сколько времени я буду бороться с джунглями; придется избавиться от лишней тяжести, оставить здесь часть вещей.

Смотрю на свое облепленное грязью снаряжение. Оказывается, я потерял одну тапку. Искать ее бесполезно, оставляю здесь и вторую. Чем бы еще пожертвовать? Грязные мокрые брюки мешают идти, противомоскитная сетка набухла от сырости, отяжелела, к тому же ее очень трудно складывать и она непрестанно цепляется за ветки. Со всем этим жалко расставаться. Ну да ладно! Бросать вещи — дурная примета, зато это сбережет силы.

На всякий случай, если я сдохну здесь ни за что ни про что и никто не узнает, какие муки я перенес, я хватаю карандаш, вырываю из записной книжки листок и пишу письмо:

«Пройдя половину «Дороги эмерийонов», я потерял тропу. Прибыл в 14 часов в точку, которая, по-моему, расположена недалеко от Малой Тамури. Попытаюсь по компасу выйти к реке. Для облегчения пути решил оставить здесь некоторые вещи. Несмотря на мое положение, физически я еще крепок и бодр. Если я быстро не найду реки, то мне не хватит продуктов...

Если кто-нибудь найдет это письмо и пожелает найти мое тело, он должен будет идти по следам, которые я оставлю за собой в вышеобозначенном направлении.

Не знаю, выберусь ли я, но заранее прошу у своих близких простить все тяготы, которые я причиню им своей смертью.

Ришар Шапель».

Это письмо, конечно, не поможет меня спасти.

Воскресенье, 24 сентября. 10 часов утра. Продолжаю идти. На боль в спине и ногах внимания не обращаю — я уверен, что обязательно выйду к большой реке, где меня ждет спасение. Но вместо широкой реки натыкаюсь на грязный ручеек.

Ничего, по крайней мере хоть утолю жажду. Наклоняюсь, опускаю в мутную воду флягу. Инстинктивно подношу руку к груди, чтобы придержать компас, который в походе служит мне талисманом. Компаса нет! Озираюсь по сторонам, с ожесточением разгребаю листья. Встаю, делаю несколько шагов назад, щупаю землю — ничего.

Дальше искать бесполезно, только потеряю зря время — это все равно что разыскивать иголку в стоге сена. Шнурок, на котором висел компас, наверняка перерезала острая лиана. В отчаянии опускаюсь на землю. Случилось самое худшее — мне больше не по чему ориентироваться. Теперь я даже не знаю, где нахожусь по отношению к «Дороге эмерийонов» и Малой Тамури; после этой катастрофы мне остается один-единственный выход — идти по течению первого попавшегося ручья и выйти к какой-либо речке, по которой я смогу плыть в резиновой лодке. Продуктов у меня осталось на три дня — за этот срок я должен был добраться до конца «Дороги эмерийонов».

Все, дольше сидеть здесь нельзя. Бросаю в ручей несколько листочков, чтоб определить направление течения. Привычным жестом надеваю на плечо лямки рюкзака. Острая тоска охватывает меня. Я делаю несколько шагов как автомат, спотыкаясь о торчащие из грязи корни. Ниточка чистой воды вьется на черной, вязкой почве: я почти уверен, что ручей медленно течет к большой реке.

Через полчаса ходьбы останавливаюсь как вкопанный: на грязи явственно видны следы человека! Присаживаюсь на корточки... О господи — это мои собственные следы, оставленные вчера. Значит, полдня я блуждал зря, впустую теряя силы. Как же раньше не вспомнил, что этот ручей течет к югу, углубляясь в непроходимые дебри!

Неужели я потерял свой последний шанс?..

Полдень. Я снова пришел к брошенным вчера вещам. Это повод передохнуть и внести поправки в письмо — ведь я меняю направление пути.

Опять прохожу свои вчерашние следы. Останавливаюсь теперь все чаще не из-за усталости, но и из-за болей в спине. Все острее дает себя знать и голод. Такое ощущение, что я уже похудел, и на остановках я ощупываю мышцы. С оставшимися продуктами я выдержу не больше недели. Вспоминаю строки из найденного дневника Раймона Мофрэ:

«Я худею на глазах, чувствую перебои сердца, еле держусь на ногах. Ружье для меня уже слишком тяжело. Я останусь здесь, наберусь сил и пойду дальше...»

Нет, это не для меня! Чудовищная судьба не должна повториться. Я встаю, решив идти вперед, пока есть хоть немного сил.

К жизни или смерти?

...Ручей расширяется, выписывая многочисленные извивы и значительно удлиняя дорогу. Длинная

желтая змея переползает дорогу, но она меня не страшит. Это уже третья. Она, должно быть, выползла, чтобы напомнить мне об опасностях джунглей.

Легенда гласит, что храп человека привлекает змей, они подползают к нему, и, если спящий вздрогнет или пошевелится, они его жалят. Может, это и миф, но, наверное, лучше умереть так, чем неделями агонизировать от голода.

В долине, куда я сейчас спускаюсь, много полноводных ручьев, и поэтому растительность много гуще. Зверей здесь должно быть больше, особенно у главного ручья с чистой водой, куда они приходят на водопой.

Понедельник, 25 сентября. Полночи джунгли дрожали от рыка ягуаров. Я слышал совсем рядом треск ветвей. Я ждал прыжка... К полуночи крики зверей смолкли, но теперь я не мог заснуть от холода, у меня совершенно окоченели ноги, и я беспрестанно растирал их руками.

Уже светало, когда по своду листьев начал барабанить дождь. Крона такая густая, что проходит минут пятнадцать, пока дождю удается пробиться сквозь листву и достигнуть земли. В это время наскоро готовлю завтрак.

Дождь все льет. Я никак не могу решиться выбраться из-под своей палатки. Раймона Мофрэ тоже охватывала такая же апатия: «...Полежу еще несколько минут, еще совсем немного — и в дорогу»...

Потеряно два часа! Наскоро складываю свои пожитки. Левой рукой вытираю с лица грязь и пот. Правой откидываю полог и тут вижу впереди, метрах в двадцати, великолепного ягуара, пьющего воду из ручья.

Белая, усеянная черными пятнами шкура делает зверя необыкновенно изящным. Боже милостивый! Я стою не шевелясь, затем осторожно снимаю рюкзак, достаю из кармана ампулу со слезоточивым газом и крепко сжимаю мачете, готовый к бою. Я не свожу с него глаз, а он с презрительным видом пьет воду, не удостаивая меня вниманием. Он чувствует, что я рядом, но взглянет на меня только тогда, когда я отведу глаза в сторону, — такова их обычная тактика. Потом прыгнет на меня. Так мне рассказывали индейцы.

Утолив жажду, он неспешно удаляется в джунгли, даже не посмотрев в мою сторону, словно смеясь надо мной. Я упорно вглядываюсь в то место, где он исчез: ведь он только и ждет, когда я повернусь к нему спиной.

Медленно надеваю рюкзак и вхожу в джунгли там, куда он скрылся. Я притворяюсь, что ищу его, это мое единственное преимущество — дать ему понять, что он мне не страшен. Я даже рычу, словно выражая свое разочарование, и снова выхожу к ручью. Если бы я бежал, ягуар понял бы, что я его боюсь. И тогда...

Я стал зверем — ведь все то, что я сейчас делал, подсказал мне инстинкт. Я ни о чем не думал, и мне даже кажется, я действительно хотел сразиться с ним.

Округлые камни торчат из ручья, который местами уже достигает трехметровой ширины. Течение убыстряется, образуя между камней легкие завихрения. Быть может, скоро я смогу спустить на воду свою надувную лодку?

Замечаю в воде маленьких рыбок и чуть не подскакиваю от радости — они явно заплыли сюда из какой-нибудь большой реки. Теперь я, наверное, смогу наловить рыбы, ведь у меня есть крючки. Я приободрился. Нахожу улитку размером с кулак, секунду — не больше — медлю в нерешительности, затем разбиваю ее панцирь и проглатываю живьем: она липкая, мерзкая, но питательная. В конце концов природа должна помочь мне выжить!

В 10 часов — сюрприз. На правом берегу ручья появляется полянка, где стоят два карбэ. С колотящимся сердцем бегу к этой залитой солнцем лужайке.

Кладу на бревенчатый пол карбэ свои вещи, минут пятнадцать отдыхаю, затем осматриваю окрестности. Нахожу пустую, сгнившую коробку из-под патронов: она рассыпается, когда я ее беру в руки. Сколько же времени она здесь пролежала? Я уже был не в силах бороться с дикой природой, и эта хотя и давно заброшенная стоянка согрела мне сердце. Я почувствовал себя чуть менее одиноким, чуть менее потерянным.

Совсем близко от стоянки я обнаружил сперва одну, затем еще три уходящие в джунгли тропинки. Это надежда: ведь если даже этот заброшенный лагерь находится и не на самой «Дороге эмерийонов», то от него к ней наверняка ведет тропа, поскольку «Дорога» — единственный путь, ведущий из этих мест к большим рекам.

Убегающие в джунгли тропки подтверждают это предположение; но какая из них — верная?

Первые три тропы, оказывается, никуда не ведут. Остается четвертая, та, что уходит к востоку. Осторожно иду по ней. Она приводит к какому-то ручью и снова скрывается в джунглях на другом берегу. Обжегшись на молоке, я, как говорится, дую на воду. На сей раз я не только иду по «указателям» индейцев, но и добавляю к ним свои, новые, весьма заметные: через каждые пять метров я срубаю деревцо толщиной в кулак.

Увы, и четвертая тропа пропадает. Ее поглотили джунгли. В зарослях, я уверен, еще остались следы, которые ведут к спасению, но было бы безумием разыскивать их под листвой: слишком велик риск вновь заблудиться. Единственный мой шанс — идти вдоль ручья.

Перед уходом решаю оставить новую записку:

«Пришел сюда в 10 часов. Все тропы, которые выходят отсюда, непроходимы, поэтому я буду двигаться вдоль ручья, он — моя последняя надежда. Положение отчаянное, нет ни сил, ни продуктов.

Ришар Шапель».

Я вырезал палку, чтобы было легче идти. Все чаще хочется кричать, звать на помощь... Время от времени я замечаю птиц, они парят надо мной свободные, беззаботные. Я совсем теряю голову, я одинок, безнадежно одинок!

Вторник, 26 сентября. 10 утра. Новая катастрофа: ручей спускается в болотистую долину, над которой неумолимо нависает лес. Когда я разрубаю перегораживающую путь ветку, сверху на меня сыплются тысячи кусачих муравьев. Я чешусь как одержимый, но упорно иду дальше: если я остановлюсь, они меня сожрут. Ноги кровоточат, спина исцарапана. Каждый шаг, каждое движение причиняют мне такие страдания, что я ору от боли. Я больше не могу. Я схожу с ума.

Вспоминаю виденные когда-то приключенческие фильмы. Все здесь похоже на них, включая «героя», то есть меня. Разница лишь в том, что в кино

на стр. 59 ▶

В древнем искусстве Кипра была эпоха, когда статуи улыбались. Мужчины, женщины, дети. Герои и боги. За пиршественной чашей и на смертном ложе. Убивая и умирая, они улыбались. Сдержанно и неизменно.

Когда-нибудь эти чуть подернутые уголки губ на бесстрастном лице обретут свое точное объяснение искусствоведов и историков. Пока исследователи назвали эту улыбку «условной», ибо с точки зрения строгой науки она действительно выражает не какие-либо конкретные эмоции, но является чисто стилистическим приемом древнего скульптора.

Период, когда кипрские статуи улыбались, был не слишком велик по своей протяженности в истории искусства этого острова. И среди многочисленных экспонатов выставки «Сокровища Кипра», прошедшей в прошлом году в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Эрмитажа, таких статуй было немного.

...Небольшая — около шестнадцати сантиметров высоты — статуэтка девушки. Время не пощадило известняк — лоб, шея и одежда девушки покрыты «оспинами». То же время отобрало у каменной киприотки цветок, который два с половиной тысячелетия назад вложил в ее руку скульптор. Но время не посмело тронуть улыбку.

Кто она? Галатея, не успевшая ожить любовью своего Пигмалиона? Ведь местом действия этой чудесной сказки люди избрали именно Кипр. Или сама Афродита? Ведь именно Кипр считался родиной «пенорожденной» богини любви и продолжения рода.

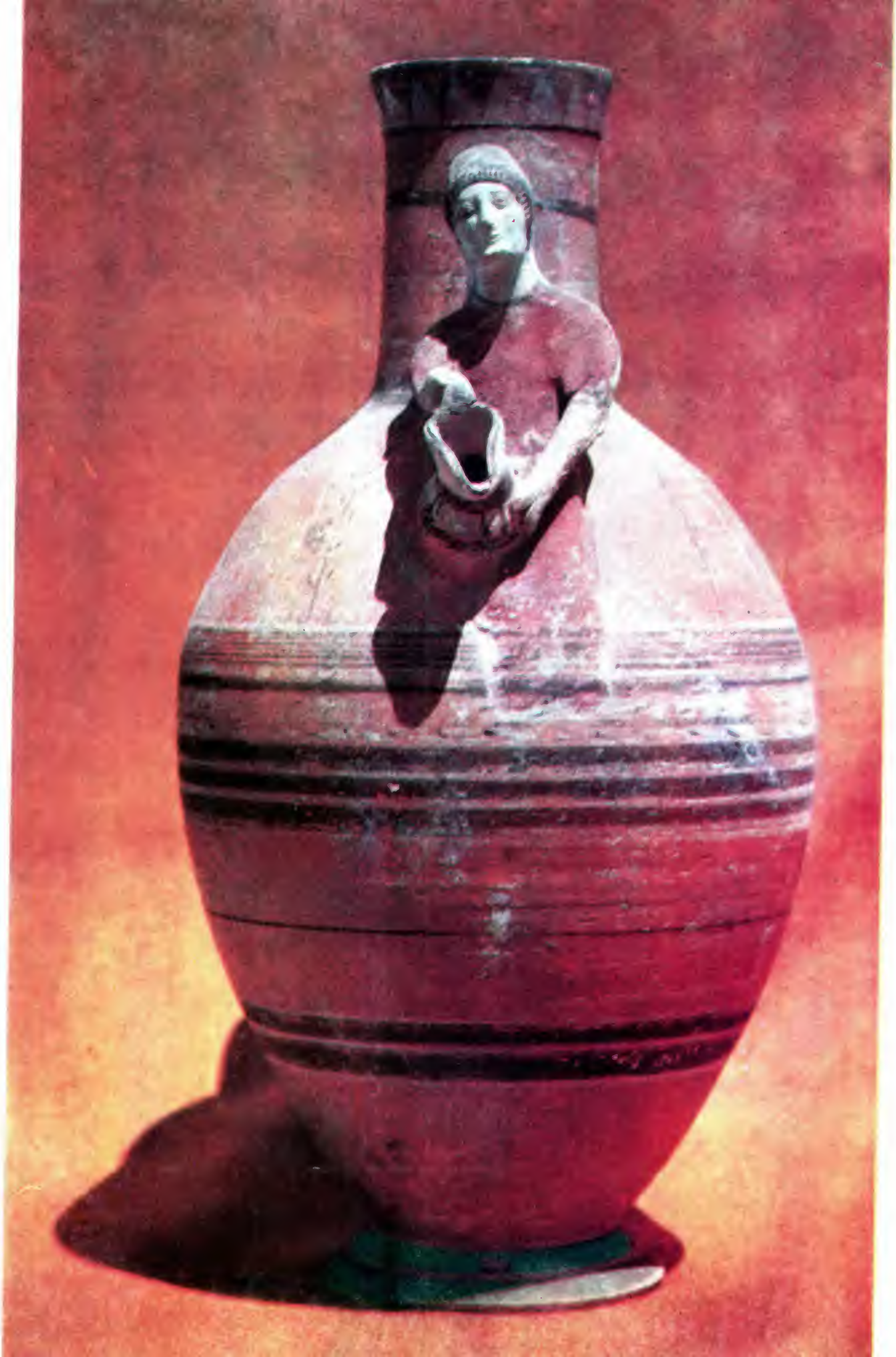
Но почему Кипр?

Древнекаменный век. Первая ступень в истории человечества. И уже тогда люди почитали эту богиню. Какие имена она носила тогда, мы не знаем и не узнаем никогда. Но она существовала в сознании людей, жила вместе с ними в темных, закопченных негасимыми кострами пещерах. Грузные женщины, выточенные из бивня мамонта или из

Глиняный кувшин для хранения пищи. V век до нашей эры.

ОСТРОВА КУЛЬТУРЫ

ЗЕМЛЯ АФРОДИТЫ

мягкого камня, стоят, чуть подогнув ноги и сложив руки на щедрой материнской груди. Такие статуэтки изготовляли во всем Старом Свете десятки тысячелетий назад. Ритуальное значение этих самых древних памятников искусства точно еще не выяснено. Но бесспорно ясно — они были связаны с культом плодородия, это было овеществленное «моление о жизни» бесконечных поколений.

Не место описывать трансформацию этого культа во времени и пространстве. Изображения матери-богини — покровительницы рода, легенды о ней возникали на всех континентах и у всех народов. Каждый народ называл ее по-своему и наделял характером и внешностью по духу и образу своему. Эти богини существовали в воображении людей за долгие тысячелетия до того, как из пены Эгейского моря вышла Афродита Киприда.

Древнекаменный век на Кипре нам совершенно неизвестен. История Кипра вплоть до 30-х годов нашего века была ограничена во времени горизонтом античности. Лишь тогда, когда на Кипре были найдены памятники неолитической эпохи, острову «вернули» его исчезнувшие тысячелетия. И до сих пор все энциклопедические справочники по Кипру говорят четко и немногословно — происхождение древнейших племен Кипра неизвестно.

Статуэтка девушки с цветком. V—IV век до нашей эры.

Но уже у этих «темных» племен были свои Афродиты.

...Небольшая — около пяти сантиметров высоты — каменная женщина широко раскинула руки. Ее лицо бесстрастно, да и вообще черты его лишь слегка обозначены резцом скульптора, жившего почти пять тысяч лет назад. Таких идолов на Кипре найдено много. И все они высечены в такой позе, словно это люди, стремящиеся обнять весь увиденный и обретенный мир.

Своими очертаниями Кипр напоминает древнегреческую трирему с округлой приподнятой кормой и низко нависшим над «винноцветным» гомеровским морем тараном. Там, где дремлет этот корабль, море переходит в чашеобразную бухту, берега которой — Азия, Африка, Европа. Мы не знаем, каким ветром — африканским, азиатским или европейским — занесены были сюда первые семена культуры и на каком языке пели гимны каменным Афродитам. Самые древние следы пребывания человека на Кипре относятся к VI тысячелетию. Кипрский археолог Дикейос открыл культуру, создатели которой жили в поселениях с мощеными улицами в круглых ульеобразных домах. Их каменные чаши и скульптура вообще считаются феноменом всей древней истории Старого Света. А затем — провал, неизвестность. Археологические раскопки, античные легенды и мифы, позднейшие письменные источники, просеянные сквозь сито научного анализа, позволяют более или менее четко различать лишь те века, что начали II тысячелетие до нашей эры.

В это время на острове появляются какие-то земледельческие племена из Анатолии — их манили, по-видимому, богатейшие залежи кипрской меди. В кипрских городищах того времени археологи находят голубые бусы из Египта и цилиндрические печати из Малой Азии, а кипрские сосуды для масла, вина, благовоний — продолговатые, матово-белые сосуды, расписанные черной и красной красками, — археологи находят даже в далекой Нубии. Воспринимая элементы восточной культуры, киприоты дали место у своих очагов и восточным богам. Афродиту каменную сменила глиняная «манья матер», матерь-богиня из Малой Азии. Полуобнаженная, с огромной тяжелой головой, с массивными кольцами в отвисших от тяжести ушах, она пугающе уродлива с точки зрения современных идеалов красоты. Но она держала на руках ребенка. И она была прекрасна.

Она была матерью, охранительницей очага, мира, спокойствия в то бурное тысячелетие — время расцвета могущества таких гигантов древности, как Вавилон и Египет, и возникновения новых колоссов древнего мира. В Азии возвышается старый соперник Вавилона Элам, хеттские цари начинают считать свою столицу центром мира. И тогда же в Эгейском море появляются таинственные и сильные племена.

Кто были пришельцы, какие силы принудили их покинуть свои земли в поисках новых, точно неизвестно. Названия этих племен, дошедшие до нас в чеканном гекзаметре «Илиады» и «Одиссеи», впоследствии объединились в истории общим именем — ахейцы. И известно, что с их приходом в бассейне Эгейского моря впервые зазвучала греческая речь. Более полутысячелетия длилось завоевание.

В самом конце II тысячелетия, в XII веке до нашей эры, «великий царь греческих царей» Агамемнон, собрав огромный флот, подойдет под стены великой «крепкостенной» Трои — и после десятилетней осады хитроумный царь Итаки Одиссей со своими воинами все же проникнет в чреве деревянного коня за ее стены.

...А спустя всего лишь около века над непобедимыми ахейцами, ставшими после падения Трои безраздельными владыками эгейского мира, нависнет угроза, которую они, истощенные войной, отвести не смогли. На ахейские крепости — археологические раскопки показывают, что в это время они спешно перестраивались и укреплялись, — обрушатся полчища других греческих племен — дорийцев...

Этот тысячелетиями кристаллизующийся сплав племен, верований, обычаев спустя десятки веков станет называться колыбелью европейской цивилизации. И географическое положение Кипра определило его дальнейшую судьбу — он был открыт взорам трех континентов, чьи племена стояли у изголовья этой колыбели.

...Когда первые греческие пришельцы — ахейцы дошли до Кипра и заселили его, над островом задули греческие ветры. Здесь стали создаваться города-государства — Курион, Идалион, Лапитос, Пафос, Саламин и другие — по образцу и подобию тех, что выросли в материковой Греции. Киприоты принимали активное участие в походе греков против Трои и даже, повествует Гомер, щит предводителя ахей-

Терракотовые статуэтки из святилища Агиа Ирини. VII—VI век до нашей эры.

«Мать-богиня», охранительница очага XIV—XIII век до нашей эры.

цев великого Агамемнона был выкован мастерами Кипра.

Но жители Кипра не слепо восприняли ахейскую культуру. Память о Востоке не угасала — в архитектуре и планировке некоторых городов, в сохранившейся традиции росписи сосудов, в чеканных бронзовых рельефах неожиданно оживают хеттские геральдические сфинксы или утонченного изящества женщины, словно сошедшие с фресок Кносского дворца на Крите.

И может быть, именно этот сплав стал основой того, что когда ахейский мир потрясло нашествие дорийцев, когда на века замерло в своем развитии эгейское искусство, на Кипре, которого миновала эта всеразрушающая буря, начался взлет совершенно оригинальной культуры.

По всему эгейскому миру распространялись кувшины, тарелки, чаши, причудливо расписанные черными и красными треугольниками, ромбами, концентрическими окружностями и параллельными линиями. Дорийцы, появившиеся на Кипре несколько позже, чем на материковой Греции и на других эгейских островах, по-видимому, не трогали святилища киприотов, а на древних поселениях этого времени не видно тех разрушений, что наблюдают археологи при раскопках ахейских городов в Греции.

...Близ местечка Агиа-Ирини археологи нашли одно такое совершенно непотревоженное святилище. Вокруг каменного возвышения было положено около двух тысяч глиняных скульптур — впоследствии археологи установили, что это святилище существовало с XII по VI век до нашей эры — жертвоприношения шести веков!

В священную яму киприоты приносили вначале изображения животных — быков, коней, змей. Начиная с VIII века до нашей эры у алтаря начали появляться глиняные минотавры — словно свидетельство памяти киприотов о тех временах, когда над Эгеидой властвовали их предки, воздвигшие дворец человекобыка на Крите. Затем появляются отдаленно напоминающие человеческие фигуры идолы и, наконец, изображения людей-воинов, всадников. Они были облачены в парадные одежды, раскрашенные в яркие синие и красные цвета. Лица их были обращены к алтарю. И эти лица поразили исследователей.

Это не были портреты. Как считает крупный советский исследо-

Античные развалины на Кипре.

ватель кипрской культуры Ю. Савельев, мастеров, изготовлявших эти жертвенные статуэтки, и тех, кто ставил их в святилище, совершенно не заботили портретное сходство с тем или иным человеком — будь то просто горожанин, царь или жрец. Каждая из этих скульптур была как бы обобщенным портретом киприота вообще. И этот киприот смотрел на священный алтарь с каким-то тревожным, напряженным ожиданием. Расширенные, настороженные, суровые глаза, напряженные, как перед боем, тела производили впечатление того, что эти глиняные люди собрались на какое-то всенародное вече, созванное перед лицом грядущей опасности. Шесть веков собирались они на этот молчаливый всенародный форум, словно заклиная своих богов, чтобы ветры трех континентов, дующие над их каменным кораблем, не обрушились на него всесокрушающей бурей — с VIII по V век до нашей эры Кипр попеременно находился то под властью ассирийцев, то египетских, то персидских владык.

Но народный гений киприотов, воспринимая многие элементы этих культур, как бы сплавлял их с древними традициями, идущими еще от тех далеких времен, когда существовала крито-микенская цивилизация. И анализ статуэток из Агиа-Ирини и других произведений кипрского искусства показывает, что в VII—VI веках до нашей эры — в последние столетия существования святилища — начинается новый взлет кипрской культуры, подлинное кипрское Возрождение.

И именно в это время появляются на Кипре улыбающиеся статуи.

Если вы приедете на Кипр, то в первый же день услышите легенду.

...Было время, когда боги готовили землю для людей. Они держали в руках огромные решета, сквозь которые просеивали эту землю, а оставшиеся камни сбрасывали в море. Так появилась цветущая земля и куча бесплодных камней — Кипр. Затем боги распределили землю между всеми народами. И когда люди, которым достался Кипр, увидели, что им негде выращивать хлеб и сажать сады, они обратились к богам с просьбой дать им земли, чтобы укрыть голые камни острова. Но у богов уже не было ее. И они сказали: «Мы не можем вам дать то, что вы просите, но взамен мы сделаем так, что у вас будет самое лучшее в мире море, самое лучшее в мире небо и самое светлое в мире солнце».

Боги сдержали свое слово. А земля? Появилась и земля. Из поколения в поколение киприоты носили землю из-за морей на свой родной остров — женщины, мужчины, дети — и рассыпали ее слой за слоем по камням Кипра. И ветры, дующие над морем, умеряли свой бег над островом, чтобы не сдувалась земля киприотов. Настал день, когда земля зацвела садами и виноградниками и стала самой красивой в мире. А небо, и море, и солнце и раньше были самыми лучшими на свете. И тогда появилась из пены морской у берега Кипра Афродита, ибо не было для нее дома прекраснее...

Эта легенда, так же как и сам образ Афродиты, кочевала по всем землям, и его знали все народы. Но вы позабудете об этом, когда узкой, выложенной булыжником улочкой, обставленной тесно прижавшимися друг к другу домами с выступающими балкончиками, мимо остановившихся в бесконечном разговоре старушек в черном и приветливо кивающих вам — чужестранцу, но доброму человеку, — вы пройдете к берегу моря.

Вы увидите слепящую даль и не сможете отличить черту, отделяющую небо от моря. Из воды выпрыгивают и сверкают прозрачными плавниками стаи летучих рыб, а в небе реют чайки, в синеве моря бегут белые барашки волн, а в синеве неба плывут белые хлопья облаков. И покажется вам, что вы стоите в центре пронизанной солнцем синей сферы и почва слегка покачивается в такт движению волн и облаков, как палуба исполинского древнего корабля. Корабля, в чьи паруса дул ветер всех континентов, возле которых он нашел свое прибежище.

И может быть (это, конечно же, не научное предположение, но просто ощущение человека, стоящего рядом с улыбающейся девушкой и вспоминающего кипрское небо, кипрское море, кипрское солнце и кипрскую землю), древняя легенда отдала Кипр улыбающейся богине именно потому, что он был не только прекрасен, но и умел любить прекрасное, каким бы народом оно ни было создано.

В. ЛЕВИН, Г. ФЕДОРОВ

РОМУАЛЬДАС ГРАНАУСКАС,
литовский писатель

ТРАВА

Старая гора лежит не двигаясь, придавленная черноземом, гравием и глиной, чувствуя страшную тяжесть огромных камней, живущих глубоко внутри ее. На горе трава и высокие прямые деревья, а вокруг неоглядный простор. Узенькие ленточки птиц вьются в воздухе, сплетаясь одна с другой, трепетные и беспомощные. И очень хочется что-то разглядеть за ними. А там — только дрожащий свет и холодная лазурь, но небо так широко, просторно и необъятно, и так много там места, что можно легко заполнить его мыслями и деревьями. Ведь нигде нет пустоты, везде вещи, даже в небе висит солнце, круглое и слепящее. Вещи для того и существуют, чтобы люди могли

понять их и сделать своими. Только солнце непокорно людским желаниям. Разве лишь одни бледные, голубоглазые дети, которые играют желудями под огромными, одетыми шершавой корой деревьями здесь, на горе, потому что им не по душе шумные сверстники, разве одни голубоглазые дети могут побежать и принести солнце, осторожно сжав его в круглых ладошках, как иногда приносят они домой теплых птенцов, которых нашли в поле, в цветущем клевере.

— Вот смотри! — он показывает рукой на шумящие вершины деревьев. — Они ближе к солнцу. А птицы ближе к вершинам. А ветер — к птицам. А мы где-то между травой и деревьями.

— Под нами гора, в горе — камень, в камне — холод, в холоде — мрак, в мраке...

— Ничто.

...— ничто, — повторила она. — А что в этом ничто?

Они взялись за руки и пошли дальше, провожаемые солнечным светом и зеленью трав. Над их головами вились длинные ленты птиц, раздавался шум крыльев, сквозь которые проникали тихие вечерние лучи, молчаливо рассказывающие им о том, что такое любовь, нежность, время.

— А почему мы слабее травы? — вдруг спросила она, когда они уже спускались в тихую долину.

— Кто это «мы»?

— Да все мы! Люди, дома, дороги. Не знаю ничего более жестокого, чем трава.

— Не надо, — попросил он. — Смотри, какая тихая и уютная наша долина.

— Везде растет трава. В долинах, на горах, под деревьями...

— Перестань! Что с тобой?

— Ничего. Мы были на той горе, и я думала о камнях, которые заключены внутри ее, а потом...

— А потом о траве?

— Да.

— И тебе поэтому теперь так грустно?

— Нет. Мне совсем не грустно. Когда я тебя еще не знала, я тогда прямо боялась травы, а теперь... Я о ней думаю и совсем не боюсь... Как ты думаешь, наш мальчик будет голубоглазый?

Они присели под дикими яблонями и смотрели вниз на дома, людей, на тропу, еще теплую от прошедших по ней ног, на окна, уже пламенеющие от заходящего солнца. Мир был зеленым, и они хотели в нем жить вечно. Она легла навзничь на теплую землю и тихо лежала, радостная и таинственная, потому что чувствовала, что в ней бьется новая жизнь. А он сидел рядом, обхватив руками колени и опершись на них подбородком. Над ними висели огромные сумерки, такие большие, что в них могло поместиться все, что видели глаза, и еще оставалось много места небу, теплу и доброте всех людей. Под склоном желтела дорога, и прозрачная пыль провожала машины, которые двигались медленно, стараясь не потревожить покой холмов и трав.

— А мой мальчик никогда не умрет? — неожиданно спросила она, и голос ее дрогнул.

— Конечно, не умрет. Ведь будут его дети, потом дети этих детей... Всегда в мире будут люди.

— Всегда? — спросила она, опираясь на локоть и посмотрев на гору. — Ты думаешь, всегда?

Он услышал в ее голосе не испуг, а что-то большее, но, засмотревшись на долину, полную тишины, не повернул головы. Когда он оглянулся, ее глаза были по-настоящему зеленые от блеска травы. Он тоже взглянул на гору и увидел скрюченные корни деревьев, сосущие из глины влагу, и мрак, почувствовал в своих костях холод земных глубин и сырость.

— Так должно быть. Зачем думать, что жизнь кончится? — сказал он, пожимая плечами. — Что останется только солнце, горы и...

— Огромные камни?

— ...камни.

— Но я обязана знать. В этом мире будет жить мое дитя. Как?

— Пойдет в школу, будет работать, слушать радио, есть, спать... Женится, состарится...

— Ты меня не понимаешь, — опечалилась она.

И принялась думать сама. Над дикой яблоней светилось небо. Она представляла своего ребенка, который ходит по огромному миру, маленький и слабый, во все пытливо всматриваясь и стараясь понять.

Она села на траву и стала тоже смотреть на долину, на уютные жилища людей и розовый дым над крышами. День уходил, он уже достиг холмов на горизонте, были видны края облаков, плывущих в лучах заходящего солнца. Природа к чему-то готовилась. По дороге брели коровы, кивали колодезные журавли, махали крыльями в своих хрустящих гнездах аисты. Темнел лесной хребет, холмы вбирали в себя свет и солнечное тепло, от одиноких деревьев тянулись длинные тени, оставляя их ветру и ночному шороху. И даль уже не была такой ясной, она скрывала в себе что-то большее, чем днем.

— Как прекрасна наша земля... — сказала она.

Он молчал, не зная, что к этому прибавить. Земля и вправду была прекрасной, и небо было большое-большое, и большие птицы летали там, еще видя солнце за горой.

— Побудем еще здесь... — покорно попросил он.

— Нет. Пойдем. — Она глубоко вздохнула, потому что недавние пугающие мысли постепенно исчезли, уступив в ее душе место тихому празднику.

Они медленно встали и пошли вниз, к своему дому.

Перевела с литовского Е. ВЕТРОВА

Рисунок И. БЕРЕЗИНОЙ

СЕТИ ДЛЯ АНТИЧНОСТИ

Я не знаю другого занятия, которое так бы вознаграждало человеческую любознательность, как плавание под водой.

Капитан Кусто

Вон там, у самого острова, он и лежит, тот корабль, что нашел Кусто. Мы зовем его Гран-Конглуэ. Знаете, всякие там римские имена нам не запомнить, так что уж мы зовем затонувшие корабли с грузом — «топляки» по-нашему — по береговым ориентирам... Скажем, мыс Планье I, Планье II, Планье III. Это уже пустая порода, там делать нечего. А чуть дальше, у входа в бухту, лежит «Черепица». Почему такое название? Корабль затонул с грузом черепицы. Когда? Три тысячи лет назад. Или вот еще — «Сыр». Дно в этом месте все изрыто, сверху как сыр выглядит. В свое время что только не тащили оттуда! Но и сейчас кое-что выловить можно.

Трое людей, сидевших в этот знойный полдень под тентом маленького бистро, выходящего на старый порт Марселя, по очереди передавали друг другу тяжелый бинокль. А когда они опускали его, то четвертый за столом видел их глаза, покрытые густой сетью красных прожилок. По этим набрякшим от перепадов давления глазам безошибочно угадывают профессионалов-ныряльщиков. Впрочем, если мы послушаем дальше разговор, нам и так станет ясна профессия этих трех среднего возраста людей, одетых в тельняшки и сандалиях на босу ногу.

— Вы нам точно скажите, что́ вы хотите взять. А уж наше дело организовать вам это, — сказал самый старший из них четвертому, в котором костюм и блеклый цвет лица выдавали приезжего.

— Выходит, вам точно известно, что лежит на дне? — спросил тот.

Трое усмехнулись разом.

— На дне много чего лежит, только руки надобно иметь подлинней. Мы предлагаем вам то, что уже выловлено.

И в разговоре замелькали странные для постороннего уха слова: амфоры... кубки... лутрафоры... бронза... керамика... терракота... порфир.

На следующий день один из троицы вез приезжего по щербатым закоулкам припортового квартала. Дома расцвечены бельевыми флагами. Густой запах жареных сардин. Поднялись по лестнице, зашли в какую-то квартиру.

На кухонном столе появляется нечто завернутое в

ОБЫКНОВЕННЫЙ БИЗНЕС

газету. Хозяин квартиры, еще не разворачивая это «нечто», предупреждает:

— Я нашел ее два месяца назад и вот ждал настоящего ценителя. Штука сделана до рождества Христова, это точно. Почем отдам? Не знаю. Но за бесценок не спущу, это точно.

Он разворачивает «штуку», и на свет появляется дивная статуэтка из розового мрамора; кое-где очищенная, она вся покрыта слоем ракушек, что выдает ее подводное происхождение.

Дело сделано. Покупка запелената в мягкую ткань, уложена в кожаный портфель, и посетитель отбывает. Но не раньше чем «проводник» дошел до угла улицы и убедился, что все спокойно...

С уверенностью можно сказать, что в течение двух месяцев после находки ныряльщик-марселец пережевывал в мозгу две вещи — доллары и тюрьму. Вещи эти перемежались друг с другом. Конечно, турист-американец дал бы за «штуку» больше. Но, попадись парень на этом, он оказался бы за решеткой по обвинению в незаконном вывозе государственных ценностей. Под законом стоит дата — 1681 год. Так определял указ, подписанный Кольбером[1], участь добычи, поднятой в территориальных водах с затонувших кораблей. С той поры текст закона лишь увеличился в размерах, но принцип остался тот же: «предметы, представляющие археологический, художественный или исторический интерес, обязаны быть переданы государству. Нашедший их (именуемый «открывателем») вознаграждается одной третью стоимости... Вывоз их за границу без специального на то разрешения преследуется как контрабанда».

Такова, так сказать, юридическая сторона. На самом же деле грабители затонувших кораблей признают лишь один закон — сила и есть право.

Охота за подводными древностями началась сравнительно недавно. Конечно, и раньше ныряльщикам за лангустами доводилось видеть у южного берега Франции «старые горшки». В них, кстати, частенько заползали лангусты, и, чтобы не осложнять себе работу, ловцы разбивали «горшки» молотком. Надежные акваланги поступили в продажу каких-нибудь полтора десятка лет назад. Только тогда стало возможным систематическое исследование дна.

В 1952 году капитан Кусто, возвращаясь из Красного моря на «Калипсо», остановился возле острова Гран-Конглуэ, между Марселем и Касси. Известный археолог профессор Бенуа попросил тогда Кусто посмотреть, что за «старые сосуды» лежат на дне в этом месте.

Оказалось, что возле Гран-Конглуэ тридцать веков назад разбился корабль с амфорами, несколько тысяч сосудов. В амфорах из обожженной глины в древности хранили воду, оливковое масло, вино, зерно, медную руду, семена — словом, все, что можно было налить или насыпать через горлышко. Кроме того, там была керамическая посуда со знаками римского торговца Марка Сестия. Было поднято сто тридцать семь предметов — огромный сервиз. Он выставлен сейчас в музее Борелли в Марселе.

Долго простоять над своей находкой «Калипсо» не смог: налетел мистраль, пришлось сняться с якоря. Кстати сказать, Кусто считает, что такой же внезапный шквал разбил судно Марка Сестия при подходе к Массалии — древнему Марселю. «Калипсо» укрылось в гавани. Предполагалось, что археологические работы под водой будут продолжены чуть позже. Но обстоятельства изменились, «Калипсо» ушел в другое место.

Так корабль Сестия, запоздавший с прибытием в порт на три тысячи лет, стал приманкой для ныряльщиков. Ни катера таможенников, ни вертолеты приморской полиции не могли ничего поделать. Археологи попытались было накрыть лежбище амфор металлической сеткой... Но браконьеры быстро обзавелись стальными кусачками.

Где теперь эти амфоры? Почему ныряльщики не отдали их — за плату, разумеется — в музей? На этот вопрос они отвечают контрвопросом: «А вы слышали о пантере Жордано?»

> *С каждым днем новые тысячи приобщаются к подводному приключению. Настал золотой век подводных исследований.*
>
> *Капитан Кусто*

Лоран Жордано, по прозвищу «водолаз в лаковых туфлях», промышлял сбором губок. Что и говорить, на продаже этого банного подспорья сколотить себе состояние было трудно. Но однажды утром...

Однажды утром он отдирал губки на сорокаметровой глубине недалеко от побережья Монако и вдруг на скальном выступе увидел бронзовую пантеру. «Самое интересное подводное открытие последних лет» — так отозвался о ней археолог профессор Шарль Пикар. Вытащив находку, Жордано подумал, что дальнейшая жизнь его обеспечена, и первым делом купил себе дюжину лаковых туфель (отсюда и прозвище). Однако надежды Жордано не оправдались; правильнее сказать, он не рассчитал своего аппетита.

— И зачем только я понес свою пантеру в музей, — плачется он. — Сейчас, когда я показываю ее фотографии, мне говорят, что в Америке мне бы дали за нее тысяч сорок-пятьдесят долларов. Недавно я был в музее... Боже, до чего она хороша! Очищенная, гладкая — не узнать. Я предложил директору махнуть ее американцам. Он отказался. Я знаю теперь, где гнездятся пираты, — не в море, а в музее!

Так говорит «обманутый» Жордано, получивший свою законную треть стоимости. В глазах ныряльщиков-контрабандистов он приобрел ореол мученика. Результат? Закон молчания, не менее крепкий, чем у сицилийской мафии, спаивает сейчас две сотни браконьеров средиземноморского побережья.

Исследовательское судно «Археонавт», плавучая лаборатория французского министерства культуры, обследует в одиночку все маленькие бухты, пытаясь опередить браконьеров. Но что может сделать экипаж всего лишь одного судна!

Памятуя о судьбе корабля Марка Сестия, археологи засыпали замеченное на восемнадцатиметровой глубине у полуострова Жиен нетронутое римское купеческое судно несколькими тоннами песка. До поры до времени это не позволит грабителям растащить находку.

Охота за подводными древностями идет во всякое время года. И не просто охота.

> *Открытия тогда приносят наибольшую радость, когда есть с кем поделиться... Лучшие аквалангисты ходят стаями, как рыбы. Альпинизм и подводное плавание излечивают от эгоизма — они создают настоящего человека.*
>
> *Капитан Кусто*

— У нас дело часто заканчивается дракой. Иногда даже беремся за карабины. Если мы обнаруживаем, что кто-то из чужих залез в наш огород, мы вытаскиваем его наверх и как следует «учим»...

Это говорит, ухмыляясь, Люсьен, здоровенный пор-

---

[1] Ж. Б. Кольбер — министр финансов Людовика XIV, автор многих реформ. *(Прим. ред.)*

товый громила. Его функции — отгонять от находки соперников. Он представляет своего рода полицию подводных браконьеров.

За каждым катером, выходящим в море, мгновенно устанавливается слежка: а вдруг кто-то открыл новое местечко? В море разыгрываются настоящие гонки. Здесь уж выигрывает тот, у кого мощнее мотор. Не меньшими предосторожностями приходится обставлять и возвращение.

Цены на ставшую модной антику растут головокружительно. Поэтому и не убывает число охотников рискнуть за наличные.

— Было время, когда я продавал посуду Сестия дешевле, чем она стоила в универмаге, — жалуется старый ныряльщик Рене. — А теперь бельгийцы и швейцарцы берут даже осколки! Говорят, сыскался даже оригинал, надумавший выложить крышу своего дома древней черепицей из марсельской бухты.

В марсельском «Музее доков» выставлены дивной красоты предметы, поднятые с морского дна: грекоримская статуэтка, изображающая юношу бегуна; фигурный кубок из непрозрачного стекла; сосуд из горного хрусталя; восточной работы узкогорлый кувшин. Под каждым экспонатом — табличка с указанием, где и когда он поднят.

Сколько же бесценных сокровищ, которые могли бы стать общенародным достоянием, безвозвратно исчезли в саквояжах перекупщиков!..

При таком ажиотаже на рынке древностей, естественно, возник — не мог не возникнуть! — бизнес на подделке. За последние три-четыре года он расцвел в промышленных масштабах. «Античные» амфоры изготавливают по образцам в гончарных мастерских, затем их укладывают в укромном месте на дно, и через пять-шесть месяцев «древность», покрытая добротным слоем морских отложений, готова. Но клиенты торопят. Перед лицом растущего спроса торговцы не в силах уже ждать по полгода. Результат? В сараях и заброшенных ангарах оборудовано несколько «лабораторий старения». Некий дипломированный химик с помощью собственных рецептов за день накладывает на свежеизготовленные «древности» благородную патину времени.

Но это еще не все. К сожалению, в подводном бизнесе есть не только авантюрная сторона...

Есть люди, которые без уважения относятся к морю. Это вернейший способ попасть в беду.
Капитан Кусто

Любой ныряльщик перечислит с десяток своих товарищей, погибших на дне во время охоты за амфорами. Безумцы, говорят про них старики. Они уходят на семьдесят метров и глубже, не соблюдая жестких правил безопасности. Эмболия — так зовут погибель подводных старателей. Во время погружения азот, содержащийся в воздухе, которым дышит ныряльщик, растворяется под давлением в крови. При резком подъеме этот азот начинает бурлить, словно лимонад в откупоренной бутылке. Наступает смерть. Или — еще неизвестно что хуже — полный паралич. Но до правил ли, если того и гляди неожиданно появится патрульный катер или над головой повиснет вертолет! Как известно, чтобы не пасть жертвой эмболии, нужно, поднимаясь, пробыть не менее трех минут на глубине восьми метров. Но где взять три минуты рядовому надежды, если эти минуты решают участь многодневной — подчас многонедельной — погони за призрачным счастьем...

М. МАРИКОВ

▼ со стр. 47

зрители знают, что герой выпутается, а я знаю, что пропал. Вокруг меня все необходимые декорации: грозные джунгли, мутная река, лианы, насекомые, змеи, кровь, льющаяся из ран, крики зверей — и... отчаяние.

Правой рукой я орудую мачете, а левой раздвигаю ветки. Вдруг, сжав зубы, я закрываю от боли глаза: неловким взмахом я раскроил большой палец левой руки. Кровь брызжет на рубашку, кружится голова. Чтобы омыть руку, спускаюсь прямо к ручью.

Я готов на все, чтобы покончить с этим кошмаром. Еще раз оглядываюсь. Выхода нет, человеку не одолеть этой природы. Даже индеец не пройдет здесь. Моя смерть — вопрос дней. Ведь ближайшее индейское селение отсюда в сотне километров. Обессилев, цепляюсь за лианы, чтобы выбраться на берег. Вместо этого скольжу по грязи, джунгли сбрасывают меня в воду.

...Сколько прошло времени? Что я делал? Ничего не помню. По-прежнему стою в воде, окрашенной моей кровью. Затем, собрав последние силы, иду назад, чтобы отыскать место для привала.

Вытянувшись в гамаке, пытаюсь «подвести итоги».

Если идти вдоль этой реки, мне не хватит продуктов до конца пути. Возможно и другое решение: вернуться на стоянку, которую открыл вчера утром, и ждать там поисковую группу. Но и в этом случае мне не хватит продуктов до прихода спасателей.

Теперь мне окончательно ясно, что я погиб. Меня охватывает такой приступ отчаяния, что я пла́чу. Это начало конца. Принимаю несколько таблеток снотворного и засыпаю, прижав к груди записную книжку — единственный свидетель моей агонии.

Среда, 27 сентября. Просыпаюсь от холода. Решимость наполняет меня, одерживая верх над сомнениями и слабостью. Если мне суждено умереть, то я умру сражаясь. Иду на север.

Бреду, как лунатик, едва вглядываясь в листву, которая дрожит у меня перед глазами. Голова кружится. Споткнувшись о торчащую из грязи ветку, падаю навзничь..

12 часов. Сюрприз! Я замечаю на грязном берегу глубокие следы. Люди переходили ручей недавно, потому что отпечатки босых ног отчетливо видны. Охваченный безумной надеждой, бегу по этой тропе и сразу же замечаю, что она обозначена надломленными веточками.

Уж не вышел ли я на «Дорогу эмерийонов»? Что делать? Продолжать идти вдоль ручья или следовать по этой лесной тропе? В конце концов терять мне нечего — иду по тропе.

Однако тропа спускается под уклон и теряется в большой заболоченной луже. Я тщательно обшариваю ее берега и — победа! — снова нахожу тропу. От радости мне хочется целовать землю.

Через час я замечаю на краю тропы три старых карбэ. Сомнений нет: это «Дорога эмерийонов»! Между деревьями мелькают кусочки неба, а у подножья холма — что это, мираж? — вода, широкая, настоящая река. Может быть, у меня галлюцинация? Я бегу, лечу к ней, не разбирая дороги. Да, передо мной на лужайке карбэ, река метров в восемь шириной, три пиро́ги на берегу... У меня перехватило дыхание. Это люди... Я победил!

Перевел с французского Л. ТОКАРЕВ

ГЕОГРАФИЯ СПОРТА

ЧТО СОКРЫТО В «ПУСТОЙ РУКЕ»?

Осенью минувшего года в Токио состоялся Первый чемпионат мира по каратэ. Он начался торжественной частью в десять утра, а к трем часам пополудни жюри уже успело раздать призы. В каратэ все происходит быстро.

В интервью со спортивными журналистами сенсей Сасакава сказал, что возглавляемая им Всеяпонская федерация каратистов насчитывает миллион человек. В остальных странах зарегистрировано около пятисот тысяч членов. Поразмыслим

Ничто не действует так на воображение, как явления, отнесенные к разряду «таинственных», будь то летающие тарелочки, телекинез или система хатха-йога.

К этому списку можно, пожалуй, добавить и каратэ. Скудость информации об этой разновидности борьбы породила вокруг каратистов ореол загадочности и даже всемогущества. Во многом это объясняется обилием чтива на Западе, обещающего превратить любого человека в «супермена атомного века», если он пройдет курс каратэ. До недавнего времени такое положение было и с дзю-до. Сейчас о дзюдоистах говорят без придыхания, обходясь обычными спортивными терминами. Изучение приемов этой борьбы, освоение методики тренировок привели к тому, что заморская диковинка, по слухам, обладавшая чудодейственным эффектом, заняла причитающееся ей место в длинном перечне спортивных дисциплин.

Кстати, соприкоснувшись с нашей отечественной системой самбо, дзюдоисты поняли, что имеют дело с серьезным противником. Сейчас в Японии создана федерация самбо. Происходит взаимное обогащение различных систем борьбы. Уверен, что через некоторое время займет свое обычное место в спорте и каратэ.

В каратэ нет ничего выходящего за рамки человеческих возможностей. На Олимпийских играх в Токио японский борец вольного стиля К. Абэ пригласил нас с Александром Медведем посмотреть тренировку каратистов. Это было интересно. Больше двух часов мы наблюдали за отработкой приемов. Это, конечно же, не была никакая «разминка для убийц». Наше убеждение таково: это оригинальный, но все-таки спорт. Одна из ветвей раскидистого древа борьбы.

АЛЕКСАНДР ИВАНИЦКИЙ,
чемпион мира
и Олимпийских игр
в Токио по вольной борьбе

над этими цифрами: полтора миллиона обладателей разряда по каратэ, много это или мало? Если учесть почти полную неосведомленность публики по части каратэ, это много.

Действительно, что такое каратэ? Ответа на вопрос не дают самые крупные энциклопедии, начиная с БСЭ и кончая Большим Брокгаузом, Британской энциклопедией и Большим Ляруссом. Придется обратиться к художественной литературе. Насколько мне удалось установить, первое упоминание о каратэ промелькнуло в романе Виктора Финка «Иностранный легион»: «...каратэ — это вид драки ногами, популярный среди преступного мира средиземноморских портов». Как видим, отнесение этого занятия к спорту было бы весьма сомнительным.

Или вот цитата (с сохранением стиля подлинника):

«Темной и грязной портовой улицей шел маленький японец. Он старался держаться как можно ближе к стенам домов и с готовностью уступал дорогу пьяиым здоровенным матросам. Однако, несмотря на его старания, один из матросов, проходя с друзьями, толкнул его. Японец ударился о стену дома. Быстрым движением он почистил рукав и кинулся вдогонку за обидчиком.

— Извините, сэр, — вежливо обратился маленький японец к матросу. — Вы зацепили меня и чуть не сбили с ног.

— Ну так чего же ты хочешь? — спросил здоровила, не останавливаясь.

— Я хочу, чтобы вы извинились.

Но матрос рассмеялся и пошел дальше. Японец снова догнал его, и тут матрос не выдержал. Он замахнулся и... пролетев несколько метров, упал на мостовую. Его товарищи в первое мгновение остолбенели, но потом накинулись на японца. Некоторое время слышались глухие удары, выкрики, и вот на мостовой осталось несколько неподвижных тел, а японец, поправивши галстук, пошел дальше».

Этот отрывок взят из вступления к руководству по самообороне, выпущенному в 1902 году в Петербурге. Книга озаглавлена «Быстрейший способ стать непобедимым». Надо сказать, рекламные зазывы типа «как стать непобежденным» встречаются не только в изданиях начала века. Ими пруд пруди в любом современном западном иллюстрированном издании. Коммерция «непобедимостью» идет бойко. Но мы поведем, конечно, речь не о ней.

Начнем сначала. Каратэ родилось на Востоке. Первые документальные сведения о каратэ, вернее об одном из его предков, появились в 720 году в средневековой японской хронике «Нихон Соку» («Душа Японии»). В ней, в частности, рассказывается о состязаниях по борьбе без применения оружия. Однако истоки каратэ теряются в глубине веков. Еще три тысячи лет назад в одном из княжеств Индии начала развиваться система борьбы, основанная на воздействии на болевые точки противника. С распространением буддизма странствующие монахи занесли эту систему в Китай. Вскоре эта борьба под названием кемпо распространилась по всему Центральному и Юго-Восточному Китаю.

Попав в Японию, кемпо начало вторую жизнь. В стране издавна культивировались народные виды борьбы. Древняя легенда говорит, что даже появление самой Японии связано с борьбой сумо: японцы получили право жить на своих островах только после победы бога Такемидкадзути над вождем враждебного племени в борьбе сумо. Но правильнее считать, что каратэ развилось на острове Окинава из синтеза кемпо и древних японских национальных видов борьбы.

В XIV веке император велел провести на Окинаве «катана гари» — «охоту за мечами» — поголовное разоружение местного населения. (В последующие 300 лет «катана гари» производились регулярно.) Ни один местный житель под страхом смерти не имел права носить оружие. Разумеется, эти ограничения не касались самураев — членов дворянских боевых дружин местных феодалов. Каждый самурай ходил опоясанный двумя мечами и без лишних раздумий пускал их в ход. Между прочим, клятва верности самурая скреплялась оригинальной печатью разового использования — к тексту прикладывался свежеотрубленный кусочек мизинца левой руки... Можно представить, как самурай относился после этого к простому народу. Поэтому было бы странно, если бы в народе рано или поздно не развилась система самообороны против вооруженного противника.

В конце XIV века началась подготовка к восстанию. Так как все кузнецы находились под наблюдением княжеских шпионов, у крестьян не было реальной возможности выковать достаточное количество оружия. Были срочно организованы подпольные школы, где под наблюдением инструкторов молодежь обучалась искусству рукопашного боя, впоследствии получившего название о к и н а в а - т э, то есть «руки Окинавы».

Судя по сохранившимся описаниям, методика тренировок с тех пор не претерпела особых изменений. Крестьяне проводили долгие часы в лесу, пытаясь ударом ноги или ребром ладони переломить сначала сухие ветки и молодые деревца, а потом и сравнительно толстые стволы. Они сбегали с крутых гор, уклоняясь резкими движениями головы и кор-

пуса от веток, тренируя таким образом свою реакцию. Они отдыхали, разминая в пальцах вязкую глину, чтобы отработать «мертвую хватку». Они часами подпрыгивали с грузом на плечах, чтобы улучшить прыгучесть, и, разумеется, упорно разучивали приемы борьбы. Результаты не замедлили сказаться. Во время последовавшего затем восстания ученики подпольных школ неизменно выходили победителями в единоборстве с вооруженным самураем.

Самураи по достоинству оценили окинава-тэ. Оно даже было включено в б у с и д о — комплекс, регламентирующий поведение самураев. Теперь самурай наряду с искусством фехтования — к е н д о, умением владеть копьем — н а г и н а т а обязан был изучать приемы самообороны. И вот главное: в клятву самурая с этого времени был включен пункт о н е р а з г л а ш е н и и тайны приемов. Изучение борьбы становится недоступным для простого народа. Строжайше запрещалось посвящать в тайну иностранцев. Как тут удивляться, что в Европе поползли слухи о некоем фантастическом «секретном оружии» самураев.

Надобно отметить, что создание комплексов самообороны — заслуга не одних японцев. У многих народов были воины и герои, умевшие побеждать вооруженного противника голыми руками. По преданию, афинского героя Тесея приемам борьбы обучала сама богиня Афина. Центральными состязаниями на древнегреческих Олимпийских играх были схватки бойцов-панкратийцев. (Панкратий означает — «все — борьба».) Однако у панкратия была одна особенность. Руки бойцов утяжелялись особыми приспособлениями. Естественно, в панкратии непременно должен был сложиться комплекс приемов, учитывающих нежелательность получения даже одного удара. Это же положено в основу всех без исключения приемов каратэ.

Цели бойца-панкратийца и крестьянина с Окинавы совпадали. Действительно, многочисленные фигуры на вазах, просмотренные мною в собраниях Эрмитажа, Лувра и Ватиканского музея, изображали борцов панкратия в позах, в которых угадываются в чистом виде приемы каратэ.

Аналоги каратэ можно проследить не только в Греции. В Скандинавии для разрешения своих споров древние викинги устраивали дуэли без оружия, так называемый «простой бой» — схватку голыми руками до смертельного исхода. С раннего детства викинги приучались бегать, не уступая в скорости лошади. Викинг-бьерсьерк (или бьерсьеркер) сражался невооруженным и не прикрывал тело броней, а голову шлемом. В таком случае он должен был в совершенстве владеть системой самозащиты. Вот как описывается в одной из саг схватка викингов: «Эгиль отбросил щит и меч и бросился на Атли. Атли упал на спину бездыханный...» («Сага об Эгиле», песнь XV).

Однако в позднем средневековье эстафета прервалась. Действительно, что мог поделать даже самый совершенный мастер борьбы против закованного в броню рыцаря? Япония же никогда не знала цельных панцирей, поэтому приемы каратэ были действенны против самурая, фехтующего даже двумя мечами.

Примерно в XVII—XVIII веках из каратэ выделились джиу-джитсу и дзю-до. В японской спортивной историографии так описывалось возникновение дзю-до. Любитель и знаток борьбы, врач Акаяма Широбеи сидел в задумчивости у себя в саду. Его отвлек громкий треск — под тяжестью слоя снега сломалась толстая ветка вишни. А соседняя ветка, прогнувшись, сбросила с себя излишний вес снега и выпрямилась неповрежденной. Широбеи вскочил и, если верить учебнику, произнес сакраментальную формулу, легшую в основу дзю-до: «Сначала поддаться, чтобы потом победить».

В дзю-до нет опасных для жизни приемов. Комплекс дзю-до включает броски, подсечки, захваты. Джиу-джитсу, по сути дела, мало чем отличается от дзю-до. Здесь только добавляется воздействие на болевые точки. Для занятий дзю-до нет нужды в тяжелейшей нагрузке, связанной с тренировкой в каратэ. Дзю-до пришлось по вкусу нарождающемуся классу буржуазии. К концу XIX века многочисленные школы дзю-до совершенно вытеснили каратэ. Секреты его приемов ревниво хранились лишь отдельными поклонниками.

Возрождение каратэ связано с именем жителя Окинавы Функоши. Между прочим, само название к а р а т э, что означает «пустая рука», придумано именно им.

В чем заслуга Фунакоши? Ведь при всей своей компетентности он не выдумал ни одного приема; впрочем, он на это никогда и не претендовал. Фунакоши сгруппировал, классифицировал и составил в определенной последовательности самые эффективные приемы древних систем самообороны. Но главное, он увязал основные движения т а и - с а б а к и — искусства финтов и уклонов — с возможностями каратэ. Прежде ни один из видов борьбы не давал возможности сопротивляться нескольким нападающим. Система Фунакоши позволяет отражать одновременное нападение пяти-семи вооруженных противников.

...Наша машина останавливается возле серого одноэтажного здания — бывшего склада запасных частей к мотоциклам. Его, наскоро перестроив, превратили в тренировочный зал одной из токийских школ каратэ. Спортсмены снимают свои европейские костюмы и облачаются в груботканые кимоно. Служитель вручает каждому пару деревянных колышков. У одного колышки подлиннее и потолще — это уже не новичок; у других совсем коротенькие и со шляпкой. Перед тренировкой спортсмен должен вбить полученные колышки торцами ладоней в землю. Только после этого можно приступить к разминке.

Зал оборудован деревянными брусьями различной толщины. Некоторые из них вкопаны в землю, другие на шарнирах подвешены к потолку, третьи закреплены на стенах. Часть из них обернута матами из рисовой соломы, остальные отполированы до зеркального блеска бесчисленными ударами ног и ладоней. В течение получаса необходимо «обстукать» все снаряды для закалки ударных частей тела. Необходимо в сумасшедшем темпе проделать все движения, так как от снаряда к снаряду спортсмены передвигаются по цепочке. Задержка у одного из снарядов вызывает такой же затор, как на современном предприятии у конвейера. Работать вполсилы не имеет смысла. Во-первых, это будет немедленно обнаружено ассистентом и наказано ударом бамбуковой палкой; во-вторых, изучено, что только такая интенсивная тренировка позволит затем усложнить упражнения. Отставший потеряет много времени на повторный курс, а месяц обучения в школе стоит больше, чем целый семестр в университете.

Но вот наконец последний снаряд — макивара; при ударе по нему необходимо резко уклониться в сторону, иначе коварный макивара, разогнувшись, легко может сбить с ног. Первая часть разминки закончена. Теперь начинается каскад акробатических трюков, прыжков, кувырков и переворотов.

Спортсмены, как шары в кегельбане, катятся друг за другом по 30-метровой узкой дорожке со скоростью бегущего человека, с интервалом 3—5 метров. При секундной задержке на дорожке немедленно образуется куча мала.

Оценить эти упражнения можно через неделю-другую. К этому сроку вырабатывается необходимая координация движений, без которой невозможно приступить к изучению приемов.

Через 20 минут акробатическая разминка окончена. Пора переходить к следующему комплексу. Отработка хвата и закаливание пальцев. Тряпичная груша туго набита песком. Щипок, тычок... Щипок, тычок... И так до бесконечности. Хлопок. Сенсей (профессор) хлопает в ладоши. Как?! Прошло всего 10 минут? Да, можно переходить к последней части разминки — вернее, специального подготовительного комплекса.

Прыжки на одной ноге, отмашка другой. Звучит вполне безобидно, но попробуйте попрыгать так хотя бы пять минут. Через десять минут, когда кажется, что нога, на которой прыгаешь, превратилась в деревяшку, а другая вот-вот оторвется в коленном суставе, поступает команда сменить ногу.

Сенсей — 60-летний старик — неподвижно, как Будда, поджав под себя ноги, сидит на небольшом возвышении. Его лицо совершенно бесстрастно, движения важны и замедленны. Ассистенты подходят к нему с бесконечными поклонами и приседаниями. Через них он передает свои указания.

Пять минут — на смену кимоно, три минуты — на составление пар. Начинается разучивание приемов. Саднят ладони и ступни; к спине невозможно притронуться; ноги в коленях дрожат. Впрочем, через месяц-другой к нагрузкам привыкаешь, а основная часть тренировки — разучивание приемов — утомляет меньше. Все движения повторяются вслед за ассистентом. Барабан отбивает такт. Движения спортсменов легки и стремительны. Тренировка похожа на темпераментный танец.

Каждому удару соответствует свое строго регламентированное положение корпуса и ног. Каждое положение обеспечивает максимальную силу и резкость удара. А сила удара тренированного каратиста такова, что, не испытывая особых болевых ощущений, он способен проломить кирпичную стенку.

Барабан ускоряет темп. Поворот — удар, прыжок — удар...

Подобные ежедневные тренировки продолжаются в течение 1,5—2 лет. Только после этого при наличии определенных способностей можно быть допущенным к экзамену на получение 1-го дана. К этому времени надо знать и уметь выполнять с соблюдением всех тонкостей 150 приемов. Но этого еще недостаточно. Каратэ включает в себя основную часть таи-сабаки — искусства финтов и обманных движений, которое требует особой тренировки. Ведь каратэ в основном направлено против вооруженных нападающих. Но и это еще не все. Каратист должен уметь наилучшим образом освободиться от захвата. Этому искусству обучает система аики-до.

Но вот вы усвоили весь необходимый материал, и наступил день экзамена. В раздевалке возбуждение и толчея. Вспоминается давно забытая атмосфера институтских сессий. Выкликают вашу фамилию. Коллеги хлопают по спине, поплевывая через плечо, чтобы не сглазить, постукивают (довольно громко) по деревяшкам.

В зале непривычная тишина, только урчат кондиционеры. За столами квалификационная комиссия. В каратэ существует десять данов, или разрядов. Председатель — сенсей — обладатель 7-го дана, члены — обладатели 3, 4-го данов. Сенсей — ученик самого Фунакоши. За все время обучения я впервые слышу его голос. Несмотря на обращение к нему на весьма сносном японском, отвечает он, невообразимо перевирая слова, по-английски. Этим он хочет подчеркнуть свое недоверие. Сенсей — ученик старой школы, когда считалось, что только японец может усвоить приемы каратэ.

Сенсей делает знак ассистенту, и тот передает долгожданный пояс 1-го дана. Теперь еще должно последовать утверждение федерации каратэ, но это простая формальность.

Однако предстоит еще одна неприятная процедура. Всех специалистов по каратэ, начиная с 1-го дана, в обязательном порядке регистрирует полиция.

Итак, у вас 1-й дан. Что же дальше? Если вы решите продолжить занятия, то увидите, как сменится к вам отношение. Во-первых, группа сократится до 10—12 человек, во-вторых, тренировки будет вести сам сенсей. И наконец, тренироваться можно два-три раза в неделю всего по полтора-два часа. Плата за занятия уменьшается в несколько раз; некоторые даже не платят совсем... В чем же дело? Все объясняется очень просто. Каждый спортсмен, начиная с 1-го дана, имеет право участвовать в соревнованиях. При этом обязательно объявляется название школы. Великолепная реклама! Если спортсмен победит, то название школы объявляют еще раз.

Во время крупных соревнований городская жизнь замирает — вся Япония сидит у телевизоров. В эти дни по нескольким каналам показывают только соревнования.

...Противники располагаются друг против друга на ковре на расстоянии 3—4 метров, обычно на коленях, иногда стоя. Арбитр командует: «Хаджиме!» — и спортсмены бросаются друг к другу.

Но тут предвкушающих кровавое зрелище ожидает разочарование. Согласно 26-му пункту действующих международных правил запрещается наносить или имитировать удары в жизненно важные центры, наносить удары пальцами. Победа присуждается по очкам. «Условный удар» фиксируется судейской коллегией при легком касании противника рукой или ногой. «Условная атака» — при осуществлении определенного числа шагов вперед, заставив тем самым отступить противника. Схватка проходит корректно и спокойно. Если спортсмен потеряет самообладание, то немедленно будет отстранен от соревнований. Спортсмен же, нанесший один-единственный опасный удар, рискует пожизненной дисквалификацией. Ведь каратэ, как вы помните, означает в переводе «пустая рука». У спортсмена она должна быть прежде всего «чистой рукой».

Р. КАЦЕНБОГЕН

Д ень за днем, с ритмичным постоянством на Земле вершатся обыденные явления природы: тишину сменяет ветер, жару — холод, солнце — дождь (или снег). Необычное так редко врывается в будни, что производит впечатление какой-то поломки атмосферного механизма, подчас ужасной, но вроде бы гораздо менее влияющей на монотонный ход географической и геологической истории земного шара, нежели привычные смены погоды. По крайней мере в учебниках геологии и географии подробно описана преобразующая лик планеты работа солнца, дождя и ветра, а о роли бурных событий атмосферы если и сказано, то бегло, как о чем-то второстепенном.

Так ли это на самом деле? Такой вопрос позволяет задать новое монографическое исследование видного советского ученого академика Д. В. Наливкина «Ураганы, бури и смерчи».

В. ДРУЯНОВ

АНАТОМИЯ БУРЬ

МИР НЕИСТОВЫХ СИЛ

„Мир неистовых сил, мир неотвратимой гибели, мир с энергией трех атомных бомб в секунду» — вот образ тропического урагана, данный французским исследователем Молэном.

Он соответствует действительности.

Ураганы возникают над океаном, там они главным образом и свирепствуют. Суша для них гибельна — здесь они быстро слабеют, распадаются, гаснут. Их воистину можно назвать буйными детьми моря.

Издали ураган кажется громадной черной тучей, которая на деле является сложной системой облаков. В центре системы давление понижено, там находится «глаз бури» — колоссальная, открытая солнцу воронка, чьи стенки вращаются с бешеной скоростью.

У атлантических ураганов средний диаметр зоны неистовых ветров составляет 150 километров (само «поле» урагана еще шире). У тихоокеанских тайфунов поперечник равен 500—600 километрам. Мчатся они со скоростью хорошего автомобиля. «Чем дальше от них, тем лучше» — вот рекомендация морякам, которую может им дать современная наука.

«Колыбелей» тропических ураганов всего четыре. Это прежде всего Желтое море, затем Карибское (и Мексиканский залив); меньше ураганов рождается в Индийском океане и у берегов Северной Австралии, Новой Гвинеи. Внетропические ураганы отличаются от тропических преимущественно большим диаметром и большей частотой возникновения. Разрушительная деятельность как тех, так и других огромна.

Среди всех ураганов, прогремевших на Земле за последние триста лет, название «Великого» до сих пор сохраняет ураган 1780 года, который особо постарался на Вест-Индских островах. Английский адмирал Родней сообщал, в частности, что тяжелые пушки, будто щепки, были отброшены ветром более чем на сто футов от того места, где они находились. «Великий» ураган унес 20 тысяч жизней... В ноябре прошлого года ураган небывалой силы обрушился на прибрежные районы Бенгальского залива. Мощная волна высотой с пятиэтажный дом прошла над цепью густонаселенных островов. Это был самый сильный ураган в районе Бенгальского залива, который так богат природными катастрофами, за последние двести лет.

«Ветер, который бьет» — так дословно переводится слово «тайфун». Один из тайфунов в конце второй мировой войны разметал по океану американскую эскадру, потопив при этом два эсминца.

Ураганы и влекомые ими волны резко меняют облик побережий. Так, после урагана, который обрушился на берега Новой Англии в 1938 году, власти предупредили всех, что старым географическим картам больше нельзя верить. География громадного участка побережья изменилась тогда буквально на глазах.

Ничего удивительного в этом нет, потому что энергия крупного урагана эквивалентна энергии свыше десяти тысяч мегатонных ядерных бомб! Десять миллионов тонн воды поднял в воздух печально известный взрыв американской бомбы в Бикини. Ураган, однажды случившийся в Пуэрто-Рико, поднял в небо два с половиной миллиарда тонн воды.

ВОЗДУШНЫЕ НАСОСЫ

Ураганы многократно описаны в морской и приключенческой литературе; их близким родственникам — смерчам повезло меньше.

Смерч порождают вихревые образования в облаках, которые, по существу, являются маленькими ураганами. Смерч как бы свешивается из материнского облака в виде гигантской вращающейся воронки. Там, где ее конец касается земли, начинается что-то невообразимое.

«Большой лохматый конец воронки повис прямо над моей головой. Из конца воронки шел скрипящий, шипящий звук. Я взглянул вверх и, к своему удивлению, увидел само сердце смерча. В его середине была полость диаметром 30—70 метров, шедшая кверху на расстояние около километра...» — так описывает смерч один из очевидцев.

Во внутренней полости смерча давление всегда понижено, поэтому туда засасываются любые предметы. Запертый дом в Пенсильвании (США) буквально взорвался при касании смерча; из керосиновых ламп был высосан керосин, а куры во дворе оказались ощипанными. Последнее, правда, произошло скорей всего вот по какой причине. Куриные перья удерживаются в воздушных мешочках кожи. Попав в зону пониженного давления, мешочки начинают взрываться и выбрасывать перья. Особенно часто непредусмотренное ощипывание кур происходит в центральных штатах Северной Америки, где разгул смерчей особенно силен. При этом куры иногда остаются живыми.

Однажды была найдена курица, оголенная с одной стороны. Видимо, воронка смерча лишь коснулась ее. И значит, граница между смерчем и неподвижным воздухом составляла всего несколько сантиметров!

«Чистая работа» смерчей подтверждена многократно. Исчезли две лошади и оглобли, а фермер на телеге остался. Улетела корова — ведро, полное молока, не расплескалось. У автомобиля были вырваны два колеса — стоящая рядом керосиновая лампа даже не мигнула.

Резкая граница смерча возникает благодаря большой, иногда сверхзвуковой скорости вихря. Известны случаи, когда соломинки мчались так быстро, что протыкали дерево. В столь необычное поведение вещества трудно поверить, но факты заставляют сделать это.

Стоит также упомянуть о «фокусах» смерча, который в 1953 году пронесся над Ростовом. В одном доме он снял с подушки наволочку; зато в другом месте он поднял в воздух автомобильную раму весом в тонну. В доме на Февральской улице смерч протащил через кухню, коридор и поставил на чердак будильник, который после этого работал как ни в чем не бывало.

Форма смерчей разнообразна. Наиболее часто встречаются коленоподобные и воронкообразные плотные вихри, которые видны издали и которые невозможно спутать ни с какими другими атмосферными явлениями. Изредка случаются змееподобные вихри. Самые большие разрушения приносят так называемые расплывчатые смерчи, имеющие подчас гигантские размеры. Их часто принимают за катящиеся по земле тучи. Ширина смерча Мэттун, промчавшегося в мае 1917 года по штатам Иллинойс и Индиана, равнялась пятистам километрам, тогда как диаметр обычных смерчей колеблется в интервале нескольких сотен метров — нескольких километров. Но еще более опасны группы смерчей, могущие поднять в воздух целые города.

Жизнь смерчей коротка, но у

них есть своя юность, зрелость и старость. Вот протокольная запись биографии типичного смерча. В 16 часов 30 минут на окраину города надвинулось грозовое облако; в его нижней части обозначился выступ. В 16 часов 35 минут воронка удлинилась и стала невидимой. Ее путь отмечали каскады пыли и сорванные крыши. В 16 часов 45 минут смерч оформился и достиг максимальной силы: он поднимал в воздух целые здания. В 16 часов 58 минут стало тихо. Известен, правда, смерч-долгожитель, прошедший 450 километров за 7 часов.

О транспортирующих возможностях смерчей мы пока не имеем точного представления. Смерч, разыгравшийся однажды в Канаде, понизил уровень озера на 60 сантиметров. Удалось подсчитать, что он засосал более полумиллиона тонн воды. Но предел ли это?

Знаменитый московский смерч 1904 года начал свою деятельность в Люблине, затем в Симоновом монастыре, Рогожском районе, Лефортове, где была уничтожена роща вековых деревьев. В Сокольниках он прорубил просеку шириной в 400 шагов. Вторая смерчевая воронка прошлась через Грайвороново, Карачарово, Измайлово и Черкизово. Один мальчик был поднят в воздух возле Мытищ и живым приземлился в Сокольниках. Тогда же стометровый перелет совершил один московский городовой.

Среди многочисленных американских смерчей особо выделяется Ирвингский — пожалуй, самый мощный из известных. Его силы хватило на то, чтобы скрутить в аккуратный сверток железнодорожный мост длиной 75 метров и утопить его в реке. Последнее из деяний Ирвингского смерча — перенос церкви в городе Даусон Миллс. Она поднялась, пролетела четыре метра и еще метра два ползла по земле, вырыв глубокую борозду. Прихожане остались целы.

Чемпион по числу смерчей — США. С 1916 по 1961 год их зарегистрировано там 11 053. Неоднократно они разрушали города — например, Данлоп и Толедо. На Русской платформе и вообще в Европе они более редки (80 смерчей за 60 лет в Англии). На экваторе и в приполярных областях их не видели ни разу. Почему? Точного ответа на этот вопрос нет и по сию пору.

Атмосферные явления, сопровождающие смерчи, всегда удивительны. Артиллерийская канонада, гудение миллионов пчел, грохот сотен поездов — так очевидцы описывают звуки, исходящие от вихрей. Их источником, по мнению специалистов, является вибрирующий воздух.

Огненные шары, молнии в воронке, непрерывное сияние, колонны огня, светящиеся облака, огненные потоки, вращающиеся световые потоки — эти свидетельства относятся уже к электрическому сопровождению смерчей. Один из зарубежных исследователей считает электрические силы даже не следствием, а причиной смерчей.

Нередко смерчи обрушивают ливень и град. В Техасе, например, в 1888 году градины, выпавшие из смерча, имели сорок сантиметров в поперечнике! Известен случай, когда вихрь вознес в небо пятерых планеристов, которые хотели спастись от него на парашюте. Их затащило вверх, где они погибли, превратившись в большие градины. Лишь одному удалось спастись.

Иногда встречаются особые виды смерчей — невидимые, водяные и огненные. Первые обычно бывают в начальной стадии. Позже, когда в них попадают пыль и песок, невидимки обнаруживают себя. Когда вихри захватывают воду, возникают водяные смерчи. Некоторые вулканы вдруг начинают выпускать дымовые кольца, подобные тем, которые выдувает опытный курильщик. Это сигнал: кольцо вулкана-курильщика может породить огненный смерч. Другие причины огненных смерчей — сильный пожар или взрыв.

ДЖИННЫ ГЕОЛОГИИ

Таков беглый и неполный эскиз катастрофических явлений земной атмосферы. Он, однако, дает представление о их силе и мощи. Ураганы, вихри, подобно сказочным джиннам, способны производить титаническую разрушительную работу.

Но в природе разрушительная работа неотделима от созидательной. За год на Земле возникает 100—120 ураганных тропических циклонов. Следовательно, за геологическую эпоху их наберется уже несколько миллиардов. Уже один этот подсчет заставляет предположить, что «редкий» и с точки зрения человека «случайный» процесс возникновения атмосферных катаклизмов играет в геологической истории далеко не случайную и не второстепенную роль. А тропическими ураганами, как мы видели, дело не ограничивается.

На атлантическом побережье США небольшой по силе ураган вывалил на пляж толстый слой раковин. Будущие палеонтологи и геологи, попав на это место, найдут здесь отложения ракушечника. Как они объяснят их происхождение?

Д. В. Наливкин ставил вопрос следующим образом: оценивая происхождение тех или иных геологических образований, всегда ли мы вспоминаем о существовании «геологических джиннов», которые в считанные минуты способны изменить облик побережья? Весьма возможно, что это происходит далеко не всегда. Вода, сброшенная ураганами и смерчами на землю, оставляет после себя характерные следы — глинистые прослои со своеобразными знаками на поверхности, так называемыми «многоугольниками высыхания». Найдя такие прослои в древних отложениях, геолог автоматически объявляет их свидетельством засушливой климатической обстановки прошлого. Вывод, прямо противоположный истине в тех случаях, когда прослои возникли благодаря деятельности ураганов! Меж тем точные оценки климатической обстановки прошлого важны при поиске некоторых полезных ископаемых.

Древние ураганы оставляют в пластах и другого вида «автографы»: слои грубообломочного, неокатанного материала. Геологи и геоморфологи, однако, еще не умеют выделять в разрезах те отложения, которые появились в результате атмосферных катастроф.

Но это не все. Ботаников, зоологов, палеонтологов нередко поражает тот факт, что на разделенных большим водным пространством участках суши встречаются одни и те же виды растений и животных. Как они туда перенеслись? В этих случаях нередко домысливаются перемычки суши, которые то появлялись, то исчезали, время от времени образуя «мосты» между континентами и островами. Делаются также попытки объяснить переселение растений и животных с помощью океанических и воздушных течений.

Все это, безусловно, так: ветры, океанические течения, бесспорно, способствуют расселению жизни, перемычки в отдельных

случаях также могли возникать. Но и здесь нередко слабо учитывается транспортирующая роль ураганных движений атмосферы. Их роль меж тем очень значительна. Однажды на судно, находившееся в двух тысячах километров от Африки, опустилась влекомая ураганом туча саранчи. В 1954 году на берегах США очутились тропические раковины весом до трех килограммов! Как потом выяснилось, их с расстояния 1500 километров принес ураган «Газель». Тогда же был обнаружен кубок из черного дерева с надписью «Сделано в Гаити». Ураган сам рассекретил свой маршрут.

«Лягушек выпало так много, что когда жители увидели, что во всем, что они варят и жарят, и в воде для питья есть лягушонок, что нельзя поставить ногу на землю, не раздавив лягушку,— они бежали». Это описание результата деятельности смерча составлено за 200 лет до нашей эры. Смерч, как и ураган, транспортирует птиц, рыб, земноводных, крыс — буквально всех мелких животных, и многие из них нередко остаются в живых. Правда, радиус действия смерча невелик, зато у урагана, как мы убедились, он огромен. Теоретически, так сказать, с учетом «пересадок» ураганы могут занести жизнь куда угодно. Для этого необходимо редкое сочетание особо благоприятных условий? Верно. Но тут действует закон больших чисел: не стоит забывать, что миллион лет для эволюционной истории жизни — совершеннейший пустяк. Какое, однако, невообразимое число ураганов происходит за это время! Таковы выводы, которые частично сделаны в монографии Д. В. Наливкина, а частично вытекают из систематизированного им материала. Безусловно одно: нельзя правильно познать геологическую, географическую, зооботаническую историю земного шара без учета существенной роли, которую играли в ней бурные возмущения нашей атмосферы. Д. В. Наливкин это доказал.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПОКОРИТЬ

Напрашиваются, однако, и некоторые другие, не связанные с геологией выводы. Человек все еще бессилен предотвратить смерч или ураган, когда тот ему угрожает. Но такое положение будет длиться не вечно.

Сеть метеостанций и метеорологических спутников дает возможность предвидеть приход урагана на побережье. Близко время, когда предупреждение будет поступать во всех без исключения случаях.

Но этого мало. Люди по вполне понятным причинам хотят овладеть и этой стихией не только затем, чтобы вовремя укрощать смерчи и ураганы. Чем плоха такая идея: искусственный, управляемый смерч, который транспортирует воду вместо каналов и трубопроводов? Сегодня эта идея, безусловно, выглядит фантастичной, но технически она вполне реальна. Точно так же, как и идея использования ураганов для изменения метеорологической обстановки на обширной территории, например в засушливый период.

По свидетельству зарубежной печати, в недрах работающих на Пентагон научно-исследовательских центров США рождаются проекты создания искусственных ураганов, которые можно было бы обрушить на противника. О таких проектах не хочется говорить и писать, но приходится. Таков современный мир. Иное дело осуществление подобных проектов для дела мира: их значение трудно переоценить.

Конечно, искусственные ураганы, управление ими — дело не столь уж близкого будущего. По понятным причинам изучение их сопряжено со многими трудностями, а без должного познания катастрофических явлений природы не может быть и речи об овладении ими. Здесь тем не менее наметился сейчас перелом. Смерч уже удается получить искусственно с помощью метеотронов — нефтяных форсунок, дающих огромный столб пламени. Во время одного из опытов в Сахаре сорок метеотронов образовали гигантский огненный столб, который затем превратился в настоящий смерч. Академик Д. В. Наливкин справедливо отмечает, что подобное моделирование атмосферных катастроф может сильно продвинуть нас в исследовании их природы. Оно заметно приближает нас к тому времени, когда человек сможет обуздать ураган, подобно тому как он уже обуздал град.

ПОД УГРОЗОЙ ПОТОПА

Ежегодно с приближением весны лондонцы все чаще с тревожным ожиданием поднимают головы к небу. Причина такого странного поведения объясняется боязнью... дождя. Да, да, того самого традиционного британского дождя. Дело в том, что хотя Лондон и находится в 80 километрах от Северного моря, ему тем не менее с каждым годом все больше грозит опасность наводнения.

В итоге многолетних наблюдений было установлено, что верхняя отметка уровня Темзы в районе Лондона неуклонно повышается в весенние месяцы. Выяснилось и другое малоутешительное обстоятельство: каждые сто лет юго-восточная часть Англии, где расположен Лондон, погружается на 30 сантиметров в воды Северного моря. Это, в свою очередь, увеличивает вероятность высоких приливов. Стоит одному из них совпасть по времени с проливными дождями в период весеннего паводка, и катастрофа для Лондона неминуема. Во всяком случае, как заявил парламентский секретарь министерства жилищного строительства и местного самоуправления Фрисон, наводнение может вызвать значительные человеческие жертвы и причинить материальный ущерб до миллиарда фунтов стерлингов. Он даже уточнил, что сейчас один миллион двести тысяч лондонцев проживают в кварталах, которые уже затопляли воды Темзы, и около миллиона пятисот тысяч человек ежедневно приезжают туда на работу. Кроме того, в случае наводнения некоторые линии метро могут превратиться в ловушку для многих тысяч пассажиров.

Природа уже делала лондонцам весьма серьезные предупреждения. Дважды — в 1928 и 1953 годах — Темза, дожди и высокие приливы превращали Лондон в «британскую Венецию». В первом случае был затоплен центральный район города — Вестминстер, причем сильно пострадали крепость Тауэр и музей изобразительных искусств — галерея Тэйт. В 1953 году приливная волна высотой около двух с половиной метров, вошедшая в устье Темзы, унесла с собой более 300 человеческих жизней.

Можно ли бороться со стихией или же лондонцам остается лишь уповать на счастливый случай? Оказывается, можно. Английские ученые разработали проект дамбы на Темзе. Были даже проведены успешные опыты по защите Лондона и его окрестностей от наводнения на большом макете этой дамбы. Наконец, совет большого Лондона внес предложение о строительстве дамбы на рассмотрение парламента. Факт этот, сам по себе отрадный, отнюдь не ликвидировал тревогу, с которой жители британской столицы по весне поглядывают на небо: ведь для сооружения преграды от наводнения нужно минимум семь лет, а ливень может разразиться в любой момент.

Т. Л. ШЕРРЕД

Фантастический памфлет

«Рим» вышел на экраны точно по плану, и рецензии опять были доброжелательными. Хотя «доброжелательные», пожалуй, не то слово для определения отзывов, благодаря которым очереди за билетами растягивались на несколько кварталов. Мэрс организовал отличную рекламу. Даже те газеты, которые позже преисполнились самой дикой злобы, тогда клюнули на словечко Мэрса «колдовство» и всячески рекомендовали своим читателям посмотреть «Рим». В нашей третьей картине «Пламя над Францией» мы исправили некоторые неверные представления о Великой французской революции и наступили на несколько любимых мозолей. К счастью (а не только по нашим расчетам), во Франции в тот момент у власти было либеральное правительство, которое оказало нам всемерную поддержку. По нашей просьбе оно опубликовало ряд документов, до той поры тихо дремавших в хранилищах Национальной библиотеки в удобном забвении. Я забыл имя очередного извечного претендента на французский трон. Однако я убежден, что он подал на нас с Майком в суд, протестуя против диффамации славной династии Бурбонов, только по наущению одного из вездесущих агентов Мэрса. Адвокат, которого для нас раздобыл Джонсон, довел дело до процесса и сделал из бедняги фарш — претендент не получил ни гроша возмещения. Сэмуэлс, адвокат, и Мэрс огребли премиальные, а претендент отбыл в Гондурас.

Примерно тогда же начал изменяться тон прессы. До той поры нас рассматривали как нечто среднее между Шекспиром и владельцем ярмарочного балагана. Но теперь, когда на свет начали извлекаться давно забытые неприятные факты, несколько заядлых пессимистов принялись намекать, что мы весьма вредоносная парочка. «Кое в чем не стоило бы копаться».

Все время, вплоть до «Пламени над Францией», мы с Майком, хотя и работали вместе, ставили перед собой разные конечные цели Майк помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны. Он постоянно повторял: «Войны свели почти всю историю человечества к одним только усилиям выжить. А теперь, получив в свои руки атом, оно располагает средством вовсе себя уничтожить. И если в моих силах сделать что-то, что поможет предотвратить катастрофу, я это сделаю, Эд, клянусь богом! Иначе и жить незачем. И это не пустые слова».

Да, это были не пустые слова. Он рассказал мне о своей заветной цели в первый же день нашего знакомства. Тогда я решил, что он просто расфантазировался с голодухи. Мне его аппарат казался всего лишь средством достижения личных благ. И я думал, что и он вскоре станет на мою точку зрения. Но я ошибся.

Когда живешь и работаешь бок о бок с хорошим человеком, невольно начинаешь восхищаться качествами, которые и делают

Окончание. Начало в № 1 за 1971 год.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

его хорошим. И невольно тебя начинают тревожить беды человечества. Во всяком случае, так произошло со мной. Когда я понял, каким чудесным мог бы стать без предательства и войн наш мир, победила точка зрения Майка. Произошло это, кажется, пока мы работали над «Пламенем», но точное время роли не играет. Важно то, что с этого момента между нами уже не было никаких разногласий и спорили мы только о том, когда именно устроить перерыв на обед. Большую часть свободного времени, которого у нас было немного, мы проводили за бутылкой пива у аппарата, бродя наугад по разным эпохам.

Мы побывали вместе повсюду и посмотрели все. То мы знакомились с фальшивомонетчиком Франсуа Вийоном, то отправлялись бродить по ночам с Гаруном аль-Рашидом (этот беззаботный калиф, бесспорно, родился на несколько сот лет раньше, чем ему следовало бы). А если настроение у нас было скверным, мы могли, например, следить за событиями Тридцатилетней войны. Майк снова и снова, завороженный ужасом, наблюдал гибель Атлантиды — наверное, потому, что он опасался, как бы что-нибудь подобное не повторилось еще раз. А стоило мне задремать, и он возвращался к началу начал — к возникновению нашего мира.

Следующие две картины мы выпустили одну за другой — «Свободу американцам» — про войну за независимость и «Братья и пушки» — про войну Севера с Югом. И сразу каждый третий политикан, множество так называемых «просветителей» и все патриоты-профессионалы возжаждали нашей крови. Все местные отделения «Дочерей американской революции», «Сыновей ветеранов Севера» и «Дочерей Конфедерации»[1] единодушно заскрежетали зубами. Юг совсем взбесился. Все штаты крайнего Юга и один пограничный безоговорочно запретили демонстрацию обоих фильмов — второго потому, что он был правдив, а первого просто за компанию. Они оставались под запретом, пока в дело не вмешались профессиональные политиканы. Тогда запрет был снят, и оба фильма без конца цитировались в речах соответствующих ораторов как ужасные примеры того, во что верят и какие взгляды исповедуют некоторые личности. Это был прекрасный предлог ударить в барабаны расовой ненависти.

Новая Англия попыталась было сохранить достоинство, но надолго ее не хватило. В штате Нью-Йорк депутаты сельских округов дружно проголосовали за запрещение фильмов во всем штате. И в Делавэр, где законодательному собранию некогда было заниматься изданием нового закона, пришлось пустить дополнительные поезда. Вызовы в суд по обвинению в клевете посыпались на нас градом, но, хотя каждый новый иск вручался нам под гром фанфар, почти никто не знает, что мы не проиграли ни одного дела. Правда, нам раз за разом приходилось апеллировать к высшим инстанциям, однако, когда дело попадало к судье, не заинтересованному в нашем осуждении, документы, сохранившиеся в архивах, неизменно подтверждали истинность того, что мы демонстрировали на экране.

Мы таки высыпали на воспаленную гордость, привыкшую чваниться славными деяниями предков, изрядную горсть соли! Мы показали, что далеко не все власть имущие могли похвастаться незапятнанной белизной своих одежд и что в войне за независимость далеко не все англичане были хвастливыми наглецами, но что они не были и ангелами. В результате Англия наложила запрет на ввоз этих двух фильмов и представила государственному департаменту возмущенный протест. Зрелище того, как конгрессмены южных штатов в полном единодушии с конгрессменами Новой Англии одобряют призывы посла иностранной державы к подавлению свободы слова, было очень потешным. В Детройте ку-клукс-клан зажег у нашего подъезда довольно дохленький крест, а такие организации, как «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения», выносили весьма лестные для нас резолюции. Наиболее злобные и непристойные письма мы передавали нашему адвокату, но к югу от Иллинойса ни один из их авторов осужден не был.

Постепенно и незаметно складывалось и крепло убеждение, что подобные вещи действительно происходили и могут произойти снова, а возможно, и происходят в эту самую минуту, потому что извращение истины слишком долго воздействовало на психологию нации. Мы были рады, что все большее число людей приходит к выводу, к которому пришли мы сами: прошлое надо не забывать, а понять и оценить беспристрастно. Именно этого мы и добивались.

Запрещение фильмов в некоторых штатах почти не повлияло на чистую прибыль, которую они принесли, а потому в глазах Джонсона мы были полностью оправданы. Ведь он уныло предсказывал полный их провал, так как «в кино нельзя говорить правду. Это вам с рук не сойдет, если зал вмещает больше трехсот человек».

Пока все складывалось так, как мы хотели. Наша известность достигла зенита — никогда еще никого не хвалили и не ругали с таким жаром на страницах газет. Мы были сенсацией дня. С самого начала мы старались обзаводиться врагами в правых кругах, которые способны дать сдачи. Помнишь старое присловье, что человек познается по своим врагам? Ну, короче говоря, шумная известность была водой на нашу мельницу. И мы засучили рукава.

Я позвонил Джонсону в Голливуд. Он обрадовался.

— Что-то мы давно не виделись! Ну что, Эд?

— Мне нужны люди, которые умеют читать по губам. И не позже вчерашнего дня, как ты выражаешься.

— Читать по губам? Это еще зачем?

— Я спрашиваю: можешь ты их найти?

— По-моему, ты переутомился, — ответил он с сомнением.

— Лучше запиши. Готов? Мне нужны чтецы по губам для следующих языков: английского, французского, немецкого, японского, греческого, фламандского, голландского и испанского.

— Эд Лефко! Ты совсем сошел с ума или еще нет?

Пожалуй, моя просьба и в самом деле могла показаться странной.

— Может быть, и сошел. Но эти мне нужны в первую очередь. Если отыщутся специалисты по другим языкам, хватай и их. Они тоже могут понадобиться.

Он разозлился.

— Где, по-твоему, я их возь-

[1] Реакционные общественные организации в США, в задачу которых, в частности, входит «поддержание истинного патриотизма».

му? Вытащу из собственной шляпы или как?

— Это твое дело. Советую начать с местной школы для глухонемых.

Он ничего не ответил.

— И пойми одно: я говорю совершенно серьезно. Мне все равно, как ты их разыщешь и во что это обойдется, но мне нужно, чтобы чтецы по губам ждали нас в Голливуде, когда мы туда приедем, или, во всяком случае, были бы уже в дороге.

— А когда вы приедете?

— Дня через два. Нам еще нужно закончить тут кое-какие дела.

Джонсон принялся проклинать все на свете, и я повесил трубку.

Майк ждал меня в студии.

— Ты говорил с Джонсоном?

Я пересказал ему наш разговор, и он засмеялся.

— Наверное, это действительно производит впечатление бреда. Но если такие специалисты существуют и не прочь заработать, он их разыщет.

Я бросил шляпу в угол.

— Слава богу, с этим покончено. А как дела у тебя?

— Все готово. Кинопленки и заметки отправлены, фирма по продаже недвижимости присылает сюда своего агента завтра.

Я откупорил бутылку пива.

— А как наш архив? И винный погреб?

— Архив отправлен в банк на хранение. Винный погреб? О нем я не подумал.

— Распорядись упаковать бутылки и отошли их Джонсону.

Мы оба расхохотались.

— Идет! Ему нужно будет успокаивать нервы.

— А это? — я кивнул в сторону аппарата.

— Повезем с собой в самолете. — Он внимательно посмотрел на меня. — Что с тобой? Нервничаешь?

— Немножко.

Мы погрузили аппарат в машину, оставили ключи от студии в бакалейной на углу и поехали в аэропорт.

В кабинете Джонсона нас ждал ледяной прием.

— Ну, если это была шуточка!.. Где, по-вашему, можно найти людей, которые читают по губам японский? Или даже греческий, если уж на то пошло?

Мы все сели.

— Ну, что у тебя есть?

— Кроме головной боли? Вот, — он протянул мне короткий список.

— И когда ты их доставишь сюда?

— Когда я доставлю их сюда! — взорвался Джонсон. — Что я — ваш мальчик на побегушках, что ли?

— По сути, конечно. Перестань валять дурака. Ну так как же?

Мэрс взглянул на лицо Джонсона и хихикнул.

— Ты-то что ухмыляешься, кретин?

Мэрс не выдержал и захохотал. Я тоже.

— Валяйте смейтесь! Ничего смешного тут нет. Когда я позвонил в школу глухонемых, они просто повесили трубку. Решили, что я их разыгрываю. Ну ладно, об этом не будем. У меня в этом списке три женщины и один мужчина. Это дает вам английский, французский, немецкий и испанский. Двое живут в восточных штатах, и я жду ответа на телеграммы, которые им послал. Третий живет в Помоне, а четвертая работает в Аризонской школе для глухонемых. Больше мне ничего найти не удалось.

Мы обдумали положение.

— Садись за телефон. Обзвони все штаты, а если нужно — свяжись с Европой.

Джонсон пнул ножку письменного стола.

— Ну; предположим, мне повезет. Но зачем все-таки они вам нужны?

— Тогда и узнаешь. Ставь условием, чтобы они вылетали сюда немедленно. Кроме того, нужен просмотровый зал — не твой. И хороший судебный стенографист.

Он воззвал ко всем добрым людям — что у него за жизнь!

— Мы будем в отеле, — сказал я и повернулся к Мэрсу.

— Пока держите репортеров на расстоянии, но позднее у нас будет для них кое-что.

С этим мы ушли.

Джонсону так и не удалось отыскать никого, кто мог бы читать с губ греческий. Во всяком случае, такого специалиста, который говорил бы при этом еще и по-английски. Однако он снесся со специалисткой по фламандскому и голландскому языкам в Лейдене и в последнюю минуту нашел в Сиэтле японца, который работал там в консульстве. Всего, таким образом, мы могли рассчитывать на четырех женщин и двух мужчин. Они подписали с нами непробиваемый контракт, составленный Сэмуэлсом, который теперь вел все наши дела. Перед тем как они подписали контракт, я произнес небольшую речь:

— Весь следующий год ваша жизнь будет определяться этим контрактом, причем он содержит пункт, позволяющий нам продлить срок его действия еще на год, если мы сочтем это нужным. Давайте сразу же поставим все точки над «i». Вы будете жить в загородном доме, который мы для вас снимем. Фирмы, которым будем платить мы; обеспечат вас всем необходимым. Любая попытка сообщения с внешним миром без нашего ведома приведет к автоматическому аннулированию контракта. Вам это ясно? Отлично. Работа будет нетрудной, но она чрезвычайно важна. Вероятнее всего, вы кончите ее месяца через три, но вы будете в любой момент обязаны отправиться туда, куда мы сочтем нужным, — естественно, за наш счет. Ваши рекомендации и ваша прошлая работа были тщательно проверены, и вы будете находиться под постоянным наблюдением. Вам придется выверять, а возможно, и официально подтверждать каждую страницу, если не каждую строку, стенографических записей, которые будет вести мистер Соресон, здесь присутствующий. Кстати, мистер Соресон, все вышесказанное относится и к вам. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Им предстояло получить сказочное вознаграждение, и все они сочли нужным показать, что они это ценят. Контракт был подписан.

Джонсон купил для нас небольшой пансион, и мы платили бешеные деньги детективному агентству, обеспечивавшему нас поварами, уборщицами и шоферами. Мы поставили условие, чтобы наши чтецы по губам не обсуждали свою работу между собой и воздерживались от каких-либо упоминаний о ней в присутствии прислуги, и они точно следовали нашим инструкциям.

Примерно месяц спустя мы созвали совещание в просмотровом зале Джонсона. У нас была готова одна-единственная катушка фильма.

— Ну, в чем дело?

— Сейчас вы узнаете причину всей нашей мелодраматической таинственности. Киномеханика не зовите. Эту ленту прокручу я. Посмотрите, как она вам покажется.

— До чего мне надоели эти детские штучки! — сказал Кеслер, выражая всеобщее раздражение.

Открывая дверь проекционной, я услышал, как Майк ответил:

— Не больше, чем мне!

Из проекционной мне был виден только экран. Я прокрутил фильм, перемотал ленту и вернулся в зал.

— Прежде чем мы продолжим разговор, — сказал я, — прочтите вот эту нотариально заверенную запись того, что говорили персонажи, которых вы сейчас видели. Их слова читались по движению губ.

Раздавая экземпляры стенограммы, я добавил:

— Кстати, они, строго говоря, не персонажи, а вполне реальные люди. Я показал вам документальный фильм. Из стенограммы вы узнаете, о чем они говорили. Читайте. Мы с Майком привезли для вас еще кое-что. Пока мы принесем это из машины, вы успеете прочесть все.

Майк помог мне внести аппарат в зал. Когда мы открыли дверь, Кеслер как раз швырнул стенограмму в экран. Листки рассыпались по полу, а он крикнул в ярости:

— Что здесь, собственно, происходит?

Не обращая внимания ни на него, ни на остальных, мы установили аппарат возле ближайшего штепселя.

Майк вопросительно поглядел на меня.

— Ты что-нибудь предложишь?

Я покачал головой и попросил Джонсона заткнуться на несколько минут. Майк открыл крышку и после секундного колебания начал настройку. Толчком в грудь я усадил Джонсона в его кресло и погасил свет. Джонсон, глядя через мое плечо, ахнул. Я услышал, как Бернстайн негромко выругался от изумления. Я обернулся посмотреть, что показывает им Майк.

Это действительно производило впечатление. Майк начал над самой крышей лаборатории и продолжал стремительно подниматься в воздух все выше, пока Лос-Анджелес не превратился в крохотное пятнышко где-то внизу, в неизмеримой дали. На горизонте встала зубчатая линия Скалистых гор. Джонсон вцепился мне в локоть.

— Что это? Что это?! Хватит! — выкрикнул он.

Майк выключил аппарат.

Ну, ты можешь легко догадаться, что произошло дальше. Сначала они не верили ни своим глазам, ни терпеливым объяснениям Майка. Ему пришлось дважды снова включить аппарат и забраться довольно далеко в прошлое Кеслера. Тут они поверили.

Мэрс курил без передышки, Бернстайн нервно крутил в пальцах золотой карандашик, Джонсон метался по залу, как тигр по клетке, а Кеслер сидел, молча уставившись на аппарат. Джонсон, не переставая, что-то бормотал себе под нос. Потом он остановился и потряс кулаком перед носом Майка.

— Черт побери! Ты отдаешь себе отчет, что такое эта штука? Зачем вам понадобилось тратить время на эти фильмы? Вы же можете взять за горло весь мир! Если бы я знал...

— Эд, да объясни же ему! — воззвал ко мне Майк.

Я объяснил. Не помню, что именно я говорил. Да это и неважно. Во всяком случае, я сказал ему, как мы начали, какие планы наметили и что собираемся делать теперь. В заключение я сообщил, как мы собираемся использовать ленту, которую они только что видели.

Джонсон отскочил, как ужаленный змеей.

— Это вам с рук не сойдет! Вас повесят... если только прежде не линчуют!

— Конечно, но мы готовы рискнуть.

Джонсон вцепился в свои редеющие волосы. Мэрс вскочил и подошел к нам.

— Это действительно так? Вы действительно намерены снять такой фильм и показать его всему миру?

— Вот именно, — кивнул я.

— И лишиться всего, чего вы добились?

Мэрс повернулся к остальным:

— Нет, он не шутит.

— Ничего не выйдет, — сказал Бернстайн.

Начался бестолковый спор. Я пытался доказать им, что мы избрали единственно возможный путь.

— В каком мире вы предполагаете жить? Или вам просто надоело жить?

— А сколько, по-вашему, нам останется жить, если мы сделаем такой фильм? — пробурчал Джонсон. — Вы ненормальные. А я нет. И не стану совать голову в петлю.

— Может быть, вы правы, а может быть, нет, — сказал Мэрс. — Может быть, вы свихнулись, а может быть, свихнулся я. Но я всегда говорил, что в один прекрасный день поставлю на карту все. А ты, Берни?

Бернстайн сказал скептически:

— Вы все видели, что принесла последняя война. Может быть, это и поможет. Я не знаю. Но попробовать надо. Считайте, что я с вами.

— Кеслер?

Он повертел головой:

— Детские штучки! Кто собирается жить вечно? Кто согласится упустить такой шанс?

Джонсон поднял руки.

— Будем надеяться, что нас запрут в одну палату. Уж сходить с ума, так сходить всем.

Вот так.

Мы взялись за работу, охваченные порывом надежды. Через четыре месяца чтецы по губам кончили свою часть. Тут незачем рассказывать, как они относились к тому динамиту, который ежедневно Соренсон заносил на бумагу под их диктовку. Ради их же душевного спокойствия мы не сообщили им, что намерены сделать с записями, а когда они кончили, мы отослали их в Мексику, где Джонсон снял небольшое ранчо. Чтецы должны были нам еще понадобиться.

Пока копировщики трудились сверхурочно, Мэрс вообще не знал отдыха. Газеты и радио кричали о том, что премьера нашего нового фильма состоится одновременно во всех крупнейших городах мира. И это будет последняя картина, которую нам потребуется сделать. Слово «потребуется» приводило в недоумение и интриговало. Мы разжигали любопытство, отказываясь сообщить хоть что-нибудь о содержании. Премьера состоялась в воскресенье. А в понедельник разразилась буря.

Хотел бы я знать, сколько копий этого фильма сохранилось. Сколько копий избежало конфискации и сожжения. Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с нелестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны — тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто, лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы. Мы показали тайных предателей нашей страны и таких же предателей в стане наших про-

тивников — двуликих Янусов, до той поры не разоблаченных. Наши чтецы по губам поработали хорошо: это были уже не догадки, не предположения, основанные на разрозненных и искаженных сведениях, сохранившихся в архивах, а дела и слова, которые нельзя было ни замаскировать, ни отрицать.

В Европе фильм был снят с экранов в первый или во второй день. (Между прочим, Мэрс потратил сотни тысяч долларов на взятки, чтобы добиться выпуска фильма на экран без предварительной цензуры.)

Но там, где фильм запрещался или уничтожался, тут же появлялись письменные его изложения и начинался тайный показ контрабандно добытых копий.

У нас в Штатах федеральное правительство, вынужденное действовать под яростным нажимом прессы и радио, запретило какие бы то ни было демонстрации нашего фильма, чтобы «содействовать благополучию страны и обеспечить внутреннее спокойствие».

Мы в это время находились в Мексике, на ранчо, которое Джонсон снял для наших чтецов по губам. Джонсон нервно расхаживал по комнате — мы все слушали речь генерального прокурора Соединенных Штатов:

— «...и, наконец, сегодня мексиканскому правительству была направлена нота следующего содержания. Я зачитываю: «Правительство Соединенных Штатов просит о немедленном аресте и экстрадикции нижеперечисленных лиц:

Эдуарда Джозефа Левковича, известного как Лефко.

Мигеля Хосе Сапаты Лавьяды (Майк заложил ногу за ногу).

Эдварда Ли Джонсона (Джонсон швырнул сигару на пол и рухнул в кресло).

Роберто Честера Мэрса (Мэрс закурил сигарету. Его лицо подергивалось).

Бенджамина Лайонела Бернстайна (Он улыбнулся кривой улыбкой и закрыл глаза).

Карла Вильгельма Кеслера (свирепое ругательство).

Вышеуказанные лица подлежат суду по обвинениям, включающим преступный сговор, подстрекательство к мятежу, подозрение в государственной измене...»

Я выключил приемник и сказал, не обращаясь ни к кому в частности:

— Мексиканская полиция, вероятно, уже мчится сюда. Проще вернуться самим и поглядеть, чем все это кончится.

Мы вернулись. Агенты ФБР встретили нас на границе.

Я думаю, за нашим процессом следили газеты, радио и телевидение всего мира. К нам не допускали никого, кроме нашего адвоката. Сэмуэлс прилетел из Калифорнии, но ему удалось добиться свидания с нами только через неделю.

Наш процесс начался с обычных ушатов помоев, которые принято выливать на обвиняемых, чтобы представить их отпетыми негодяями. (Почтенные дельцы, которых мы когда-то шантажировали, давно уже получили назад все свои деньги, и теперь у них хватило здравого смысла промолчать, так что единственная по-настоящему неблаговидная история в нашем прошлом осталась суду неизвестной. Возможно, они опасались, что у нас сохранились кое-какие негативы.) Мы сидели в зале Дворца правосудия и с большим интересом слушали печальную повесть, которую излагал прокурор.

Мы преднамеренно и злокозненно оклеветали великих людей, которые бескорыстно и самоотверженно посвятили себя служению общественному благу; мы бессмысленно поставили под угрозу традиционно дружеские отношения с другими странами, извращенно излагая вымышленные события; мы издевались над мужеством и подвигом тех, кто славно пал на поле брани, и вообще смущали умы и сеяли смятение.

Каждое новое обвинение вызывало одобрительную реакцию солиднейшей публики, заполнившей зал, — высокопоставленные чиновники, влиятельные промышленники и финансисты, представители иностранных держав. На процесс смогли попасть даже далеко не все конгрессмены, и места были предоставлены только депутатам самых больших штатов. Как видишь, нашему защитнику пришлось выступать перед аудиторией, настроенной более чем враждебно. Однако Сэмуэлс наделен тем невозмутимым чувством юмора, которое обычно сопутствует глубочайшей уверенности в себе, и я не сомневаюсь, что ему нравилось стоять перед вершителями судеб нашей страны, зная, какой сюрприз их ждет. И он подвел под них мину с большим искусством. Начал он так:

— Мы считаем, что на подобные обвинения может быть только один ответ, и мы считаем, что одного ответа будет достаточно. Вы видели фильм, о котором идет речь. Возможно, вы заметили то, что было названо «поразительным сходством актеров с изображаемыми государственными деятелями», которые в фильме были названы своими действительными именами. Возможно, вы обратили внимание на жизненность всех деталей. Я еще вернусь к этому позже. Наш первый свидетель, я полагаю, сделает ясным, как именно мы намерены опровергать обвинения, выдвинутые прокурором.

Он вызвал первого свидетеля. Вернее, свидетельницу.

— Ваши имя и фамилия?

— Мерседес Мария Гомес.

— Ваше занятие?

— До прошлого года я была учительницей в Аризонской школе для глухонемых. Я учила глухорожденных детей говорить и читать по губам.

— А сами вы читаете по губам, мисс Гомес?

— Я с пятнадцати лет страдаю полной глухотой.

— Говорящих на каких языках вы способны понимать, мисс Гомес?

— На английском и испанском.

По просьбе Сэмуэлса был проведен судебный эксперимент: мексиканский офицер, личность которого была подтверждена послом его страны, находившимся среди публики, взял библию на испанском языке, ушел в глубину зала, открыл ее наугад и начал читать вслух. Хотя воцарилась мертвая тишина, до скамьи свидетелей, как могли убедиться прокурор и судьи, не доносилось ни звука. Сэмуэлс сказал:

— Мисс Гомес, возьмите, пожалуйста, бинокль и, если можно, повторите суду, что здесь читает этот офицер.

Она взяла бинокль и умело навела его на лицо офицера, который умолк и ждал сигнала, чтобы продолжать.

— Я готова, — сказала она.

Офицер возобновил чтение, и мисс Гомес громко, четко и уверенно начала говорить что-то непонятное — я испанского не знаю. Это продолжалось минуты две.

Затем офицер подошел к судейскому столу, и стенографистка прочитала запись слов мисс Гомес.

— Да, я читал именно это, — подтвердил офицер.

Сэмуэлс предложил обвинению допросить свидетельницу, но экс-

перименты, поставленные прокурором, только подтвердили, что она одинаково хорошо читает по губам и английскую и испанскую речь.

После мисс Гомес Сэмуэлс вызвал свидетелями и остальных наших чтецов по губам. После допроса председатель суда сказал, что в их квалификации он убедился, но не видит, какое отношение все это имеет к разбираемому делу. Сэмуэлс, сияя уверенной улыбкой, повернулся к нему:

— Благодаря снисходительности суда и вопреки усилиям уважаемого представителя обвинения мы доказали поразительную точность, с какой можно читать по губам и с какой, в частности, читают представленные суду свидетели. Свою защиту мы будем строить, исходя из этой предпосылки и еще из одной, которую до этого момента мы не считали нужным делать достоянием гласности, а именно — в фильме были сняты не актеры, а непосредственно те люди, которые названы в нем их полными именами и фамилиями. В этом фильме нет ни единого игрового кадра, он носит чисто документальный характер и представляет собой ряд эпизодов, действительно имевших место и снимавшихся на пленку непосредственно, а затем смонтированных наиболее выигрышным способом!

Зал изумленно зашумел, а прокурор растерянно выкрикнул:

— Это нелепость! Какая могла быть документальная съемка...

Не обращая внимания на шум и протесты, Сэмуэлс вызвал меня. После обычных предварительных вопросов мне было позволено дать объяснения так, как я хотел. Судьи, хотя и были настроены враждебно, вскоре так заинтересовались, что отклоняли все бесчисленные возражения, с которыми то и дело выступал прокурор. Насколько помню, я коротко изложил нашу историю и закончил примерно так:

— Выбрали же мы такой путь потому, что ни я, ни мистер Лавьяда не могли уничтожить его изобретение, так как оно все равно было бы неизбежно повторено. Мы не хотели и не хотим, чтобы этот аппарат секретно использовался нами самими или каким-нибудь узким кругом лиц в своекорыстных целях. — Тут я посмотрел на судью Бронсона, известного своими либеральными убеждениями. — Со времени последней войны все исследования в области атомной энергии ведутся под эгидой номинально гражданского органа, но в действительности — «под защитой и руководством» армии и флота. Эта «защита и руководство», как, несомненно, подтвердит любой компетентный физик, сводятся к дымовой завесе, за которой прячутся тупой консерватизм, глубочайшее невежество и бестолковость. Любая страна, если она, подобно нашей, по глупости положится на окостенелые формы милитаристского мышления, неизбежно должна отстать в развитии науки. Мы твердо убеждены, что даже малейший намек на потенциальные возможности открытия мистера Лавьяды при существующем в нашей стране режиме тут же привел бы к немедленной конфискации патента, который он попробовал бы взять на него. Вот почему мистер Лавьяда не захотел взять патент и не возьмет его. Он, как и я, считает, что такое открытие не может принадлежать одному человеку, группе людей или даже целой стране — оно должно принадлежать всему миру, всему человечеству. Мы знаем и готовы доказать, что внутренней и внешней политикой нашей страны руководят из-за кулис тайные группировки, которые ради личных целей извращают политические теории и пренебрегают человеческими жизнями.

В зале стояло тяжелое, полное ненависти молчание.

— Слишком долго секретные договоры и ядовитая лживая пропаганда определяли мысли и чувства простых людей; слишком долго украшенные орденами воры грели руки на самых высоких должностях. Аппарат мистера Лавьяды сделает предательство и ложь невозможными. И все наши фильмы были сняты ради достижения этой цели. Вначале нам нужны были деньги и известность, чтобы показать людям всего мира то, что, как мы знали, было истиной. Мы сделали все, что было в наших силах. А теперь бремя ответственности ложится уже не на нас, а на этот суд. Мы невиновны в измене, мы невиновны в клевете и обмане, мы невиновны ни в чем, кроме глубокого и искреннего желания служить человечеству. Мистер Лавьяда просил меня сообщить от его имени суду и всему миру, что его единственным желанием было передать свое открытие в руки всего человечества, но до сих пор он не мог этого осуществить.

Судьи молча смотрели на меня. Зрители замерли на своих стульях, от души желая, чтобы меня без дальнейшего разбирательства пристрелили на месте. Под блестящими мундирами прятался страх и кипела ненависть, а репортеры строчили в блокнотах наперегонки со временем. У меня от напряжения пересохло в горле. Эти две речи, которые Сэмуэлс и я отрепетировали накануне, были искрой в пороховом складе. Что последует теперь?

Сэмуэлс умело воспользовался паузой.

— С разрешения суда я хотел бы указать, что мистер Лефко выступил сейчас с некоторыми заявлениями. Да, поразительными заявлениями, но тем не менее они легко поддаются проверке, которая либо полностью подтвердит их, либо опровергнет. И она их подтвердит!

Он вышел и через несколько минут вкатил в зал аппарат. Майк встал. Публика была явно разочарована. Сэмуэлс остановился прямо против судей и чуть-чуть отодвинулся, заметив, что телеоператоры наводят на него свои камеры.

— Мистер Лавьяда и мистер Лефко покажут вам... Полагаю, обвинение не будет возражать?

Он явно провоцировал прокурора, и тот было встал, нерешительно раскрыл рот, но передумал и снова сел.

— С разрешения суда, — продолжал Сэмуэлс, — нам необходимо пустое пространство. Если судебный пристав будет так добр... Благодарю вас.

Длинные столы были отодвинуты. Сэмуэлс продолжал стоять на прежнем месте. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него, а он простоял так еще несколько секунд, а потом отошел к своему столу и сел, сказав официальным тоном:

— Мистер Лефко!

Теперь все взгляды сосредоточились на Майке, который молча встал возле аппарата. Я откашлялся и сказал:

— Судья Бронсон...

— Я вас слушаю, мистер Лефко.

— Ваша беспристрастность известна всем...

Он недовольно нахмурился.

— Не согласитесь ли вы послужить мишенью для аппарата, чтобы всякие подозрения о возможности обмана были заранее устранены?

Он подумал, а потом медленно наклонил голову. Прокурор по-

пробовал запротестовать, но его протест был отклонен.

— Не скажете ли вы, в каком месте и когда именно вы были? Так, чтобы вы сами помнили все точно и в то же время могли бы с уверенностью утверждать, что там не было ни посторонних свидетелей, ни скрытых камер.

Он задумался. Шли секунды. Минуты. Напряжение достигло предела. Наконец он сказал негромко:

— Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Одиннадцатое ноября.

Майк сделал мне знак, и я спросил:

— Какой-нибудь точный час?

Судья Бронсон посмотрел на Майка.

— Ровно одиннадцать часов. Час, когда было объявлено перемирие... — После небольшой паузы он добавил: — Ниагарский водопад.

Я услышал в полной тишине пощелкивание рукояток настройки, и Майк снова сделал мне знак.

— Необходимо погасить свет. Смотреть следует на левую стену. Во всяком случае, в ту сторону. Мне кажется, если бы судья Кассел немного подвинулся... Мы готовы.

Бронсон посмотрел на меня, а потом на левую стену.

— Я готов.

Люстры погасли. Телеоператоры раздраженно заворчали. Я тронул Майка за плечо.

— Ну-ка, покажи им, Майк!

Мы все в душе любим театральные эффекты, и Майк не составляет исключения. Внезапно ниоткуда возникли гигантские неподвижные каскады. Ниагара. Я услышал судорожные вздохи ужаса, когда прямо под нами разверзлась сверкающая бездна. Вниз, вниз, вниз, пока мы не оказались у самого края безмолвного водопада, жуткого в своем застывшем величии. Я знал, что Майк остановил время точно на одиннадцати часах. Он панорамировал на американский берег. Там стояло несколько туристов. Их замершие в самых неожиданных позах фигуры производили почти комическое впечатление. На земле белел снег, в воздухе висели снежные хлопья. Время остановилось.

Бронсон почти крикнул:

— Достаточно!

Молодая пара — она и он. Длинные юбки, широкая армейская шинель, они стояли лицом к лицу обнявшись. В темноте за-

шуршал рукав Майка, и они задвигались. Она плакала, а солдат улыбался. Она отвернулась, но он притянул ее к себе. Тут к ним подбежала другая пара, и все они весело схватились за руки.

— Довольно! — хрипло сказал Бронсон.

В зале вспыхнул свет, и несколько минут спустя заседание суда было отложено. С тех пор прошло больше месяца.

Аппарат Майка у нас забрали, и нас охраняют солдаты. Пожалуй, это даже не так плохо. Насколько нам известно, было сделано уже несколько попыток линчевать нас, и толпу удалось остановить только на соседней улице. На прошлой неделе мы смотрели, как внизу беснуется седовласый фанатик. Его вопли были неудобопонятными, но кое-какие слова нам все-таки удалось разобрать. «Дьявол! Антихристы! Надругательство над библией!»

Наверное, в городе нашлись бы люди, которые с удовольствием поджарили бы нас на костре, как исчадия ада. Хотел бы я знать, что думают предпринять руководители разных церквей теперь, когда истину можно узреть своими глазами. Найдутся ли специалисты, умеющие читать по губам арамейский язык, или коптский, или латынь? И чудо ли — чудо, сотворенное с помощью механических средств?

Дело принимает скверный оборот. Нас куда-то увезли. Куда именно, я не знаю, но только климат здесь жаркий, и, судя по полному отсутствию гражданских лиц, мы находимся в расположении какой-то военной части. Мы понимаем, что нам угрожает. И эти записки, Джо, которые я начал, чтобы убить время, теперь оказались необходимым предисловием к той просьбе, с которой я намерен к тебе обратиться. Прочти до конца, а потом начинай действовать. Сейчас у нас нет возможности переслать тебе рукопись, а потому я пока продолжаю, чтобы скоротать время. Для этой цели приведу тут несколько выдержек из газет.

«Таблоид»: «Подобное оружие нельзя оставлять в бесчестных руках. Последний кинофильм этих двух негодяев показывает, как можно исказить и извратить изолированные и неправильно понятые события. Ни собственность, ни деловые договора, ни личная жизнь не могут быть ограждены... Внешнюю политику нельзя будет...»

«Таймс»: «...колонии на нашей стороне... ликвидация империи... бремя белых...»

«Ничи-Ничи»: «...неопровержимо доказывает божественное происхождение...»

«Детройт джорнэл»: «...под самым нашим носом, в зловещей крепости на Ист-Уоррен... под строгим федеральным наблюдением... усовершенствованное нашими опытными инженерами могучее средство в руках учреждений, наблюдающих за исполнением закона... излишние обвинения в адрес политических и деловых кругов... Завтра — разоблачение...»

«Обсерваторе романо»: «...Совет кардиналов... с минуты на минуту должно последовать заявление...»

Конечно, из газет мы могли почерпнуть только самое поверхностное и одностороннее представление о ситуации. Однако солдаты тоже люди, и комнату убирает уборщица, а обед приносят официанты. И нам кажется, мы все-таки знаем правду о том, что происходит.

На улицах и в частных домах собираются митинги, два общества ветеранов изгнали свое руководство, семь губернаторов подали в отставку, три сенатора и десяток членов палаты представителей удалились от дел в связи с «состоянием здоровья», и настроение в стране самое тревожное. Ходят слухи, что конгресс спешно проводит поправку к конституции, запрещающую использование таких аппаратов частными лицами и какими бы то ни было организациями, кроме тех, которым будет выдано на это разрешение федеральным правительством. Говорят также, что по всей стране готовится марш на Вашингтон с требованием довести до конца наш процесс и установить, насколько верны предъявленные нам обвинения. По всеобщему мнению, все газеты, радио и телевидение взяты под контроль ФБР и армии. Отовсюду в конгресс посылаются петиции и требования, но они редко попадают по адресу.

Как-то горничная сказала:

— Тут, наверное, места не хватит для писем и телеграмм, адресованных вам! Ну и многим бы хотелось добраться до вас, чтобы с вами поговорить. Только ничего у них не выйдет — все здание битком набито военной полицией, — закончила она угрюмо.

Майк посмотрел на меня, и я, откашлявшись, спросил:

— А что вы думаете об этом?

Она умело перевернула и взбила подушку.

— Я видела вашу последнюю картину до того, как ее запретили. Я все ваши картины видела. После работы я смотрела по телевизору ваш процесс. Я слышала, как вы им ответили. Я так и не вышла замуж, потому что мой жених не вернулся из Бирмы. Вы лучше его спросите, что он думает... — Она кивнула в сторону часового, совсем молодого парня, в обязанности которого входило следить, чтобы она с нами не разговаривала. — Вы его спросите, хочет он, чтобы какие-нибудь сволочи заставили его стрелять в другого такого же беднягу, как он сам?.. Послушайте, что он скажет, а потом спросите меня, хочу ли я, чтобы на меня сбросили бомбу только потому, что кому-то тут хочется заграбастать больше, чем у них уже есть.

На следующей неделе газеты вышли с гигантскими заголовками:

«Чудодейственный луч — собственность США»,

«Поправка к конституции ждет утверждения»,

«Лавьяда и Лефко освобождены».

Мы действительно были освобождены. Спасибо Бронсону. Но в газетах, наверное, не сообщили, что нас тут же снова изолировали «в интересах нашей собственной безопасности», как нам объяснили. И я думаю, из этого места мы выйдем только ногами вперед.

Нам не дают газет, не разрешают переписки и содержат в полной изоляции. Нет, нас не выпустят. Они рассчитывают, что нас нечего опасаться, раз мы отрезаны от внешнего мира и не можем построить другой аппарат. А когда шум уляжется и мы будем забыты, нас можно будет надежно упрятать под двумя метрами земли. Ну, другого аппарата мы построить не можем. Но так ли уж мы отрезаны от мира?

Подумай — с появлением нашего аппарата война становится невозможной. Если у каждой страны, у каждого человека будет такой аппарат, все будут равно защищены. Но если он будет принадлежать одной какой-то стране, то остальные не смирятся

с этим. Может быть, мы действовали неправильно. Но бог свидетель, мы сделали все, что могли, чтобы помешать человечеству попасть в ловушку.

Аппарат Майка в руках армии, и сам Майк в руках армии. Времени остается немного. Один из часовых передаст тебе рукопись, и, надеюсь, вовремя.

Много времени назад мы дали тебе ключ и выразили надежду, что никогда не попросим тебя им воспользоваться. Но теперь пришло время пустить его в ход. Это ключ от одного из сейфов детройтского банка. В этом сейфе лежат письма. Отправь их по адресу — только не все сразу и не из одного и того же места. Они адресованы во все страны — людям, которых мы знаем, которых хорошо проверили, умным, честным и способным выполнить план, который мы предлагаем.

Но поторопись — в любую минуту кому-нибудь может прийти в голову, что у нас где-то спрятан второй аппарат. Второго аппарата у нас нет. Было бы глупо его строить. Но если какой-нибудь сообразительный молодой лейтенант получит аппарат в свое распоряжение на срок, достаточный, чтобы проследить наши прошлые действия, он обнаружит этот сейф с планами и письмами, готовыми для отправки. Теперь ты видишь, почему нужно торопиться. Поторопись, Джо!

Перевела с английского И. ГУРОВА

ЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ

Перевернута последняя страница фантастического памфлета американского писателя Т. Л. Шерреда. Герои повести — мексиканец Мигель Лавьяда, идеалист, пытающийся с помощью своего супергениального изобретения навсегда избавить человечество от войн, и его соратник и «летописец» Эдуард Левкорич, человек хотя и наделенный в известной мере пороками капиталистического мира, но под влиянием благородной цели преодолевающий свое цинично-меркантильное отношение к жизни и бесстрашно разделяющий судьбу своего друга, — надолго запомнятся читателю.

Фантастическая литература имеет много оттенков. Есть фантастика ради фантастики. Она не особенно считается с опытом прошлого и не ставит своей задачей более или менее научное предвидение будущего. Она скорее всего рассчитана на возбуждение воображения. Существует фантастика реалистичная. Она использует огромный опыт, накопленный человечеством, основывает свои прогнозы на достижениях совершающейся на наших глазах научно-технической революции и пытается заглянуть в будущее. Писателей этого направления можно назвать продолжателями традиций Жюля Верна, который оказался провидцем многого из того, что для нас стало обыденной реальностью.

К какой же категории можно отнести только что прочитанную повесть Т. Л. Шерреда? Это не фантастика ради фантастики, хотя то, о чем в ней говорится, если исходить из накопленного человечеством научно-технического опыта, нереально. Возможно, меня назовут «консерватором», но даже при необузданной фантазии трудно представить, чтобы киносъемки могли быть «опрокинутыми в историю» (речь идет не о постановке исторических фильмов, а о точной фиксации на пленке того, что происходило десятки и сотни лет назад). Это и не продолжение традиций Жюля Верна в условиях научно-технической революции.

Произведение Т. Л. Шерреда представляет собою образец совершенно особой фантастики. Оно в чем-то главном родственно творчеству популярного у нас американского фантаста Брэдбери, его горькой и гневной повести «451° по Фаренгейту».

Брэдбери обнажает бесчеловечные тенденции развития американского общества, изображая будущее своей страны, в которой при фантастическом развитии техники сохранился бы социально-политический режим, существующий ныне в Соединенных Штатах Америки.

Шерред тоже прибегает к жанру фантастической повести — памфлету, только делает свою вещь политически острой. Он использует экскурсы в историю посредством фантастического «обратного кино» для разоблачения политических нравов и морали современного общества в США, разоблачения, которое, по мнению героя повести Майка, может привести к избавлению мира от войн.

«Майк, — говорится в повести, — помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны». Майк понимал, что его изобретение может служить средством шантажа и наживы в руках политиканов и бизнесменов. И он не берет патента на изобретение, считая, что его чудодейственный аппарат должен служить всему человечеству.

Майк заснял своим аппаратом подлинную историю двух мировых войн. «Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с нелестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны, тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто, лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы». Скандал был грандиозным потому, что, как говорит устами Лефко автор, «извращение истины слишком долго воздействовало на психологию нации».

Все это знакомо нам из подлинной истории.

Фальсификаторы истории! Разве не они пытаются исказить на наших глазах историю второй мировой войны для того, чтобы умалить роль Советского Союза в разгроме гитлеровского фашизма, чтобы обелить оставшихся нацистов, на которых делают ставку вожаки агрессивного блока НАТО?!

А разве сегодня американские правящие круги не фальсифицируют историю возникновения агрессии в Индокитае? Разве «историки» буржуазного мира не фальсифицируют историю для того, чтобы «обосновать» бредовые планы сионистов на Ближнем Востоке? Без фальсификации истории правящим кругам империалистического мира было бы значительно труднее оболванивать рядовых людей в странах капитала.

Участь Майков и Лефко в действительности такая же, как и участь их литературных прообразов в повести Шерреда. Арест, изоляция от общества, предание анафеме и т. д. и т. п. Фантастическая повесть приводит к далеко не фантастическому концу. В этом — разоблачительная сила произведения Шерреда.

В. КУДРЯВЦЕВ

ОБОГАТИТЕ ВАШ СЛОВАРЬ!

Кто такие филателисты, знает каждый ребенок. Эти тихие люди, собирающие марки, всем известны. Известны всем и филуменисты, доки по части спичечных этикеток.

Куда менее известны фромологисты, собиратели этикеток от сыра. И уж совсем мало кто слышал о собирателях железнодорожных билетов и о жутком слове, коим они обозначаются: перидромофилисты.

Когда же несколько лет назад на Западе вошло в моду собирание брелоков от квартирных ключей, ученые из французского Института языка, поднатужившись, изобрели и им имечко: копоклефилисты.

Что и говорить: слово страшноватое... Полиция на всякий случай — вдруг какой-нибудь копоклефилист начнет собирать брелоки вместе с ключами — решила с них глаз не спускать.

ДЕВЯТЬ ЛЕТ В ДУПЛЕ

Девять лет прожил Эмиль Бюлунд в дупле большого дуба на острове Дюргорден, в центре Стокгольма. По утрам он вставал и шел на работу в город, обедал в каком-нибудь дешевом кафе, а вечером возвращался на «свой» остров, разыскивал «свой» дуб и залезал в спальный мешок. Летом и зимой, в жару и в мороз.

Тайна повышенной любви к свежему воздуху объясняется просто — Бюлунду просто негде жить.

НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

По данным прошлогодней переписи, самой старой бразильянкой является Глисерия Феррейра да Сильва из города Ментейра, отпраздновавшая уже свое 125-летие. Несмотря на столь преклонный возраст, она не только сама управляется с домашним хозяйством и обшивает себя и свою младшую сестру, которой всего лишь 116 лет, но и легко, без очков вдевает нитку в иголку. На вопрос посетивших Глисерию репортеров: «Что бы вы сделали, если бы начали жить сначала?» — долгожительница, не задумываясь, ответила: «Обязательно научилась бы читать. Грамотному все-таки легче найти работу».

ВЗАИМНОСТЬ

Туристы, приезжающие в конголезский национальный парк Рвинда, ходят к реке посмотреть на бегемота. Туристы ходят днем и щелкают фотоаппаратами.

А ночью бегемоты идут по туристской тропе к гостинице и с интересом смотрят на людей за освещенными окнами. Правда, фотоаппаратов у них нет...

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ЛЕВ

Тридцать восемь лет величественно просидел лорд Макдональд на наследственном своем месте в палате лордов, не пропустив ни одного заседания. И не сказав ни единого слова.

Недавно почтенный парламентарий решился выйти на трибуну, открыл рот и... не издав ни звука, степенно вернулся на свое место.

— Настолько уважаю палату лордов, — объяснял лорд Макдональд коллегам-лордам в кулуарах, — что от волнения забыл все, что хотел сказать.

ГОРЕ НЕВЕРНОМУ!

Хуаниту Фернандес из американского города Санта-Фе, женщину состоятельную и сварливую, постигло несчастье: ее муж скрылся в неизвестном направлении. Тщетно искала соломенная вдова вероломного супруга. Горю ее не было границ.

Однажды в газете появилось траурное объявление о смерти миссис Хуаниты Б. Фернандес. В назначенный час на кладбище собрались друзья покойной. Явился в предвкушении наследства и сбежавший муж.

Он получил его сполна.

Об этом позаботились сидевшие за кустами Хуанита и три ее брата.

РЕЗЕРВ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

В августе 1841 года произошла весьма странная морская битва между флотами Аргентины и Уругвая. Уругвайским флотом командовал американский капитан Джон Ко, а аргентинским — британский адмирал Уильям Браун. В разгар битвы уругвайский главнокомандующий узнал, что запас артиллерийских снарядов подошел к концу. Он уже собрался капитулировать, когда ему донесли, что на флагманском корабле имеются большие запасы... голландского сыра. Причем головы сыра такого же калибра, что и расстрелянные снаряды. Сыр этот долго лежал и от лежания сделался весьма твердым. Капитан Ко немедленно приказал зарядить им все орудия и сделать пробный выстрел. Большего и не потребовалось: противник поначалу растерялся, а затем ударился в панику. Аргентинцы быстро «сообразили», что против них применили какое-то новое секретное оружие. Их командующий отдал приказ об отступлении.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ

Казалось бы, людей, работающих на электронных вычислительных машинах, должна занимать лишь скорость их операций да объем памяти. Однако, как выяснилось, немалую роль играет и внешний вид ЭВМ. Компьютеры в их обычном скучном оформлении нагоняют смертную тоску на операторов. Стремясь помочь счетно-учетным работникам (и не забывая о конкурентах), американская фирма «Нью электроникс» решила выпустить ЭВМ более оригинального вида, например в виде зверей. Конечно, конструкторам фирмы пришлось изрядно поломать голову над тем, как из транзисторов, проводов и сопротивлений создать этот электронный зверинец. Зато новые ЭВМ удались на славу, словно они только что удрали из зоопарка.

НЕ СЛОВОМ ЕДИНЫМ

Между святыми отцами Нью-Йорка возникла отчаянная конкуренция. Причем схватки за души прихожан ведутся не только с помощью «слова господня». Так, реформистская церковь избрала своим главным оружием гуляш и жареных цыплят, которых после службы сервируют за умеренную плату. Пресвитериане на Пятой авеню подают рыбу и фруктовый салат, а православные отцы уповают на сосиски с горчицей. «Одной пищей духовной человек сыт не бывает», — утверждают ныне святые отцы, не без оснований полагая, что хорошее меню куда привлекательнее хорошей проповеди.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ МЕСТЬ

Когда известный маг Сэмми Камель из Александрии приехал на гастроли в Лондон, газеты не сочли нужным уделить ему ни строчки. «Ну ладно, вы еще об этом пожалеете», — подумал про себя обиженный волшебник. На следующее утро он отправился на набережную Виктории с твердым намерением... подожечь Темзу. Правда, месть Камеля не удалась, хотя он, словно огнемет, не один час изрыгал огромные языки пламени. «Увы, я не учел ваш вечный лондонский дождь»,— заявил маг собравшимся журналистам.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

В связи с катастрофическим ростом писем в адрес английского общества поклонников знаменитого философа Фрэнсиса Бэкона с жалобами на плохое качество бекона правление общества решилось на крайнюю меру. Оно поместило в газетах объявление о том, что во избежание недоразумений впредь меняет свое название с «Бэкон сосайети» на «Фрэнсис Бэкон сосайети». На следующий день члены правления получили сердитое письмо: «Вместо того чтобы мудрить с названиями, вы бы лучше занимались своим делом и следили за качеством бекона».

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света", 1903 год

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ НА МОРЕ

Командир судна «Ком-Горн» капитан Трамборг прислал недавно интересное сообщение в один немецкий специальный журнал о чрезвычайно редком явлении — шаровой молнии, упавшей на его судно. 9 апреля судно находилось под 30-м градусом северной широты, когда внезапно разразилась сильнейшая гроза. После нескольких мелких молний сверкнула такая сильная молния, что все окружающее казалось как в огне, а само судно имело вид раскаленного железа. «У самых наших ног, — говорит капитан, — упал огненный шар величиной не меньше кегельного шара, бело-синеватого цвета. Непосредственно за этой молнией последовал такой сильный удар грома, что затряслось все судно. В продолжение нескольких секунд мы были ослеплены, и по исчезновении огненного шара вокруг нас все было окутано туманом желтоватого цвета».

КОНСКАЯ СТАТИСТИКА

Департамент земледелия Соединенных Штатов Америки издал недавно интересную статистику о распределении лошадей на земном шаре. Всего на земной поверхности насчитывается около 75 миллионов лошадей. Из них находится в Европе 40 миллионов голов, в Америке 23 миллиона, в Азии 9 миллионов, в Африке 1 миллион и в Австралии 2 миллиона. Самая богатая страна лошадьми во всем свете Россия, в ней насчитывается 21 миллион голов, а в Австрии 3 миллиона 750 тысяч, во Франции 2 миллиона 900 тысяч. Из этой статистики видно также, что на земном шаре 11 миллионов ослов и мулов, а именно: 3 миллиона в Европе, 5 миллионов в Америке, 1 миллион в Африке и 2 миллиона в Австралии.

КТО ИЗОБРЕЛ МОНОКЛЬ?

Весьма возможно, что монокль был изобретен одноглазым, но история не передает его жизни. Первый монокль или нечто подобное ему, о котором упоминается в истории, употреблял император Нерон. Это был очень большой, превосходно отшлифованный сапфир, который цезарь вставлял в глаз для защиты от солнечных лучей. Употребление монокля в современном обществе имеет непосредственное отношение к лупам, которые употребляли в XVII и XVIII столетиях для рассматривания миниатюр и гравюр. Во времена Теофиля Готье подобная лупа называлась моноклем, и приблизительно в то же время возникла мода вставлять в глаз кусок стекла. Известный писатель Эмиль де Жирарден был одним из первых приверженцев новой моды. Существует много различных видов монокля. Во время империи князь де Саган ввел в моду лорнет в черепаховой оправе с широкой муаровой лентой. Одновременно князь де Бофремон носил монокль на полях своей шляпы. Существовали также четырехугольные монокли. Орельян Шоль носил монокль без всякой оправы. Обращение с моноклем составляет своего рода искусство. Некоторым монокль придает живой вид, другим дерзкий. В наше время своим моноклем прославился пресловутый английский министр Чемберлен, хотя нельзя сказать, чтобы он очень шел к его гладко выбритому лицу, ничем не отличающемуся от типичного облика актера.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1971

СОДЕРЖАНИЕ

На первой странице обложки: БОЛГАРИЯ. Пловдив. Старинная часть города на Трехголмии. Фото И. ГОРЕЛОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 9/XII 1970 г. Подп. к печ. 14/I 1971 г. А08004. Формат 84×108[1]/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 300 000 экз. Заказ 2517. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ПРАДЕДУШКА ТАНКА

Почти у всех военных средств и орудий можно отыскать аналогии уже в древности. Осадной артиллерии соответствовали катапульты и тараны, автотранспорту — кони, винтовкам — луки, а танкам — боевые слоны. Отряды слонов были и в карфагенских армиях Ганнибала, и в войсках бирманских королей, и в армиях Великих моголов. Более двух тысяч лет танки древности выстраивались на полях сражений, и в панике бежали перед ними беззащитные отряды врага.

Вся история военного дела — борьба между средствами нападения и защиты. Чем острее стрелы и крепче мечи, тем тяжелее латы и щиты. Чем выше скорость пуль и мощь снарядов, тем толще броня танков и крейсеров.

Эволюцию такого рода прошли и боевые слоны. Живые танки Ганнибала и Древнего Востока были защищены лишь толстой кожей, своей собственной, данной природой, броней. На спинах слонов устанавливались платформы, где сидели лучники — десантники древности. Для того чтобы увеличить мощь слона, на бивни ему надевали металлические наконечники, и слон действовал ими как могучими копьями.

Слоны были наиболее эффективны в борьбе с противником, особенно незнакомым с ними. Порой важнее был психологический эффект, чем действительная сила животных.

Бывали, однако, и такие случаи, когда слоны становились причиной поражения собственной армии. Великий венецианский путешественник Марко Поло рассказывает о том, как сравнительно небольшой монгольский отряд отправился на завоевание Бирмы. Бирманский царь выставил огромную армию, главной мощью которой были боевые слоны. Слоны бросились вперед, и казалось, ничто не могло их остановить. Однако в монгольском отряде сражались профессионалы, отлично знакомые с любым врагом и знавшие слабые места живых «боевых крепостей». Лучники монголов рассыпались цепью, стреляя в слабо защищенные ноги слонов. От боли слоны взбесились, повернули назад и бросились на собственную армию, круша и топча ее.

Впоследствии слонов стали защищать от стрел противника, и, словно рыцари в Европе, они обзавелись броней. Спина и бока слона были покрыты попоной с нашитыми бронзовыми или железными пластинами. Ноги опутаны металлическими спиралями. Слон стал еще более неповоротливым и страшным. Но дни его как боевого средства были уже сочтены. Появилось огнестрельное оружие. Оно редко применялось в Индии и Бирме, где слоновьи войска сохранились до XVIII века, но с приходом европейцев слоны оказались беспомощными перед винтовками и пушками английских и французских солдат.

Так и завершилась военная карьера лесных великанов. Пришлось им перейти к мирному труду — перетаскиванию бревен, работе в цирках. И лишь сохранившиеся в некоторых музеях слоновьи доспехи напоминают о грозном топоте живых танков.

С. ФАН

Цена 60 коп.
Индекс 70142

РУССКИЙ МУЗЕЙ

